3 1761 08821041 4

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranies01nekr

LR
N4189
1919

Nekrasov, Nikolai Alekseevich

Полное Собраніе

Polnoe Sobranie

СТИХОТВОРЕНІЙ

Stikhotvoreny

Н. А. НЕКРАСОВА

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ

ТОМЪ I.

Лирическія Стихотворенія. Поэмы. Морозъ Красный-Носъ. Русскія Женщины.

45-9365
15.3.47

Русское Литературное Издательство.
НЬЮ-ІОРКЪ
1919.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ

I.—ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ. Стр. 5—110.

1845.

Когда изъ мрака заблужденья 5

1846.

Пускай мечтатели осмѣяны давно 6
Въ невѣдомой глуши 6
Родина 7

1847.

Если мучимый страстью мятежной 9
Ты всегда хороша несравненно 10
Я за то глубоко презираю себя 11

1848.

Поражена потерей невозвратной 12

1849.

Я посѣтилъ твое кладбище 12

1850.

Я не люблю иронiи твоей 13

1851.

Мы съ тобой безтолковые люди 14
Муза 14

1852.

Новый годъ 16
Блаженъ незлобивый поэтъ 17
Застѣнчивость 19
Влюбленному 21
О, письма женщины, намъ милой 21

1853.

Ахъ, были счастливые годы 22
Послѣднія элегіи
1) Душа мрачна 23
2) Я рано всталъ 24
3) Пышна въ разливѣ 25

Памяти —— ой 26
Да, наша жизнь текла мятежно..... 29
За городомъ 30

1854.

Такъ это шутка? Милая моя..... 31
Внимая ужасамъ войны..... 32
Давно отвергнутый тобою..... 33

1855.

Праздникъ жизни—молодости годы..... 33
Тургеневу 34
На родинѣ 35
Письма 36
Горящія письма 36

1856.

Замолкни, Муза, мести и печали..... 37
Какъ ты кротка, какъ ты послушна..... 38
Прости 38
Поэтъ и гражданинъ..... 39
Тяжелый крестъ достался ей на долю..... 48
Гадающей невѣстѣ 49
Тяжелый годъ—сломилъ меня недугъ..... 51

1858.

Размышленія у парадnаго подъѣзда..... 52
Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи..... 55
Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться..... 55

1860.

Одинокій, потерянный 56
Что ты, сердце мое, расходилося?..... 57
Демону 57
Рыцарь на часъ..... 58

1861.

Что ни годъ—уменьшаются силы..... 64
Двадцатое ноября 1861 г..... 65
Свобода 66

1862.

Литература съ трескучими фразами..... 66
Стихи мои! Свидѣтели живые..... 67

1863.

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская..... 67
Надрывается сердце отъ муки..... 68

1864.

Памяти Добролюбова 69
Возвращеніе 70

1866.

Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи 71

1867.

Неизвѣстному другу 72
Пѣсня о трудѣ 73
Пѣсня 75
Еще тройка 76

1868.

Мать 78
Не рыдай такъ безумно надъ нимъ 78
Душно! безъ счастья и воли 79
Дома лучше 80
Наконецъ, не горитъ уже лѣсъ 80

1870.

Страшный годъ 81

1872.

Кузнецъ 82

1874.

Утро 82
Поэту 84
Три элегіи 85
Уныніе 87
Элегія 93

1876.

Вступленіе къ пѣснямъ 1876—77 годовъ 94
Дни идутъ... все такъ же воздухъ душенъ 96
Сѣятелямъ 96
Молебенъ 97
Пророкъ. Изъ Барбье 97
Друзьямъ 98
Музѣ 98
Скоро стану добычею тлѣнья 99
З—нѣ 99

1877.

Приговоръ 100
Зинѣ 101
Поэту 102
Баюшки-баю 102
Отъѣзжающему 104
Черный день! какъ нищій просить хлѣба 104
Великое чувство! у каждыхъ дверей 105
М. Е. Салтыкову.—При отъѣздѣ въ за-границу 105
Отрывокъ: Я сбросила мертвящія оковы 106
Старость 106
Осень 107
Мужъ и жена 108
Сонъ 109
О, Муза, я у двери гроба 110

II—ПОЭМЫ. Стр. 5—109.

1855.

Саша 5

1856.

Несчастные 24

1857.

Тишина 50

1860.

На Волгѣ 55

1861.

Коробейники 64

1869.

Дѣдушка 86

1877.

Мать 100

1863.

III.—МОРОЗЪ КРАСНЫЙ-НОСЪ. Стр. 3—39.

1871—1872.

IV.—РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Стр. 3—72.

1) Княгиня Трубецкая 3
2) Княгиня Волконская 32

Н. А. НЕКРАСОВЪ

Лирическія Стихотворенія

*
* *

Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
Я душу падшую извлекъ,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ;

Когда забывчивую совѣсть
Воспоминаніемъ казня,
Ты мнѣ передавала повѣсть
Всего, что было до меня,

И вдругъ, закрывъ лицо руками,
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Ты разрѣшилася слезами,
Возмущена, потрясена,—

Вѣрь: я внималъ не безъ участья,
Я жадно каждый звукъ ловилъ...
Я понялъ все, дитя несчастья!
Я все простилъ и—все забылъ.

Зачѣмъ же тайному сомнѣнью
Ты ежечасно предана?
Толпы безсмысленному мнѣнью
Ужель и ты покорена?

Не вѣрь толпѣ, пустой и лживой,
Забудь сомнѣнія свои,
Въ душѣ болѣзненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и безплодно,
Не пригрѣвай змѣи въ груди,
И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

---

*
* *

Пускай мечтатели осмѣяны давно,
Пускай въ нихъ многое дѣйствительно смѣшно;
Но все же я скажу, что мнѣ въ часы разлуки
Отраднѣе всего, среди душевной муки,
Вспоминать о ней, усиліемъ мечты
Изъ мрака вызывать знакомыя черты,
Въ минуты горькаго раздумья и печали
Бродить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ вмѣстѣ мы гуляли—
И даже иногда вечернею порой,
Любуясь блѣдною и грустною луной,
Припоминать тотъ садъ, ту темную аллею,
Откуда мы луной плѣнялись вмѣстѣ съ нею,
Но, больше нашею любовію полны,
Чѣмъ тихимъ вечеромъ и прелестью луны,
Влюбленные глаза другъ къ другу обращали
И въ долгій поцѣлуй уста свои сливали...

---

*
* *

(Подражаніе Лермонтову).

Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой
Я росъ средь буйныхъ дикарей,
И мнѣ дала судьба, по милости великой,
Въ руководители псарей.
Вокругъ меня кипѣлъ развратъ волною грязной,
Боролись страсти нищеты.

И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубыя черты.
И прежде, чѣмъ понять разсудкомъ неразвитымъ,
Ребенокъ, могъ я что-нибудь,
Проникъ уже порокъ дыханьемъ ядовитымъ
Въ мою младенческую грудь.
Застигнутый врасплохъ, стремительно и шумно
Я въ мутный ринулся потокъ,
И молодость мою постыдно и безумно
Въ развратѣ безобразномъ сжегъ...
Шли годы. Оторвавъ привычныя объятья
Отъ негодующихъ друзей,
Напрасно посылалъ я позднія проклятья
Безумству юности моей.
Не вспыхнули въ груди растраченныя силы—
Мой ропотъ ихъ не пробудилъ;
Пустынной тишиной и холодомъ могилы
Смѣнился юношескій пылъ,
И въ новый путь, съ хандрой, болѣзненно развитой,
Пошелъ безъ цѣли я тогда,
И думалъ, что душѣ, довременно убитой,
Ужъ не воскреснуть никогда.
Но я тебя узналъ... Для жизни и волненій
Въ груди проснулось сердце вновь:
Вліянье раннихъ бурь и мрачныхъ впечатлѣній
Съ души изгладила любовь...
Во мнѣ опять мечты, надежды и желанья...
И пусть меня не любишь ты,
Но мнѣ избытокъ слезъ и жгучаго страданья
Отраднѣй мертвой пустоты...

РОДИНА.

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,

Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но, ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда бывалъ помѣщикомъ и я;
Гдѣ отъ души моей, довременно-растлѣнной,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный,
И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жогъ...
Воспоминанія дней юности—извѣстныхъ
Подъ громкимъ именемъ роскошныхъ и чудесныхъ,—
Наполнивъ грудь мою и злобой, и хандрой,
Во всей своей красѣ проходятъ предо мной!..
Вотъ темный, темный садъ... Чей ликъ въ аллеѣ дальной
Мелькаетъ межъ вѣтвей, болѣзненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубилъ... о! знаю, знаю я!..
На вѣки отдана угрюмому невѣждѣ,
Не предавалась ты несбыточной надеждѣ—
Тебя пугала мысль возстать противъ судьбы,
Ты жребій свой несла въ молчаніи рабы...
Но знаю: не была душа твоя безстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И все, что вынести въ тебѣ достало силъ,
Предсмертный шопотъ твой губителю простилъ!
И ты, дѣлившая съ страдалицей безгласной
И горе и позоръ судьбы ея ужасной,—
Тебя ужъ также нѣтъ, сестра души моей!
Изъ дома крѣпостныхъ любовницъ и псарей
Гонимая стыдомъ, ты жребій свой вручила
Тому, котораго не знала, не любила...
Но матери своей печальную судьбу
На свѣтѣ повторивъ, лежала ты въ гробу
Съ такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнулъ самъ палачъ, заплакавшій ошибкой...

Вотъ сѣрый, старый домъ... Теперь онъ пустъ и глухъ:
Ни женщинъ, ни собакъ, ни гаеровъ, ни слугъ...
А старь?... Но помню я: здѣсь что-то всѣхъ давило,
Здѣсь въ маломъ и въ большомъ тоскливо сердце ныло.
Я къ нянѣ убѣгалъ... Ахъ, няня! сколько разъ
Я слезы лилъ о ней въ тяжелый сердцу часъ;
При имени ея впадая въ умиленье,
Давно ли чувствовалъ я къ ней благоговѣнье?..
Ея безсмысленой и вредной доброты
На память мнѣ пришли немногія черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нѣтъ! въ юности моей, мятежной и суровой,
Отраднаго душѣ воспоминанья нѣтъ:
Но все, что жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ—
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!...
И съ отвращеніемъ кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ темный боръ—
Въ томящій лѣтній зной защита и прохлада,—
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...

---

*
* *

Если мучимый страстью мятежной,
Позабылся ревнивый твой другъ,
И въ душѣ твоей, кроткой и нѣжной,
Злое чувство проснулося вдругъ—

Все, что вызвано словомъ ревнивымъ,
Все, что подняло бурю въ груди,
Переполнено гнѣвомъ правидвымъ,
Безпощадно ему возврати.

Отвѣчай негодующимъ взоромъ,
Оправданья и слезы осмѣй,
Порази его жгучимъ укоромъ—
Всю до капли досаду излей!

Но когда, отдохнувъ отъ волненья,
Ты поймешь его грустный недугъ,
И дождется минуты прощенья
Твой безумный, но любящій другъ—

Позабудь ненавистное слово,
И упрекомъ своимъ не буди
Угрызеній мучительныхъ снова
У воскресшаго друга въ груди!

Вѣрь: постыдный порывъ подозрѣнья
Безъ того много принесъ
Полныхъ муки, тревогъ, сожалѣнья
И раскаянья поздняго слезъ...

---

*
* *

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я унылъ и угрюмъ,
Оживляется такъ вдохновенно
Твой веселый, насмѣшливый умъ;

Ты хохочешь такъ бойко и мило,
Такъ враговъ моихъ глупыхъ бранишь,
Такъ лукаво меня ты смѣшишь;
То, понуривъ головку уныло,

Такъ добра ты, скупая на ласки,
Поцѣлуй твой такъ полонъ огня,
И твои ненаглядные глазки
Такъ голубятъ и гладятъ меня,—
Что съ тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу,
И впередъ—въ это темное море—
Безъ обычнаго страха гляжу...

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу, день за днемъ безполезно губя;

---

*
* *

Что я—силы своей не пытавъ ни на чемъ—
Осудилъ самъ себя безпощаднымъ судомъ

И лѣниво твердя: я ничтоженъ, я слабъ!
Добровольно всю жизнь пресмыкался какъ рабъ'

Что, доживши кой-какъ до тридцатой весны,
Не скопилъ я себѣ хоть богатой казны,

Чтобъ глупцы у моихъ пресмыкалися ногъ,
Да и умникъ подъ часъ позавидовать могъ!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратилъ свой вѣкъ, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь міръ,
А брожу дикаремъ—безпріютенъ и сиръ,

И что злоба во мнѣ и сильна, и дика,
А до дѣла дойдетъ—замираетъ рука!

---

*
* *

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни радости, ни вѣры благодатной—
Постыдное безсиліе раба!

Ей все равно—холодный сумракъ гроба,
Позоръ ли, слава, ненависть, любовь,—
Погасла и спасительная злоба,
Что долго такъ разогрѣвала кровь.

Я жду...но ночь не близится къ разсвѣту
И мертвый мракъ кругомъ... и та,
Которая воззвать могла бы къ свѣту,—
Какъ будто смерть сковала ей уста!

Лицо безъ мысли, полное смятенья,
Сухіе, напряженные глаза...
И кажется, зарею обновленья
Въ нихъ никогда не заблеститъ слеза...

---

*
* *

Я посѣтилъ твое кладбище,
Подруга трудныхъ, трудныхъ дней!
И образъ твой свѣтлѣй и чище
Рисуется душѣ моей.
Бывало, натерпѣвшись муки,
Уставъ и тѣломъ, и душой,
Подъ игомъ молчаливой скуки
Встрѣчался грустно я съ тобой.
Ни смѣхъ, ни говоръ твой веселый
Не прогоняли темныхъ думъ:

Они бѣсили мой тяжелый,
Больной и раздраженный умъ.
Я думалъ,—нѣтъ въ душѣ безпечной
Сочувствія душѣ моей,
И горе въ глубинѣ сердечной
Держалось дольше и сильнѣй...
Увы, то время невозвратно!
Въ ошбкахъ юность невольна:
Безъ слезъ ей горе непонятно,
Безъ смѣху радость не видна...
Ты умерла... смирились грозы...
Другую женщину я зналъ,
Я поминутно видѣлъ слезы
И часто смѣхъ твой вспоминалъ.
Теперь мнѣ дороги и милы
Тѣ грустно прожитые дни:
Какъ много нѣжности и силы
Душевной вызвали они!
Твержу съ упрекомъ и тоскою:
"Зачѣмъ я не цѣнилъ тогда?"
Забудусь,—ты передо мною
Стоишь—жива и молода:
Глаза блистаютъ, локонъ вьется,
Ты говоришь: "будь веселѣй!"
И звонкій смѣхъ твой отдается
Больнѣе слезъ въ душѣ моей...

---

*
* *

Я не люблю иронiи твоей.
Оставь ее отжившимъ и не жившимъ,
А намъ съ тобой, такъ горячо любившимъ,
Еще остатокъ чувства сохранившимъ,—
Намъ рано предаваться ей!

Пока еще застѣнчиво и нѣжно
Свиданіе продлить желаешь ты,
Пока еще кипятъ во мнѣ мятежно
Ревнивыя тревоги и мечты—
Не торопи развязки неизбѣжной!
И безъ того она недалека:
Кипимъ сильнѣй, послѣдней жажды полны,
Но въ сердцѣ тайный холодъ и тоска...
Такъ осенью бурливѣе рѣка,
Но холоднѣй бушующія волны.

---

*
* *

Мы съ тобой безтолковые люди:
Что минута, то вспышка готова,
Облегченье взволнованной груди—
Неразумное, рѣзкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнуетъ и мучитъ!
Будемъ, другъ мой, сердиться открыто:
Легче миръ—и скорѣе наскучитъ.

Если проза въ любви неизбѣжна,
Такъ возьмемъ и съ нея долю счастья:
Послѣ ссоры такъ полно, такъ нѣжно
Возвращенье любви и участья...

МУЗА.

Нѣтъ, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной!
Въ небесной красотѣ, неслышимо, какъ духъ,
Слетая съ высоты, младенческій мой слухъ,
Она гармоніи волшебной не учила,

Въ пеленкахъ у меня свирѣли не забыла,
Среди забавъ моихъ и отроческихъ думъ
Мечтой неясною не волновала умъ,
И не явилась вдругъ восторженному взору
Подругой любящей въ блаженную ту пору,
Когда томительно волнуютъ нашу кровь
Нераздѣлимыя и Муза, и Любовь...
Но рано надо мной отяготѣли узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ,—
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото—единственый кумиръ...
Въ усладу новаго пришельца въ Божій міръ,
Въ убогой хижинѣ, предъ дымною лучиной,
Согбенная трудомъ, убитая кручиной,
Она пѣвала мнѣ—и полонъ былъ тоской
И вѣчной жалобой напѣвъ ея простой.
Случалось, не стерпѣвъ томительнаго горя,
Вдругъ плакала она, моимъ рыданьямъ вторя,
Или тревожила младенческій мой сонъ
Разгулной пѣснею... Но тотъ же скорбный стонъ
Еще пронзительнѣй звучалъ въ разгулѣ шумномъ
Все слышалося въ немъ въ смѣшеніи безумномъ:
Разсчеты мелочной и грязной суеты,
И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты,
Погибшая любовь, подавленныя слезы,
Проклятья, жалобы, безсильныя угрозы...
Въ порывѣ ярости, съ неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой;
Предавшись дикому и мрачному веселью;
Играла бѣшено моею колыбелью,
Кричала "мщеніе!"—и буйнымъ языкомъ
Въ сообщники свои звала Господень громъ!
Въ душѣ озлобленной, но любящей и нѣжной
Непроченъ былъ порывъ жестокости мятежной;
Слабѣя медленно, томительный недугъ

Смирялся, утихалъ... и выкупалось вдругъ
Все буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнувъ головой,
"Прощай врагамъ своимъ!" шептала надо мной...
Такъ вѣчно плачущей и непонятной дѣвы
Лелѣяли мой слухъ суровые напѣвы,
Покуда, наконецъ, обычной чередой
Я съ нею не вступилъ въ ожесточенный бой.
Но съ дѣтства прочнаго и кровнаго союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрезъ бездны темныя Насилія и Зла:
Труда и Голода она меня вела,—
Почувствовать свои страданья научила
И свѣту возвѣстить о нихъ благословила...

НОВЫЙ ГОДЪ.

Что новый годъ, то новыхъ думъ,
Желаній и надеждъ
Исполненъ легковѣрный умъ
И мудрыхъ, и невѣждъ.
Лишь тотъ, кто подъ землей сокрытъ,
Надежды въ сердцѣ не таитъ!..
Давно ли ликовалъ народъ
И радовался міръ,
Когда рождался прошлый годъ
При звукахъ чашъ и лиръ?
И чье суровое чело
Лучомъ надежды не цвѣло?
Но меньше-ль видѣлъ онъ могилъ,
Вражды и нищеты?
Въ немъ каждый день убійцей былъ
Какой-нибудь мечты,
Не пощадилъ онъ никого,
И не далъ людямъ ничего!

При звукахъ тѣхъ же чашъ и лиръ,
Обычной чередой
Безстрастный гость вступаетъ въ міръ
Безстрастною стопой—
И въ тѣхъ лишь нѣтъ надежды вновь,
Въ комъ навсегда застыла кровь!
И благо!.. Съ чашами въ рукахъ
Да будетъ встрѣченъ гость,
Да разлетится горе въ прахъ,
Да умирится злость—
И въ обновленныя сердца
Да снидетъ радость безъ конца!

Насъ давитъ времени рука,
Насъ изнуряетъ трудъ,
Всесиленъ случай, жизнь хрупка,
Живемъ мы для минутъ,
И то, что съ жизни взято разъ,
Не въсилахъ рокъ отнять у насъ!
Пускай кипитъ веселый рой
Мечтаній молодыхъ—
Имъ предадимся всей душой...
А время скоситъ ихъ?—
Что нужды! Снова въ свой чередъ
Въ насъ воскроситъ ихъ новый годъ...

---

*
* *

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства:
Ему такъ искрененъ привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства;

Ему сочувствіе въ толпѣ,
Какъ ропотъ волнъ, ласкаетъ ухо;

Онъ чуждъ сомнѣнія въ себѣ—
Сей пытки творческаго духа;

Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой.

Дивясь воликому уму,
Его не гонятъ, не злословятъ,
И современники ему
При жизни памятникъ готовятъ...

Но нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой.

Его преслѣдуютъ хулы:
Онъ ловитъ звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.

И вѣря, и не вѣря вновь
Мечтѣ высокаго призванья,
Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья,—

И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
И умныхъ, и пустыхъ людей,
Равно клеймить его готовыхъ.

Со всѣхъ сторонъ его клянутъ,
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ—ненавидя!

ЗАСТѢНЧИВОСТЬ.

Ахъ ты, страсть роковая, безплодная,
Отважись, не тумань головы!
Осмѣетъ насъ красавица модная,
Вкругъ нея увиваются львы:

Поступь гордая, голосъ увѣренный,
Что ни скажутъ—ихъ рѣчь хороша,
А вотъ я-то войду, какъ потерянный,—
И ударится въ пятки душа!

На ногахъ словно гири желѣзныя,
Какъ свинцомъ налита голова,
Странно руки торчатъ безполезныя,
На губахъ замираютъ слова.

Улыбнусь—непроворная, жесткая,
Не въ улыбку улыбка моя;
Пошутить захочу—шутка плоская:
Покраснѣю мучительно я!

Помѣщусь, молчаливо досадуя,
Въ дальній уголъ... уныло смотрю
И сижу неподвижно, какъ статуя,
И судьбу потихоньку корю:

"Для чего-де меня горемычнаго
Дуракомъ ты на свѣтъ создала?

Ни умишка, ни виду приличнаго,
Ни довольства собой не дала?"...

Ахъ! судьба-ль меня, полно, обидѣла?
Отчего-жъ, какъ домой ворочусь,
(Удивилась бы, еслибъ увидѣла)
И уменъ, и пригожъ становлюсь?

Все припомню, что было ей сказано,
Вижу: самъ бы сказалъ не глупѣй...
Нѣтъ! мнѣ въ божьихъ дарахъ не отказано,
И лицомъ я не хуже людей!

Малодушье пустое и дѣтское,
Не хочу тебя знать съ этихъ поръ!
Я пойду въ ея общество свѣтское,
Я тамъ буду уменъ и остеръ!

Пусть пойметъ, что свободно и молодо
Въ этомъ сердцѣ волнуется кровь,
Что подъ маской наружнаго холода
Безконечная скрыта любовь..

Полно роль-то играть сумасшедшаго,
Въ сердцѣ искру надежды беречь!
Не стряхнуть рокового прошедшаго
Мнѣ съ моихъ невыносливыхъ плечъ!

Придавила меня бѣдность грозная,
Запугалъ меня съ дѣтства отецъ,
Безталанная долюшка слезная
Извела, доконала въ конецъ!

Знаю я: сожалѣнье постыдное,
Что какъ червь копошится въ груди,
Да сознанье безсилья обидное
Мнѣ осталось одно впереди...

ВЛЮБЛЕННОМУ.

Какъ вѣсти о дорогѣ трудной,
Когда-то пройденной самимъ,
Внимаю рѣчи безразсудной,
Надеждамъ розовымъ твоимъ.
Любви безумными мечтами
И я по-твоему кипѣлъ,
Но я дѣлить ихъ не хотѣлъ
Съ моими праздными друзьями.
За счастье сердца моего
Томимъ боязнію ревнивой,
Не допускалъ я никого
Въ тайникъ души моей стыдливой.
За то теперь, когда угасъ
Въ груди тотъ пламень благодатный,
О прошломъ счастіи разсказъ
Твержу съ отрадой непонятной.
Такъ проникаемъ мы легко
И въ недоступное жилище,
Когда хозяинъ далеко,
Или почіетъ на кладбищѣ.

---

*
* *

О, письма женщины намъ милой!
Отъ васъ восторгамъ нѣтъ числа,
Но въ будущемъ душѣ унылой
Готовите вы больше зла.
Когда погаснетъ пламя страсти,
Или послушаетесь вы
Благоразумья строгой власти
И чувству скажете: увы!
Отдайте ей ея посланья
Иль не читайте ихъ потомъ,

А то нѣтъ хуже наказанья,
Какъ заднимъ горевать числомъ.
Начнешь съ усмѣшкою лѣнивой,
Какъ бредъ невинный и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской...

О ты, чьихъ писемъ много, много
Въ моемъ портфелѣ берегу!
Подъ часъ на нихъгляжу я строго,
Но бросить въ печку не могу.
Пускай мнѣ время доказало,
Что правды въ нихъ и проку мало,
Какъ въ праздномъ лепетѣ дѣтей,
Но и теперь они мнѣ милы—
Поблекшіе цвѣты съ могилы
Погибшей юности моей!

---

* * *

(Изъ Гейне).

Ахъ, были счастливые годы!
Жилъ шумно и весело я,
Имѣлъ я большіе доходы,
Со мной пировали друзья;

Я съ ними послѣднимъ дѣлился,
И не было дружбы нѣжнѣй,
Но мой кошелекъ истощился—
И нѣтъ моихъ милыхъ друзей!

Теперь у постели больного—
Какъ зимняя шумитъ—

Въ ночной своей кофтѣ, сурово
Старуха-Забота сидитъ.

Скрипя, раздираетъ мнѣ ухо
Ея табакерка порой.
Какъ страшно киваетъ старуха
Сѣдою своей головой!

Случается, снова мнѣ снится
То полное счастья житье,
И станетъ отраднѣе биться
Изнывшее сердце мое...

Вдругъ скрипъ, раздирающій ухо—
И мигомъ исчезла мечта!
Сморкается громко старуха,
Зѣваетъ и креститъ уста.

ПОСЛѢДНІЯ ЭЛЕГІИ.

1.

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно,
Привычки, прежде милыя, постылы,
И горекъ дымъ сигары. Рѣшено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночныхъ трудовъ и одинокихъ думъ,—
Мой жребій горекъ. Жаднаго недуга
Я не избѣгъ. Еще мой свѣтелъ умъ,
Еще въ надеждѣ глупой и послушной
Не ищетъ онъ отрады малодушной,
Я вижу все... А рано смерть идетъ,
И жизни жаль мучительно. Я молодъ,
Теперь поменьше мелочныхъ заботъ,
И рѣже въ дверь мою стучится голодъ:

Теперь бы могъ я сдѣлать что-нибудь;
Но поздно!.. Я, какъ путникъ безразсудный,
Пустившійся въ далекій, долгій путь,
Не соразмѣривъ силъ съ дорогой трудной:
Кругомъ все чуждо, негдѣ отдохнуть,
Стоитъ онъ, блѣдный, средь большой дороги,
Никто его не призрѣлъ, не подвезъ:
Промчалась тройка, проскрипѣлъ обозъ—
Все мимо, мимо!.. Подкосились ноги,
И онъ упалъ... Тогда къ нему толпой
Сойдутся люди—смущены, унылы,
Почтятъ его ненужною слезой
И подвезутъ охотно—до могилы...

2.

Я рано всталъ, не долги были сборы,
Я вышелъ въ путь, чуть занялась заря;
Переходилъ я пропасти и горы
Переплывалъ я рѣки и моря;
Боролся я, одинъ и безоруженъ,
Съ толпой враговъ; не унывалъ въ бѣдѣ
И не ропталъ. Но сталъ мнѣ отдыхъ нуженъ
И не нашелъ пріюта я нигдѣ!
Не разъ, упавъ лицомъ въ сырую землю,
Съ отчаяньемъ, голодный, я твердилъ:
"По силамъ ли, о, Боже! трудъ подъемлю?"
И снова шелъ, собравъ остатки силъ.
Все ближе и знакомѣе дорога,
И пройдено все трудное въ пути!
Главы церквей сіяютъ впереди—
Недалеко до отчаго порога!
Насмѣшливо сгибаясь и кряхтя
Подъ тяжестью сумы своей дырявой,
Алчбы и жажды блѣдное дитя,
Голодный трудъ, попутчикъ мой лукавый,
Ужъ прочь идетъ: теперь намъ розный путь.
Впередъ, впередъ! Но измѣнили силы—

Очнулся я на рубежѣ могилы...
И некому и нечѣмъ помянуть!
Настанетъ утро—солнышко освѣтитъ
Бездушный трупъ; все будетъ рѣшено!
И въ цѣломъ мірѣ сердце лишь одно—
И то едва ли—смерть мою замѣтитъ...

3.

Пышна въ разливѣ гордая рѣка,
Плывутъ суда, колеблясь величаво,
Просмолены ихъ черные бока,
Надъ ними флагъ, на флагѣ надпись: слава!
Толпы народа берегомъ бѣгутъ,
Къ нимъ приковавъ досужное вниманье,
И шляпами размахивая, шлютъ
Пловцы родному берегу прощанье,
И въ мигъ оно подхвачено толпой,
И дружно берегъ весь ему отвѣтитъ,
Но тутъ же, опрокинутый волной,
Погибни челнъ—и кто его замѣтитъ?
А если раздастся дикій стонъ
На берегу—внезапный, одинокій,
За криками не будетъ слышенъ онъ
И не дойдетъ на дно рѣки глубокой...
Подруга темной участи моей!
Оставь скорѣе берегъ, озаренный
Горячимъ блескомъ солнечныхъ лучей
И пестрою толпою оживленный:—
Чѣмъ солнце ярче, люди веселѣй,
Тѣмъ сердцу сокрушенному больнѣй!

ПАМЯТИ ПРІЯТЕЛЯ.

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,

Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли,
Кипѣлъ, горѣлъ — и быстро ты угасъ!
Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ —
И мы тебя почтили въ добрый часъ!
Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и незнаемъ!
И съ дерева невѣдомаго плодъ
Безпечные безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ, и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя...
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила.
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила...

ПАМЯТИ——ОЙ.

Въ тоскѣ по юности моей
И въ мукахъ разрушенья,
Прошедшихъ невозвратныхъ дней
Припомнивъ впечатлѣнья,

Одно изъ нихъ я полюбилъ
Будить въ душѣ суровой,
Одну изъ множества могилъ
Оплакалъ скорбью новой...

Я помню: занавѣсъ взвилась,
Толпа угомонилась —
И ты на сцену въ первый разъ,
Какъ свѣтлый день, явилась.

Театръ гремѣлъ: и дилеттантъ,
И скептикъ хладнокровный
Твое искусство, твой талантъ
Почтили данью ровной.

И точно, мало я видалъ
Красивѣе головкъ;
Твой голосъ ласково звучалъ,
Твой каждый шагъ былъ ловокъ;

Дышали милыя черты
Счастливымъ дѣтскимъ смѣхомъ...
Но лучше-бъ воротилась ты
Со сцены съ неуспѣхомъ!

Увы, наивна ты была,
Вступая за кулисы —
Ты благородно поняла
Призваніе актрисы:

Исканья старыхъ богачей
И молодыхъ нахаловъ,
Куплеты блѣдныхъ ріемачей
И вздохи театраловъ —

Ты все отвергла... Заперлась
Ты феей недоступной —
И вся искусству предалась
Душой неподкупной.

И что-жъ? обижены тобой,
Лишенные надежды,
Отмстить рѣшились клеветой
Бездушные невѣжды!

Переходя изъ устъ въ уста,
Коварна и безчестна,

Крылатымъ змѣемъ клевета
Носилась повсемѣстно —

И все заговорило вдругъ...
Посыпались упреки,
Стихи и письма, и подругъ
Не тонкіе намеки...

Душа твоя была нѣжна,
Прекрасна, какъ и тѣло,
Клеветъ не вынесла она,
Враговъ не одолѣла!

Ихъ говоръ лишь тогда затихъ,
Какъ смерть тебя сразила...
Ты до послѣднихъ дней своихъ
Со сцены не сходила.

Въ сознаньи свѣтлой красоты
И творческаго чувства,
Восторгъ толпы любила ты,
Любила ты искусство,

Любила славу... Твой закатъ
Былъ страненъ и прекраснъ:
Горѣлъ огнемъ глубокій взглядъ,
Пронзителенъ и ясенъ;

Пылали щеки; голосъ сталъ
Богаче страстью нѣжной...
Увы! театръ рукоплескалъ
Съ тоскою безнадежной!

Сама ты знала свой удѣлъ,
Но до конца, какъ прежде,
Твой голосъ, погасая, пѣлъ
О счастьѣ и надеждѣ.

Не такъ ли звѣздочка въ ночи,
Срываясь, упадаетъ,
И на лету свои лучи
Послѣдніе роняетъ?..

---

*
* *

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревогъ, полна утратъ,
Разстаться было неизбѣжно—
И за тебя теперь я радъ!
Но съ той поры какъ все кругомъ меня пустынно!
Одаться не могу съ любовью ни чему,
И жизнь скучна, и время длинно,
И холоденъ я къ дѣлу своему.
Не зналъ бы я, зачѣмъ встаю съ постели,
Когда-бъ не мысль: авось и прилетѣли
Сегодня, наконецъ, завѣтные листы,
Въ которыхъ мнѣ разскажешь ты:
Здорова ли? что думаешь? легко ли
Подъ дальнимъ небомъ дышется тебѣ,
Грустишь ли ты, жалѣя прежней доли,
Охотно-ль повинуешься судьбѣ?
Желалъ бы я, чтобъ сонное забвенье
На долгій срокъ мнѣ на душу сошло,
Когда-бъ мое воображенье
Блуждать въ прошедшемъ не могло...
Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движенье страсти,
Такъ бурно взволновавшей кровь,
И долгую борьбу съ самимъ собою,
И не убитую борьбою,
Но съ каждымъ днемъ сильнѣй кипѣвшую любовь.
Какъ долго ты была суорва,

Какъ ты хотѣла вѣрить мнѣ,
И какъ и вѣрила, и колебалась снова,
И какъ повѣрила вполнѣ!
(Счастливый день! Его я отличаю
Въ семьѣ обыкновенныхъ дней,
Съ него я жизнь мою считаю,
Я праздную его въ душѣ моей!)
Я вспомнилъ все... однимъ воспоминаньемъ,
Однимъ прошедшимъ я живу—
И то, что въ немъ казалось намъ страданьемъ,
И то теперь я счастіемъ зову...
А ты?.. ты такъ же ли печали предана?..

. . . . . .

Скажи! я долженъ знать... Какъ странно я люблю!
Я счастія тебѣ желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнететъ тоска разлуки
Души моей смягчаетъ муки...

ЗА ГОРОДОМЪ.

Смѣшно! насъ веселитъ ручей, вдали журчащій;
И этотъ темный дубъ, таинственно шумящій,
Насъ тѣшитъ пѣснею задумчивой своей,
Какъ праздныхъ юношей вечерній соловей;
Далекій сводъ небесъ, усѣянный звѣздами,
Намъ кажется, простертъ съ любовію надъ нами;
Любуясь мѣсяцемъ, оглядывая даль,
Мы чувствуемъ въ душѣ ту тихую печаль,
Что слаще радости... Откуда чувства эти?
Чѣмъ такъ довольны мы?.. Вѣдь мы уже не дѣти!
Ужель поденый трудъ наклонности къ мечтамъ
Еще въ насъ не убилъ?.. И намъ ли, бѣднякамъ,
На отвлеченныя природой наслажденья
Свободы краткія истрачивать мгновенья?
— Э, полно разсуждать, искать всему причинъ!
Деревня согнала съ души давнишній сплинъ,

Забыта тяжкая, гнетущая работа,
Докучной бѣдности безсмѣнная забота—
И сердцу весело... И лучше поскорѣй
Судьбѣ воздать хвалу, что въ нищетѣ своей,
Лишенные даровъ довольства и свободы,
Мы живо чувствуемъ сокровища природы,
Которыхъ сильные и сытые земли
Отнять у бѣдняковъ голодныхъ не могли...

---

*

* *

Такъ это шутка? Милая моя,
Какъ боязливъ, какъ недогадливъ я!
Я плакалъ надъ твоимъ разсчитанно-суровымъ,
Короткимъ и сухимъ письмомъ;
Ни лаской дружеской, ни откровеннымъ словомъ
Ты сердца не порадовала въ немъ.
Я спрашивалъ: не демонъ ли раздора
Твоей рукой насмѣшливо водилъ?
Я говорилъ: "когда-бъ насъ разлучила ссора—
Но такъ тяжелъ, такъ горекъ, такъ унылъ,
Такъ нѣжеиъ былъ послѣдній часъ разлуки...
Еще твой другъ забыть его не могъ,
И вновь ему ты посылаешь муки
Сомнѣнія, догадокъ и тревогъ—
Скажи, зачѣмъ?.. Не ложью ли пустою,
Разсѣянной досужей клеветою,
Возмущена душа твоя была?
И, мучима томительнымъ недугомъ,
Ты надъ своимъ отсутствующимъ другомъ
Безъ оправданья судъ произнесла?
Или то былъ одинъ капризъ случайный,
Иль давній гнѣвъ?.." Неразрѣшимой тайной
Я мучился; и плакалъ и страдалъ,
Въ догадкахъ умъ испуганный блуждалъ,
Я жалокъ былъ въ отчаяньи суровомъ...

Всему конецъ! своимъ единымъ словомъ
Душѣ моей ты возвратила вновь
И прежній миръ, и прежнюю любовь;
И сердце шлетъ тебѣ благословенья,
Какъ вѣстницѣ нежданнаго спасенья...

Такъ няня въ лѣсъ ребенка заведетъ
И спрячется сама за кустъ высокій;
Встревоженный, онъ ищетъ и зоветъ,
И мечется въ тоскѣ жестокой,
И падаетъ безсильный на траву...
А няня вдругъ: ау! ау!
Въ немъ радостью внезапной сердце бьется,
Онъ все забылъ: онъ плачетъ и смѣется
Онъ прыгаетъ, и весело бѣжитъ,
И падаетъ — и няню не бранитъ.
Но къ сердцу жметъ виновницу испуга,
Какъ отъ бѣды избавившаго друга...

---

*
* *

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!

Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

---

*
* *

Давно, отвергнутый тобою,
Я шелъ по этимъ берегамъ
И, полонъ думой роковою,
Мгновенно кинулся къ волнамъ.
Онѣ привѣтливо яснѣли;
На край обрыва я ступилъ—
Вдругъ волны грозно потемнѣли,
И страхъ меня остановилъ!
Позднѣй, любви и счастья полны,
Ходили часто мы сюда,
И ты благословляла волны,
Меня отвергшія тогда.
Теперь—одинъ, забытъ тобою,
Чрезъ много роковыхъ годовъ,
Брожу съ убитою душою
Опять у этихъ береговъ,
И та же мысль приходитъ снова—
И на обрывѣ я стою,
Но волны не грозятъ сурово,
А манятъ въ глубину свою...

---

*
* *

Праздникъ жизни—молодости годы—
Я убилъ подъ тяжестью труда,

И поэтомъ, баловнемъ свободы,
Другомъ лѣни—не былъ никогда.

Если долго сдержанныя муки,
Накипѣвъ, подъ сердце подойдутъ,
Я пишу: риѳмованные звуки
Нарушаютъ мой обычный трудъ.

Все-жъ они не хуже плоской прозы,
И волнуютъ мягкія сердца,
Какъ внезапно хлынувшія слезы
Съ огорченнаго лица.

Но не льщусь, чтобъ въ памяти народной
Уцѣлѣло что-нибудь изъ нихъ...
Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ!

Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь,—

Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца,
И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца...

ТУРГЕНЕВУ.

Прощай! Завидую тебѣ—
Твоей поѣздкѣ, не судьбѣ:
Я гордостью, ты знаешь, боленъ
И не смѣняю ни на чью
Судьбу плачевную мою,
Хоть очень ею не доволенъ.—

Ты счастливъ. Ты воскреснешь вновь;
Въ душѣ твоей проснется живо
Все, чѣмъ терзаетъ прихотливо
И награждаетъ насъ любовь—
Пора наградъ, улыбокъ ясныхъ,
Простыхъ, какъ молодость, рѣчей,
Ночей таинственныхъ и страстныхъ
И полныхъ сладкой лѣни дней—
Ты зналъ ее?.. Нѣтъ лучшей доли!
Живешь легко, глядишь свѣтлѣй,
Не жалко времени и воли,
Не стыдно праздности своей,
Душа тоскливо вдаль не рвется
И вся блаженна передъ той,
Чье сердце ласковое бьется
Однимъ біеніемъ съ тобой...
Счастливецъ! изъ доступныхъ міру
Ты наслажденій взять умѣлъ
Все, чѣмъ прекрасенъ нашъ удѣлъ.
Богъ далъ тебѣ свободу, лиру
И женской любящей душой
Благословилъ твой путь земной...

НА РОДИНѢ.

Роскошны вы, хлѣба заповѣдные
Родимыхъ нивъ—
Цвѣтутъ, растутъ колосья наливные,
А я чуть живъ!

Ахъ, странно такъ я созданъ небесами,
Таковъ мой рокъ,
Что хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами,
Нейдетъ мнѣ въ прокъ!

ПИСЬМА.

Плачь, горько плачь! Ихъ не напишешь вновь,
Хоть написать, смѣясь, ты обѣщала...
Они навѣкъ погибли, какъ любовь,
Которая ихъ сердцу диктовала.
Хранились въ нихъ души твоей черты,
Корыстному волненью непричастной,
Поэзіи роскошные цвѣты—
Благоуханье молодости ясной!
И пусть бы жизь ихъ ложью назвала—
Она давно въ нихъ вѣру колебала,—
Нѣтъ! та рука со злобой ихъ сожгла,
Которая съ любовью ихъ писала!
Грядущее опоры лишено,
Прошедшее поругано жестоко,
.....
.....

ГОРЯЩІЯ ПИСЬМА *).

Они горятъ!.. Ихъ не напишешь вновь,
Хоть написать, смѣясь, ты обѣщала...
Ужъ не горитъ ли съ ними и любовь,
Которая ихъ сердцу дитковала?

Ихъ ложью жизнь еще не назвала,
Ни правды ихъ еще не доказала...
Но... та рука со злобой ихъ сожгла,
Которая съ любовью ихъ писала!

Свободно ты рѣшила выборъ свой,
И не какъ рабъ упалъ я на колѣни;
Но ты идешь по лѣстницѣ крутой
И дерзко жжешь пройденныя ступени!

Безумный шагъ!.. быть можетъ, роковой...
.....

---

*) Исправленное—предыдущее стихотвореніе.

*
* *

Гдѣ твое личико смуглое
Нынче смѣется, кому?
Эхъ, одиночество круглое !
Не посулю никому!

А вѣдь, бывало охотно
Шла ты ко мнѣ вечеркомъ,
Какъ мы съ тобой беззаботно
Веселы были вдвоемъ!

Какъ выражала ты живо
Милыя чувства свои!
Помнишь, тебѣ особливо
Нравились зубы мои:

Какъ любовалась ты ими,
Какъ цѣловала любя!
Но и зубами моими
Не удержалъ я тебя...

---

*
* *

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сонъ чужой тревожить не хочу,
Довольно мы съ тобой проклинали,
Одинъ я умираю—и молчу.

Къ чему хандрить, оплакивать потери?
Когда-бъ хоть легче было отъ того!
Мнѣ самому, какъ скрипъ тюремной двери,
Противны стоны сердца моего,

Всему конецъ. Ненастьемъ и грозою
Мой темный путь не даромъ омрача,
Не просвѣтлѣетъ небо надо мною,
Не броситъ въ душу теплаго луча...

Волшебный лучъ любви и возрожденья!
Я звалъ тебя—во снѣ и на яву,
Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденья
Я звалъ тебя,—теперь ужъ не зову!
Той бездны самъ я не хотѣлъ бы видѣть,
Которую ты можешь освѣтить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть.

---

*
* *

Какъ ты кротка, какъ ты послушна,
Ты рада быть его рабой,
Но онъ внимаетъ равнодушно,
Унылъ и холоденъ душой.

А прежде... помнишь? Молода,
Горда, надменна и прекрасна,
Ты имъ играла самовластно,
Но онъ любилъ, любилъ тогда!

Такъ солнце осени—безъ тучъ
Стоитъ, не грѣя, на лазури,
А лѣтомъ и сквозь сумракъ бури
Бросаетъ животворный лучъ...

ПРОСТИ.

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья,—

Не помни бурь, не помни слезъ,
Не помни ревности угрозъ!

Но дни, когда любви свѣтило
Надъ нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь—
Благослови и не забудь!

ПОЭТЪ И ГРАЖДАНИНЪ.

Гражданинъ—входитъ.

Опять одинъ, опять суровъ,
Лежитъ—и ничего не пишетъ.

Поэтъ.

Прибавь: хандритъ и еле дышетъ—
И будетъ мой портретъ готовъ.

Гражданинъ.

Хорошъ портретъ! Ни благородства,
Ни красоты въ немъ нѣтъ, повѣрь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умѣетъ дикій звѣрь...

Поэтъ.

Такъ что же?

Гражданинъ.

Да глядѣть обидно.

Поэтъ.

Ну, такъ уйди.

Гражданинъ.

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь самъ,
Какое время наступило!
Въ комъ чувство долга не остыло,
Кто сердцемъ неподкупно прямъ,
Въ комъ дарованье, сила, мѣткость,
Тому теперь не должно спать...

Поэтъ.

Положимъ, я такая рѣдкость;
Но нужно прежде дѣло дать.

Гражданинъ.

Вотъ новость! Ты имѣешь дѣло,
Ты только временно уснулъ.
Проснись: громи пороки смѣло...

Поэтъ.

А! знаю: "вишь, куда метнулъ!
Но я обстрѣленная птица:
Жаль, нѣтъ охоты говорить.
(Беретъ книгу).
Спаситель Пушкинъ!—Вотъ страница:
Прочти и перестань корить!

Гражданинъ—читаетъ.

"Не для житейскаго волненья,
"Не для корысти, не для битвъ,

"Мы рождены для вдохновенья,
"Для звуковъ сладкихъ и молитвъ".

ПОЭТЪ—СЪ ВОСТОРГОМЪ.

Неподражаемые звуки!..
Когда бы съ Музою моей
Я былъ немного поумнѣй,
Клянсь, пера бы не взялъ въ руки!

ГРАЖДАНИНЪ.

Да, звуки чудные—ура!
Такъ поразительна ихъ сила,
Что даже сонная хандра
Съ души поэта соскочила.
Душевно радуюсь—пора!
И я восторгъ твой раздѣляю;
Но, признаюсь, твои стихи
Живѣе къ сердцу принимаю.

ПОЭТЪ.

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтецъ, но критикъ дикій.
Такъ я, по твоему,—великій,
Повыше Пушкина поэтъ?
Скажи пожалуйста?!..

ГРАЖДАНИНЪ.

Ну, нѣтъ!
Твои поэмы безтолковы,
Твои элегіи не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стихъ тягучъ. Замѣтенъ ты,
Но такъ безъ солнца звѣзды видны.

Въ ночи, которую теперь
Мы доживаемъ боязливо,
Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо—
Ты твердо свѣточъ свой держалъ,
Но небу было не угодно,
Чтобъ онъ подъ бурей запылалъ,
Путь освѣщая всенародно;
Дрожащей искорю въ потьмахъ
Онъ чуть горѣлъ, мигалъ, метался...
Моли, чтобъ солнца онъ дождался
И потонулъ въ его лучахъ!
Нѣтъ, ты не Пушкинъ. Но покуда
Не видно солнца ни откуда,
Съ твоимъ талантомъ стыдно спать!
Еще стыднѣй въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласку милой воспѣвать...
Гроза молчитъ, съ волной бездонной
Въ сіяньи спорятъ небеса,
И вѣтеръ ласковый и сонный
Едва колеблетъ паруса,—
Корабль бѣжитъ красиво, стройно,
И сердце путниковъ спокойно,
Какъ будто, вмѣсто корабля,
Подъ ними твердая земля.
Но громъ ударилъ; буря стонетъ,—
И снасти рветъ, и мачту клонитъ,—
Не время въ шахматы играть,
Не время пѣсни распѣвать!
Вотъ песъ—и тотъ опасность знаетъ
И бѣшено вѣтеръ лаетъ:
Ему другого дѣла нѣтъ...
А ты что дѣлалъ бы, поэтъ?
Ужель въ каютѣ отдаленной
Ты сталъ бы лирой вдохновенной
Лѣнивцевъ уши услаждать
И бури грохотъ заглушать?

Пускай ты вѣренъ назначенью,
Но легче-ль родинѣ твоей,
Гдѣ каждый преданъ поклоненью
Единой личности своей?
Наперечетъ сердца благія,
Которымъ родина свята;
Богъ-помочь имъ!.. а остальные?
Ихъ цѣль мелка, ихъ жизнь пуста.
Одни—стяжатели и воры,
Другіе—сладкіе пѣвцы,
А третьи... третьи—мудрецы!
Ихъ назначенье—разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездѣйствуютъ, твердя:
"Неисправимо наше племя,
Мы даромъ гибнуть не хотимъ,
Мы ждемъ: авось поможетъ время,
И горды тѣмъ, что не вредимъ!"
Хитро скрываетъ умъ надменный
Себялюбивыя мечты,
Но... братъ мой! кто бы ни былъ ты,
Не вѣрь сей логикѣ презрѣнной!
Страшись ихъ участь раздѣлить,
Богатыхъ словомъ, дѣломъ бѣдныхъ,
И не иди во станъ безвредныхъ,
Когда полезнымъ можешь быть!
Не можешь сынъ глядѣть спокойно
На горе матери родной,—
Не будетъ гражданинъ достойный
Къ отчизнѣ холоденъ душой,
Ему нѣтъ горше укоризны...
Иди въ огонь за честь отчизны,
За убѣжденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно:
Умрешь не даромъ... Дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь.

А ты, поэтъ, избранникъ неба,

Глашатай истинъ вѣковыхъ!
Не вѣрь, что неимущій хлѣба
Не стоитъ вѣщихъ струнъ твоихъ!
Не вѣрь, что вовсе пали люди:
Не умеръ Богъ въ душѣ людей,
И вопль изъ вѣрующей груди
Всегда доступенъ будетъ ей!
Будь гражданинъ! служа искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви
И если ты богатъ дарами,
Ихъ выставлять не хлопочи:
Въ твоемъ трудѣ заблещутъ сами
Ихъ животворные лучи.
Взгляни: въ осколки твердый камень
Убогій труженикъ дробитъ,
А изъ-подъ молота летитъ
И брыжжетъ самъ собою пламень!

Поэтъ.

Ты кончилъ?.. чуть я не уснулъ.
Куда намъ до такихъ воззрѣній!
Ты слишкомъ далеко шагнулъ.
Учить другихъ—потребенъ геній,
Потребна сильная душа,
А мы съ своей душой лѣнивой
Самолюбивой и пугливой,
Не стоимъ мѣднаго гроша.
Спѣша извѣстности добиться,
Боимся мы съ дороги сбиться,
И тропкой торною идемъ;
А если въ сторону свернемъ—
Пропали, хоть бѣги со свѣта!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блаженъ безмолвный гражданинъ:
Онъ, Музамъ чуждый съ колыбели,

Своихъ поступковъ господинъ,
Ведетъ ихъ къ благородной цѣли,
И трудъ его успѣшенъ, споръ...

Гражданинъ.

Не очень лестный приговоръ.
Но твой ли онъ? тобой ли сказанъ?
Ты могъ бы правильнѣй судить:
Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ.
А что такое гражданинъ?
Отечества достойный сынъ.
Ахъ! будетъ съ насъ купцовъ, кадетовъ,
Мѣщанъ, чиновниковъ, дворянъ,
Довольно даже намъ поэтовъ,
Но нужно, нужно намъ гражданъ!
Но гдѣ жъ они? Кто не сенаторъ,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантаторъ,
Кто гражданинъ страны родной?
Гдѣ ты? откликнись! Нѣтъ отвѣта!
И даже чуждъ душѣ поэта
Его могучій идеалъ!
Но если есть онъ между нами,
Какими плачетъ онъ слезами!!

И ты съ тобой его равнялъ!?

Гроза шумитъ и къ безднѣ гонитъ
Свободы шаткую ладью,
Поэтъ клянетъ, или хоть стонетъ,
А гражданинъ молчитъ и клонитъ
Подъ иго голову свою.
Когда же... Но молчу... Хоть мало,
И среди насъ судьба являла
Достойныхъ гражданъ... Знаешь ты
Ихъ участь?.. Преклони колѣни!..

Лѣнтяй! смѣшны твои мечты
И легкомысленыя пени!
Въ твоемъ сравненьи смысла нѣтъ.
Вотъ слово правды безпристрастной:
Блаженъ болтающій поэтъ,
И жалокъ гражданинъ безгласный!

Поэтъ.

Не мудрено того добить,
Кого ужъ добивать не надо.
Ты правъ: поэту легче жить—
Въ свободномъ словѣ есть отрада.
Но былъ ли я причастенъ ей?
Ахъ, въ годы юности моей
Печальной, безкорыстной, трудной,
Короче—очень безразсудной—
Куда ретивъ былъ мой Пегасъ!
Не розы—я вплеталъ крапиву
Въ его размашистую гриву
И гордо покидалъ Парнассъ.
Безъ отвращенья, безъ боязни
Я шелъ въ тюрьму и къ мѣсту казни,
Въ суды, въ больницы я входилъ...
Не повторю, что тамъ я видѣлъ
Клянусь, я честно ненавидѣлъ!
Клянусь, я искрено любилъ!
И что-жъ?.. мои послушавъ звуки,
Сочли ихъ черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...
Что было дѣлать? Безразсудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда-бъ я видѣлъ хоть борьбу,
Бороться сталъ бы, какъ ни трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мнѣ было двадцать лѣтъ тогда

Лукаво жизнь впередъ манила,
Какъ моря вольныя струи,
И ласково любовь сулила
Мнѣ блага лучшія свои—
Душа пугливо отступила...
Но сколько-бъ ни было причинъ,
Я горькой правдды не скрываю
И робко голову склоняю
При словѣ: честный гражданинъ.
Тотъ роковой, напрасный пламень
Донынѣ сожигаетъ грудь,
И радъ я, если кто-нибудь
Въ меня съ презрѣньемъ броситъ камень.
Бѣднякъ! и изъ чего попралъ
Ты долгъ священный человѣка?
Какую подать съ жизни взялъ
Ты-сынъ больной больного вѣка?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои вольненья...
Угрюмъ и полонъ озлобленья
У двери гроба я стою...
Ахъ, пѣснію моей прощальной
Та пѣсня первая была!
Склонила Муза ликъ печальный
И, тихо зарыдавъ, ушла.
Съ тѣхъ поръ не часто были встрѣчи:
Украдкой, блѣдная, придетъ
И шепчетъ пламенныя рѣчи,
И пѣсни гордыя поетъ,
Зоветъ то въ города, то въ степи
Завѣтнымъ умысломъ полна,
Но загремятъ внезапно цѣпи—
И мигомъ скроется она.
Не вовсе я ея чуждался,
Но какъ боялся! какъ боялся!
Когда мой ближній утопалъ
Въ волнахъ существеннаго горя—
То громъ небесъ, то ярость моря

Я добродушно воспѣвалъ.
Бичуя маленькихъ воришекъ
Для удовольствія большихъ,
Давилъ я дерзостью мальчишекъ
И похвалой гордился ихъ.
Подъ игомъ лѣтъ душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презрѣнья горькаго полна.
Теперь напрасно къ ней взываю—
Увы! сокрылась навсегда!
Какъ свѣтъ, я самъ ея не знаю
И не узнаю никогда.
О, Муза, гостьею случайной
Являлась ты душѣ моей,
Иль пѣсенъ даръ необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знаетъ? рокъ суровый
Все скрылъ въ глубокой темнотѣ.
Но шелъ одинъ вѣнокъ терновый
Къ твоей угрюмой красотѣ...

*
* *

Тяжелый крестъ достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь!
Кому и страсть, и молодость, и волю,—
Все отдала—тотъ сталъ ея палачъ!

Давно ни съ кѣмъ она не знаетъ встрѣчи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумныя, язвительныя рѣчи
Безропотно выслушивать должна:

"Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори!.. близка моя могила,
А ты цвѣтка весенняго свѣжѣй!

"Тотъ день, когда меня ты полюбила
И отъ меня услышала: люблю—
Не проклинай! близка моя могила:
Поправлю все, все смертью искуплю!

"Не говори, что дни твои унылы,
Тюремщикомъ больного не зови:
Передо мной—холодный мракъ могилы,
Передъ тобой—объятія любви!

"Я знаю: ты другого полюбила,
Щадить и ждать наскучило тебѣ...
О, погоди! близка моя могила—
Начатое и кончить дай судьбѣ!.."

Ужасные, убійственные звуки!..
Какъ статуя прекрасна и блѣдна,
Она молчитъ, свои ломая руки...
И что сказать могла-бъ ему она?..

---

*
* *

Я сегодня такъ грустно настроенъ,
Такъ усталъ отъ мучительныхъ думъ,
Такъ глубоко, глубоко спокоенъ
Мой истерзанный пыткою умъ,—

Что недугъ, мое сердце гнетущій,
Какъ-то горько меня веселитъ—

Встрѣчу смерти, грозящей, идущей,
Самъ пошелъ бы... Но сонъ освѣжитъ —

Завтра встану и выбѣгу жадно
Встрѣчу первому солнца лучу:
Вся душа встрепенется отрадно,
И мучительно жить захочу!

А недугъ, сокрушающій силы,
Будетъ такъ же и завтра томить,
И о близости темной могилы
Такъ же внятно душѣ говорить...

ГАДАЮЩЕЙ НЕВѢСТѢ.

У него прекрасныя манеры,
Онъ не глупъ, не бѣденъ и хорошъ,—
Что гадать? ты влюблена безъ мѣры,
И судьбы своей ты не уйдешь.

Я могу сказать и безъ гаданья:
Если сердце есть въ его груди—
Ждутъ тебя, быть можетъ, испытанья,
Но и счастье будетъ впереди...

Не изъ тѣхъ ли только онъ бездушныхъ,
Что въ столицѣ много встрѣтишь ты,
Одному лишь голосу послушныхъ—
Голосу тщеславной суеты?

Что гордятся ровностью пробора,
Щегольски обутою ногой,
Потерявъ сознаніе позора
Жизни дикой, праздной и пустой?

Если такъ—плоха порука счастью!
Какъ бы чудно ты ни расцвѣла,
Ни умомъ, ни красотой, ни страстью
Не поправишь рокового зла.

Онъ твои плѣнительные взоры,
Нѣжность сердца, музыку рѣчей—
Все отдастъ за плоскія рессоры
И за пару кровныхъ лошадей!

---

*
* *

Тяжелый годъ—сломилъ меня недугъ,
Бѣда застигла, счастье измѣнило,—
И не щадитъ меня ни врагъ, ни другъ,
И даже ты не пощадила!
Истерзана, озлоблена борьбой
Съ своими кровными врагами,
Страдалица! стоишь ты предо мной
Прекраснымъ призракомъ съ безумными глазами!
Упали волосы до плечъ,
Уста горятъ, рямунцемъ рдѣютъ щеки,
И необузданная рѣчь
Сливается въ ужасные упреки,
Жестокіе, неправые... Постой!
Не я обрекъ твои младые годы
На жизнь безъ счастья и свободы,
Я другъ, я не губитель твой!
Но ты не слушаешь . . . . . .
. . . . . .

РАЗМЫШЛЕНІЯ У ПАРАДНАГО ПОДЪѢЗДА.

(Писано въ 1858 году).

Вотъ парадный подъѣздъ. По торжественнымъ днямъ,
Одержимый холопскимъ недугомъ,
Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ:
Записавъ свое имя и званье,
Разъѣзжаются гости домой,
Такъ глубоко довольны собой,
Что подумаешь—въ томъ ихъ призванье!
А въ обычные дни этотъ пышный подъѣздъ
Осаждаютъ убогія лица:
Прожектеры, искатели мѣстъ,
И преклонный старикъ, и вдовица.
Отъ него и къ нему то-и-знай по утрамъ
Все курьеры съ бумагами скачутъ.
Возвращаясь, иной напѣваетъ "трамъ-трамъ",
А иные просители плачутъ.
Разъ я видѣлъ, сюда мужики подошли,
Деревенскіе, русскіе люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свѣсивъ русыя головы къ груди:
Показался швейцаръ.—"Допусти", говорятъ
Съ выраженьемъ надежды и муки.
Онъ гостей оглядѣлъ: некрасивы на взглядъ!
Загорѣлыя лица и руки,
Армячишка худой на плечахъ,
По котомкѣ на спинахъ согнутыхъ,
Крестъ на шеѣ и кровь на ногахъ.
Въ самодѣльные лапти обутыхъ
(Знать, брели-то долгонько они
Изъ какихъ-нибудь дальнихъ губерній).
Кто-то крикнулъ швейцару: "гони!
"Нашъ не любитъ оборванной черни!"
И захлопнулась дверь. Постоявъ,

Развязали кошли пилигримы,
Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не взявъ,
И пошли они, солнцемъ палимы,
Повторяя: суди его Богъ!
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видѣть ихъ могъ,
Съ непокрытыми шли головами...

А владѣлецъ роскошныхъ палатъ
Еще сномъ былъ глубокимъ объятъ..
Ты, считающій жизнью завидною
Упоеніе лестью безстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,—
Пробудись! Есть еще наслажденіе:
Вороти ихъ! въ тебѣ ихъ спасеніе!
Но счастливые глухи къ добру...

Не страшатъ тебя громы небесные,
А земные ты держишь въ рукахъ,
И несутъ эти люди безвѣстные
Неисходное горе въ сердцахъ.

Что тебѣ эта скорбь вопіющая?
Что тебѣ этотъ бѣдный народъ?
Вѣчнымъ праздникомъ бысро бѣгущая
Жизнь очнуться тебѣ не даетъ.
И къ чему? Щелкоперовъ забавою
Ты народное благо зовешь;
Безъ него проживешь ты со славою,
И со славой умрешь!

Безмятежнѣй аркадской идилліи
Закатятся преклонные дни:
Подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи,
Въ благовонной древесной тѣни,
Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золотя,—

Убаюканный ласковымъ пѣніемъ
Средиземной волны,—какъ дитя
Ты уснешь, окруженъ попеченіемъ
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей съ нетерпѣніемъ);
Привезутъ къ намъ останки твои,
Чтобъ почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты въ могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочемъ, что-жъ мы такую особу
Безпокоимъ для мелкихъ людей?
Не на нихъ-ли намъ выместить злобу?
Безопаснѣй... Еще веселѣй
Въ чемъ-нибудь пріискать утѣшенье...
Не бѣда, что потерпитъ мужикъ:
Такъ ведущее насъ Провидѣнье
Указало... да онъ же привыкъ!
За заставой, въ харчевнѣ убогой,
Все пропьютъ бѣдняки, до рубля,
И пойдутъ, побираясь дорогой,
И застонутъ... Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого ула не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи;
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой, ночуя въ степи;
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту Божьяго солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
У подъѣзда судовъ и палатъ.
Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?

Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовеся—
То бурлаки идутъ бичевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Эхъ сердечный!
Чо же значитъ твой сонъ безконечный?
Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,—
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно на вѣки почилъ?

---

*
* *

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война.
А тамъ. во глубинѣ Россіи—
Тамъ вѣковая тишина.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью-землею,
Колосья безконечныхъ нивъ!..

---

*
* *

(ОТРЫВОКЪ).

Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться.
Что-жъ намъ дѣлать? Не хочется спать.

Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаемъ, чего пожелать.

Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубочой ночи,
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ.
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

---

*
* *

.... Одинокій, потерянный,
Я какъ въ пустынѣ стою,
Гордо не кличетъ мой голосъ увѣренный
Душу родную мою.

Нѣтъ ея въ мірѣ. Тѣ дни миновалися,
Какъ на призывы мои
Чуткіе сердцемъ друзья отзывалися,
Слышалось слово любви.

Кто виноватъ—у судьбы не допросишься,
Да и не все ли равно?
У моря бродишь,—"не вѣрю, не бросишься!"
Вкрадчиво шепчетъ оно:

"Гдѣ тебѣ? Дружбы, любви и участія
"Ты еще жаждешь и ждешь.

"Гдѣ тебѣ, гдѣ тебѣ!—ты не безъ счастія,
"Ты не безъ ласки живешь...

"Видишь, разсѣялась туча туманная,
"Звѣздочки вышли, горятъ!
"Всѣ на тебя, голова безталанная,
"Ласковымъ взоромъ глядятъ".

---

*
* *

Что ты, сердце мое, расходилося?..
Постыдись! Ужъ про насъ не впервой
Снѣжнымъ комомъ прошла-прокатилася
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растетъ, прибавляется,—
Не тужи! какъ умремъ,
Кто-нибудь и объ насъ проболтается
Добрымъ словцомъ.

ДЕМОНУ.

Гдѣ ты, мой старый мучитель,
Демонъ безсонныхъ ночей?
Сбился я съ толку, учитель,
Съ братьей болтливой моей.

Дуешь, бывало, на пламя—
Пламя пылаетъ сильнѣй,
Краше волнуется знамя
Юности гордой моей.

Прямо ли, криво ли вижу,
Только душою киплю:
Такъ глубоко ненавижу,
Такъ безкорыстно люблю!

Ныньче — я все понимаю,
Все объяснить я хочу,
Все такъ охотно прощаю,
Лишь неохотно молчу.

Что же со мною случилось?
Какъ разгадаю себя?
Все бы тотчасъ объяснилось,
Да не докличусь тебя!

Способа ты не находишь
Сладить съ упрямой душой?
Иль потому не приходишь,
Что ужъ доволенъ ты мной?

РЫЦАРЬ НА ЧАСЪ.

Если пасмуренъ день, если ночь не свѣтла,
Если вѣтеръ осенній бушуетъ,—
Надъ душой воцаряется мгла,
Умъ, бездѣйствуя, вяло тоскуетъ.
Только сномъ и возможно помочь,
Но, къ несчастью, не всякому спится...
Слава Богу! морозная ночь—
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонка;
Разбудилъ я гусей на пруду,
Я со стога спугнулъ ястребенка:
Какъ онъ вздрогнулъ! какъ крылья развилъ!

Какъ взмахунлъ имъ сильно и плавно!
Долго, долго за нимъ я слѣдилъ,
Я невольно сказалъ ему: славно!
Чу! стучитъ проѣзжающій возъ,
Деготкомъ протянуло съ дороги...
Обоняніе тонко въ морозъ,
Мысли свѣжи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняетъ ожившую грудь;
Жаждой дѣла душа закипаетъ,
Вспоминается пройденный путь,
Совѣсть пѣсню свою запѣваетъ...

Я совѣтую гнать ее прочь—
Будетъ время еще сосчитаться!
Въ эту тихую, лунную ночь
Созерцанію должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Мѣсяцъ полный плыветъ надъ дубравой,
И господствуетъ въ небѣ цвѣта
Голубой, бѣловатый, лиловый.
Воды ярко блестятъ средь полей,
А земля прихотливо одѣта
Въ волны бѣлаго луннаго свѣта
И узорчатыхъ, странныхъ тѣней.
Отъ большихъ очертаній картины
До тончайшихъ сѣтей паутины,
Что какъ иней къ землѣ прилегли—
Все отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли
Замыкающій сонныя нивы,
Лѣсъ сквозитъ, весь усыпанъ листвой;
Чудны красокъ его переливы
Подъ играющей, ясной луной;

Дубъ ли пасмурный, кленъ ли веселый—
Въ немъ легко отличишь издали;
Грудью къ сѣверу воронъ тяжелый—
Видишь—дремлетъ на старой ели!
Все, чѣмъ можетъ порадовать сына
Поздней осенью родина мать:
Зеленѣющей озими гладь,
Подо льномъ—золотая долина,
Посреди освѣщенныхъ луговъ
Величавое войско стоговъ,—
Все доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если-бъ даже пришлось въ эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ея бѣдность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоитъ, словно полная чаша.
Пожелай ей покойнаго сна—
Утомилась, кормилица наша!..
Спи, кто можетъ—я спать не могу,
Я стою потихоньку, безъ шуму,
На покрытомъ стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умѣлъ я съ собой совладать,
Не осилилъ я думы жестокой...

Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдн. мать...

Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ
Посреди безконечныхъ луговъ,
За селомъ, на горѣ невысокой,
Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
Церковь старая чудится мнѣ,
И на бѣлой церковной стѣнѣ
Отражается крестъ одинокій.

Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла съ мечомъ,
Облаченнаго въ свѣтлую ризу.
Поднимается сторожъ-старикъ
На свою колокольню-руину;
На тѣни онъ громадно великъ:
Пополамъ пересѣкъ всю равнину.
Поднымись!—и медлительно бей,
Чобы слышалось долго гудѣнье!
Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
Этихъ звуковъ властительно пѣнье:
Если есть въ околоткѣ больной,
Онъ при нихъ встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;
Одинокій ли путникъ ночной
Ихъ заслышитъ—бодрѣе шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ
И, крестомъ осѣнясь въ полуснѣ,
Проситъ Бога о ведряномъ днѣ.

Звукъ за звукомъ, гудя, прокатился,
Насчиталъ я двѣнадцать часовъ.
Съ колокольни старикъ возвратился,
Слышу шумъ его звонкихъ шаговъ,
Вижу тѣнь его; сѣлъ на ступени,
Дремлетъ, голову свѣсивъ на колѣни.
Онъ въ мохнатую шапку одѣтъ,
Въ балахонѣ убогомъ и темномъ...
Все, чего не видалъ столько лѣтъ,
Отъ чего я пространствомъ огромны
Отдѣленъ—все живетъ предо мной,
Все такъ ярко рисуется взору,
Что не вѣрится мнѣ въ эту пору,
Чтобъ не могъ увидать я и той,
Чья душа здѣсь незримо витаетъ,
Кто подъ этимъ крестомъ почиваетъ...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты,—грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилася!
Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла,
За враговъ, умирая, молилася,
На дѣтей милость Бога звала.
Неужели за годы страданія
Тотъ, кто столько тобою былъ чтимъ,
Не пошлетъ тебѣ радость свиданія
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?..

Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.
О, прости! то не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну—и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,

Подъ грозой величаво-безгласная—
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мнѣ
При волшебно свѣтящей лунѣ.
Да! я вижу тебя, блѣднолицую,
И на судъ твой себя отдаю.
Не робѣть передъ правдой-царицею
Научила ты музу мою;
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,—
Изреки только слово прощенія,
Ты, чистѣйшей любви божество!
Что враги? пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу:
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
Что друзья? Наши силы не ровныя:
Я ни въ чемъ середины не зналъ
Что обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерзалъ;
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ—
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни—впередъ и впередъ!
Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ—и вовсе упалъ!
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!
Тотъ, чья жизнь безполезно разбилася,
Можетъ смертью еще доказать,

Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить...
. . . . . .

(Утромъ, въ постели).

О, мечты! о, волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы—
Все въ душѣ угнетенной моей
Пробудилось... но гдѣ же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабѣй.
Знаю: день проваляюсь унылa,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будетъ могила,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать.

Все, что въ сердцѣ кипѣло, боролось,
Все лучъ блѣднаго утра спугнулъ,
И насмѣшливый, внутренній голосъ
Злую пѣсню свою затянулъ:
"Покорись—о, ничтожное племя!—
"Неизбѣжной и горькой судьбѣ;
"Захватило васъ трудное время,
"Неготовыми къ трудной борьбѣ:
"Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
"Но для дѣла вы мертвы давно;
"Суждены вамъ благіе порывы,
"Но свершитъ ничего не дано..."

---

*
* *

Что ни годъ—уменьшаются силы
Умъ лѣнивѣй, кровь холоднѣй...

Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!
Но желалъ бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на вѣрномъ пути,
Что твой пахарь поля засѣвая,
Видитъ ведренный день впереди;
Чтобы вѣтеръ родного селенья
Звукъ единый до слуха донесъ,
Подъ которымъ не слышно кипѣнья
Человѣческой крови и слезъ.

ДВАДЦАТОЕ НОЯБРЯ.

1861 года.

Я покинулъ кладбище унылое,
Но я мысль мою тамъ позабылъ,—
Подъ землею въ гробу пріютилася
И глядитъ на тебя, мертвый другъ!

Ты схороненъ въ морозы трескучіе,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо, черезъ щели гробовыя,
Проступить не успѣла вода;
Ты лежишь, какъ сейчасъ похороненный,
Только словно длиннѣй и бѣлѣй
Пальцы рукъ, на груди твоей сложенныхъ,
Да сквозь землю проникнувшимъ инеемъ
Убѣлилъ твои кудри морозъ,
Да слѣды наложили чуть видные
Поцѣлуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутыя
И на впалыя очи твои...

СВОБОДА.

Родина-мать! по равнинамъ твоимъ
Я не ѣзжалъ еще съ чувствомъ такимъ!

Вижу дитя на рукахъ у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

Въ добрую пору дитя родилось,
Милостивъ Богъ, не узнаешь ты слезъ!

Съ дѣтства никѣмъ не запуганъ, свободенъ,
Выберешь дѣло, къ которому годенъ;

Хочешь—останешься вѣкъ мужикомъ,
Сможешь—подъ небо взовьешься орломъ!

Въ этихъ фантазіяхъ много ошибокъ:
Умъ человѣческій тонокъ и гибокъ;

Знаю: на мѣсто отцей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ,

Такъ!.. но распутать ихъ легче народу.
Муза! съ надеждой привѣтствуй свободу!

---

*
* *

Литература, съ трескучими фразами,
Полная духа анти-человѣчнаго,
Администрація наша съ указами
О забираніи всякаго встрѣчнаго,—

Дайте вздохнуть!..
Я простился съ столицами;
Мирно живу средь полей,
Но и крестьяне съ унылыми лицами
Не услаждаютъ очей!
Ихъ нищета, ихъ терпѣнье безмѣрное
Только досаду родитъ...
Что же ты любишь, дитя маловѣрное,
Гдѣ же твой идолъ стоитъ?

---

*
* *

Стихи мои! Свидѣтели живые
За міръ пролитыхъ слезъ!
Родитесь вы въ минуты роковыя
Душевныхъ грозъ
И бьетесь о сердца людскія,
Какъ волны объ утесъ.

---

*
* *

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля ты!—русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Все-выносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная—
Солнце нещадно палитъ.

Бѣдная баба изъ силъ выбивается,
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, щекочетъ, жужжитъ!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую—
Некогда кровь унимать!

Слышится крикъ у сосѣдней полосыньки,
Баба туда—растрепалися косыньки,
Надо ребенка качать!

Что же ты стала надъ нимъ въ отупѣніи?
Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣніи,
Пой, терпѣливая мать!...

Слезы ли, потъ ли у ней надъ рѣсницею,—
Право, сказать мудрено.
Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпицею,
Канутъ они—все равно!

Вотъ она губы свои опаленныя
Жадно подноситъ къ краямъ...
Вкусны ли, милая, слезы соленыя
Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?..

---

*
* *

Надрывается сердце отъ муки,
Плохо вѣрится въ силу добра,
Внемля въ мірѣ царящіе звуки
Барабановъ, цѣпей, топора.
Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смѣшанный шумъ;
Ты ликуешь, на мигъ не смолкая,

Какъ дитя, безъ заботы и думъ.
Въ обаяніи счастья и славы,
Чувству жизни ты вся предана,—
Что-то шепчутъ зеленыя травы,
Говорливо струится волна;
Въ стадѣ весело ржетъ жеребенокъ,
Быкъ съ землей вырываетъ траву,
А въ лѣсу бѣлокурый ребенокъ—
Чу! кричитъ: "Парасковья, ау!"
По холмамъ, по лѣсамъ, надъ долиной
Птицы сѣвера вьются, кричатъ,
Разомъ слышны—напѣвъ соловьиный
И нестройные писки галчатъ,
Грохотъ тройки, скрипѣнье подводы,
Крикъ лягушекъ, жужжаніе осъ,
Трескъ кобылокъ,—въ просторѣ свободы
Все въ гармонію жизни слилось...
Я наслушался шума инова...
Оглушенный, подавленный имъ,
Мать-природа! иду къ тебѣ снова
Со всегдашнимъ желаньемъ моимъ—
Заглуши эту музыку злобы!
Чтобъ душа ощутила покой
И прозрѣвшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА.

Суровъ ты былъ; ты въ молодые годы
Умѣлъ разсудку страсти подчинять,
Училъ ты жить для славы, для свободы,
Но болѣе училъ ты умирать.

Сознательно мірскія наслажденья
Ты отвергалъ; ты чистоту хранилъ;
Ты жаждѣ сердца не далъ утоленья;

Какъ женщину, ты родину любилъ,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдалъ ей; ты честныя сердца
Ей покорялъ. Взывая къ жизни новой,
И свѣтлый рай, и перлы для вѣнца
Готовилъ ты любовницѣ суровой.

Но слишкомъ рано твой ударилъ часъ,
И вѣщее перо изъ рукъ упало.
Какой свѣтильникъ разума угасъ!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты надъ нами...
Плачь, русская земля! но и гордись—
Съ тѣхъ поръ, какъ ты стоишь подъ небесами,

Такого сына не рождала ты,
И въ нѣдра не брала себѣ обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмѣщены въ немъ были благодатно...

Природа-мать! когда-бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,
Заглохла-бъ нива жизни...

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

И здѣсь душа унынiемъ объята...
Не ласковъ былъ мнѣ родины привѣтъ;
Такъ смотритъ другъ, любившій насъ когда-то,
Но въ комъ давно ужъ прежней вѣры нѣтъ.

Сентябрь шумѣлъ; земля моя родная
Вся подъ дождемъ рыдала безъ конца,

И черныхъ птицъ за мной летѣла стая,
Какъ будто бы почуявъ мертвеца!

Волнуемый тоскою и боязнью,
Напрасно гналъ я грозныя мечты,
Межъ тѣмъ какъ лѣсъ съ какой-то непріязнью
Въ меня бросалъ холодные листы.

И вѣтеръ мнѣ гудѣлъ неумолимо:
Зачѣмъ ты здѣсь, изнѣженный поэтъ?
Чего отъ насъ ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты намъ чужой, тебѣ здѣсь дѣла нѣтъ!

И пѣсню я услышалъ въ отдаленьѣ...
Знакомая, она была горька:
Звучало въ ней безсильное томленье,
Безсильная и вялая тоска.

Съ той пѣсней вновь въ душѣ зашевелилось,
О чемъ давно я позабылъ мечтать,
И проклялъ я то сердце, что смутилось
Передъ борьбой—и отступило вспять!..

---

*
* *

Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньѣ
Вчерашній другъ, качая головой,
И вы, и вы отрянули въ смущеньѣ,
Стоявшія безсмѣнно предо мной,
Великія страдальческія тѣни,
О чьей судьбѣ такъ горько я рыдалъ,
На чьихъ гробахъ я преклонялъ колѣни
И клятвы мести грозно повторялъ.
За то кричатъ безличные: ликуемъ!

Спѣша въ объятья къ новому рабу
И пригвождая жирнымъ поцѣлуемъ
Несчастнаго къ позорному столбу...

НЕИЗВѢСТНОМУ ДРУГУ,

Приславшему мнѣ стихотвореніе

Не можетъ быть.

мру я скоро. Жалкое наслѣдство,
О, родина! оставлю я тебѣ.
Подъ гнетомъ роковымъ провелъ я дѣтство
И молодость—въ мучительной борьбѣ.
Недолгая насъ буря укрѣпляетъ,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая—навѣки поселяетъ
Въ душѣ привычки робкой тишины.
На мнѣ года гнетущихъ впечатлѣній
Оставили неизгладимый слѣдъ.
Какъ мало зналъ свободныхъ вдохновеній,
О, родина! печальный твой поэтъ!
Какихъ преградъ не встрѣтилъ мимоходомъ
Съ своей угрюмой музой на пути?
За каплю крови общую съ народомъ
И малый трудъ въ заслугу мнѣ сочти!

Не торговалъ я лирой, но, бывало,
Когда грозилъ ноумолимый рокъ,
У лиры звукъ невѣрный исторгала
Моя рука... Давно я одинокъ,
Въ началѣ шелъ я съ дружною семьею,
Но гдѣ они, друзья мои, теперь?
Одни давно разстались со мною,
Передъ другими самъ я заперъ дверь;
Тѣ жребіемъ постигнуты жестокимъ,

А тѣ прешли ужъ земной предѣлъ...
За то что я остался одинокимъ,
Что яни въ комъ опоры не имѣлъ,
Что я, друзей теряя съ каждымъ годомъ,
Встрѣчалъ враговъ все больше на пути—
За каплю крови общую съ народомъ
Прости меня, о родина! прости!

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣньемъ изумляющій народъ!
И бросить хоть единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ;
Но, жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ
Прикованный привычкой и средой,
Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ,
Я для нея не жертвовалъ собой;
И пѣсень безслѣдно пролетѣла,
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться въ ней успѣла,
Къ тебѣ, моя родная сторона!
За то, что я, черствѣя съ каждымъ годомъ,
Ее умѣлъ въ душѣ моей спасти,
За каплю крови общую съ народомъ
Мои вины, о, родина! прости!...

ПѢСНЯ О ТРУДѢ.

Изъ "Медвѣжьей охоты".

Кто хочетъ сдѣлаться глупцомъ,
Тому мы предлагаемъ:
Пускай пренебрежетъ трудомъ
И жить начнетъ лѣнтяемъ.

Хоть Геркулесомъ будь рожденъ
И умственнымъ атлетомъ,

Все-жъ будетъ слабъ, какъ тряпка, онъ
И жалкій трусъ при этомъ.

Нѣтъ въ жизни праздника тому,
Кто не будетъ въ будень;
Пока есть лишній медъ въ дому,
Терпимъ пчелами трутень;

Когда-жъ общественной нуждѣ
Придетъ крутое время,
Лѣнтяй, негодный никуды!
Ты всѣмъ двойное бремя.

Когда придутъ зараза, моръ,
Ты первый кайся Богу,
Запрешь ворота на запоръ,
Но смерть найдетъ дорогу!..

Кому бросаются въ глаза
Въ трудѣ однѣ мозоли,
Тотъ глупъ, не смыслитъ ни аза!
Страдаетъ праздность болѣ.

Когда придетъ упадокъ силъ,
Хандра приступитъ злая—
Вѣрь, не единый песъ не вылъ
Тоскливѣе лѣнтяя!

Итакъ—о славѣ не мечтай,
Не будь на деньги падокъ,
Трудись по силамъ и желай,
Чтобъ трудъ былъ вѣчно сладокъ.

Чтобъ испустить послѣдній вздохъ
Не въ праздности,—въ работѣ,
Какъ старый песъ мой, что издохъ
Надъ гаршнепомъ въ болотѣ!..

ПѢСНЯ.

Изъ "Медвѣжьей охоты".

Отпусти меня, родная,
Отпусти, не споря!
Я не травка полевая,
Я взросла у моря.

Не рыбацкій парусъ малый—
Корабли мнѣ снятся.
Скучно! въ этой жизни вялой
Дни такъ долго длятся.

Здѣсь, какъ въ клѣткѣ, заперта я,
Сонъ кругомъ глубокій...
Отпусти меня, родная
На просторъ широкій,

Гдѣ сама ты грудью бѣлой
Волны разсѣкала,
Гдѣ тебя я гордой, смѣлой,
Счастливой видала.

Ты не съ пѣснею побѣдной
Къ берегу пристала,
Но хоть часъ изъ жизни бѣдной
Торжество ты знала.

Пусть и я сломлюсь отъ горя,
Не жалѣй ты дочку!
Коли выростетъ у моря—
Не спастись цвѣточку,

Все равно! сегодня счастье,
Завтра буря грянетъ,

Разыграется ненастье,
Вѣтеръ съ моря встанетъ,

Въ день одинъ песку нагонитъ
На прибрежный цвѣтикъ
И на вѣки похоронитъ!..
Отпусти, мой свѣтикъ!..

ЕЩЕ ТРОЙКА.

1.

Ямщикъ лихой, лихая тройка
И колокольчикъ подъ дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телѣгу мчатъ. Въ телѣгѣ той
Сидитъ съ осанкою побѣдной
Жандармъ съ усищами въ аршинъ,
И рядомъ съ нимъ какой-то блѣдный
Лѣтъ въ девятнадцать господинъ.
Всѣ кони взмылены съ натуги,
Весь адъ осенней русской вьюги
На встрѣчу; не видать небесъ,
Нигдѣ жилья не попадаетъ,
Все лѣсъ кругомъ, угрюмый лѣсъ...
Куда же тройка поспѣшаетъ?
Куда Макарь телятъ гоняетъ.

2.

Какое ты свершилъ дѣянье,
Кто ты, преступникъ молодой?
Быть можетъ, ты имѣлъ свиданье
Въ глухую ночь съ чужой женой?
Но подстерегъ супругъ ревнивый
И длань занесъ—и оскорбилъ,

А ты, безумецъ горделивый,
Его на мѣстѣ положилъ?
Отвѣта нѣтъ. Бушуетъ вьюга;
Завидѣвъ кабачокъ, какъ друга,
Жандармъ командуетъ: стоять!
Девятый шкаликъ выпиваетъ...
Чу! тройка тронулась опять!
Гремитъ, звенитъ—и улетаетъ,
Куда Макаръ телятъ гоняетъ.

3.

Иль погубилъ тебя презрѣнный,
Но соблазнительный металлъ?
Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взалкалъ,
И въ домѣ, издавна знакомомъ,
Когда всѣ погрузились въ сонъ,
Ты совершилъ грабежъ со взломомъ
И пойманъ былъ, и уличенъ?
Отвѣта нѣтъ. Бушуетъ вьюга,
Обнявъ преступника, какъ друга,
Жандармъ напившійся храпитъ;
Ямщикъ то свищетъ, то зѣваетъ,
Поетъ... А тройка все гремитъ,
Гремитъ, звенитъ—и улетаетъ,
Куда Макаръ телятъ гоняетъ.

4.

Иль, можетъ быть, ночнымъ артистомъ
Ты не былъ, другъ? и просто мы
Теперь столкнулись съ нигилистомъ,
Симъ кровожаднымъ чадомъ тьмы?
Какое-жъ адское коварство
Ты помышлялъ осуществить?
Разрушить думалъ государство,
Или инспектора побить?

Отвѣта нѣтъ. Бушуетъ вьюга,
Вся тройка въ сторону съ испуга
Шарахнулась. Озлясь, кнутомъ
Ямщикъ по всѣмъ по тремъ стегаетъ;
Телѣга скрылась за холмомъ,
Мелькнула вновь—и улетаетъ,
Куда Макаръ телятъ гоняетъ.

МАТЬ.

Она была исполнена печали,
И между тѣмъ, какъ шумны и рѣзвы
Три отрока вокругъ нея играли,
Ея уста задумчиво шептали:
"Несчастные! зачѣмъ родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою
И вамъ судьбы своей не избѣжать"!
Не омрачай веселья ихъ тоскою,
Не плачь надъ ними мученица-мать!
Но говори имъ съ молодости ранней:
Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣй,
Прекраснѣе — терноваго вѣнка...

---

*
* *

Не рыдай такъ безумно надъ нимъ,
Хорошо умереть молодымъ!

Безпощадная пошлость ни тѣни
Положить не успѣла на немъ,
Становись передъ нимъ на колѣни,
Украшай его кудри вѣнкомъ!

Передъ нимъ преклониться не стыдно:
Вспомни, сколькіе пали въ борьбѣ,
Сколько разъ уже было тебѣ
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Подъ холодною крышкою гроба,
На нее не наложатъ пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой братъ
Не былъ гордою волей богатъ;
Но, ты знаешь, кто ближняго любитъ
Больше собственной славы своей,
Тотъ и славу сознательно губитъ,
Если жертва спасаетъ людей.
Но у жизни есть мрачныя силы—
У кого не слабѣли шаги
Передъ дверью тюрьмы и могилы?

Русскій геній издавна вѣнчаетъ
Тѣхъ, которые мало живутъ,
О которыхъ народъ замѣчаетъ:
"У счастливаго недруги мрутъ,
У несчастнаго другъ умираетъ..."

---

*
* *

Изъ Гейне.

Душно! безъ счастья и воли
Ночь безконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша съ краями полна!

Грянь надъ пучиною моря,
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи,
Чашу вселенскаго горя
Всю расплещи!..

ДОМА—ЛУЧШЕ.

Въ Европѣ удобно, но родины ласки
Ни съ чѣмъ несравнимы. Вернувшись домой,
Въ телѣгу спѣшу пересѣсть изъ коляски
И маршъ на охоту! Денекъ не дурной,

Подъ солнцемъ осеннимъ родная картина
Отвыкшему глазу нова...
О, матушка Русь! ты привѣтствуешь сына
Такъ нѣжно, что кругомъ идетъ голова!

Твои мужики на меня выгоняли
Звѣрей изъ лѣсовъ цѣлый день,
А ночью возвратный мой путь освѣщали
Пожары твоихъ деревень.

*
* *

Наконецъ, не горитъ уже лѣсъ,
Снѣгъ прикрылъ почернѣлые пенья,
Но помѣщикъ душой не воскресъ,
Потерявъ половину имѣнья.

Пріунылъ и мужикъ.—Чѣмъ я буду топить?
Говоритъ онъ, лицо свое хмуря:
"Ты не будешь топить—будешь пить",
Завываетъ въ отвѣтъ ему буря...

СТРАШНЫЙ ГОДЪ.

(1870).

Страшный годъ! Газетное витійство
И рѣзня, проклятая рѣзня!
Впечатлѣнья крови и убійства,
Вы въ конецъ измучили меня!

О, любовь! — гдѣ всѣ твои усилья?
Разумъ! — гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Жадный пиръ злодѣйства и насилья,
Торжество картечи и штыковъ!

Этотъ годъ готовитъ и для внуковъ
Сѣмена раздора и войны.
Въ мірѣ нѣтъ святыхъ и кроткихъ звуковъ,
Нѣтъ любви, свободы, тишины!

Гдѣ вражда, гдѣ трусость роковая,
Мстящая—купаются въ крови,
Стонъ стоитъ надъ міромъ не смолкая;
Только ты, поэзія святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голосъ твой, увы, безсиленъ нынѣ!
Сгибнетъ онъ, ненужный никому,
Какъ цвѣтокъ, потерянный въ пустынѣ,
Какъ звѣзда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь, сомнѣнья роковыя!
Какъ придти могли вы на уста?
Вѣрю, есть еще сердца живыя,
Для кого поэзія свята.

Но гремятъ, когда они родились,
Тотъ же громъ, ручьями кровь лила:
Эти души кроткія смутились,
И, какъ птицы въ бурю, притаились
Въ ожиданьи свѣта и тепла.

КУЗНЕЦЪ.

Памяти Н. А. Милютина.

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спалъ.
Лишь не остыло-бъ желѣзо горячее,
Ты безъ оглядки ковалъ.

Въ чемъ погрѣшу и чего не додѣлаю,—
Думалъ—исправятъ потомъ.
Грубо ковалъ ты, но руку умѣлую
Видно донынѣ во всемъ.

Съ кѣмъ ты дѣлился душевною повѣстью,
Тотъ тебя знаетъ одинъ.
Спи безмятежно, съ покойною совѣстью,
Честный кузнецъ-гражданинъ!

УТРО.

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Вѣрю—здѣсь не страдать мудрено.
Съ окружающей насъ нищетою
Здѣсь природа сама за-одно,

Безконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,

Эти мокрыя сонныя галки,
Что сидятъ на вершинѣ стога

Эта кляча съ крестьяниномъ пьянымъ,
Черезъ силу бѣгущая вскачь
Въ даль, сокрытую синимъ туманомъ,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и городъ богатый:
Тѣ же тучи по небу бѣгутъ;
Жутко нервамъ—желѣзной лопатой
Тамъ теперь мостовую скребутъ.

Начинается всюду работа;
Возвѣстили пожаръ съ каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли—тамъ уже ждутъ палачи.

Проститутка домой на разсвѣтѣ
Поспѣшаетъ, покинувъ постель;
Офицеры въ наемной каретѣ
Скачутъ за городъ: будетъ дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спѣшатъ за прилавокъ засѣсть:
Цѣлый день имъ обмѣривать нужно,
Чтобы вечеромъ сытно поѣсть.

Чу! изъ крѣпости грянули пушки!
Наводненье столицѣ грозитъ...
Кто-то умеръ: на красной подушкѣ
Первой степени Анна лежитъ.

Дворникъ вора колотитъ—попался!
Гонятъ стадо гусей на убой;
Гдѣ-то въ верхнемъ этажѣ раздался
Выстрѣлъ—кто-то покончилъ съ собой...

ПОЭТУ.

Памяти Шиллера.

Гдѣ вы—пѣвцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Вѣкъ "крови и меча!"
На тронъ земли ты посадилъ банкира,
Провозгласилъ героемъ палача...

Толпа гласитъ: "пѣвцы не нужны вѣку!"
И нѣтъ пѣвцовъ... Замолкло божество..
О, кто-жъ теперь напомнитъ человѣку
Высокое призваніе его?..

Прости слѣпцамъ, художникъ вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факелъ свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвѣти надъ гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Нашъ падшій духъ взнеси на высоту,
Чтобъ человѣкъ не мертвыми очами
Могъ созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убійство, святотатство!
Сорви вѣнцы съ предательскихъ головъ,
Увлекшихъ міръ съ пути любви и братства,
Стяжаннаго усильями вѣковъ,

На путь вражды!.. Въ его дѣла и чувства
Гармонію внести лишь можешь ты,
Въ твоей груди, гонимый жрецъ искусства,
Тронъ истины, любви и красоты.

ТРИ ЭЛЕГІИ.

А. Н. Плещееву.

I.

Ахъ! что изганье, заточенье.
Захочетъ—выручитъ судьба!
Что врагъ—возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Какъ гнѣвъ его ни безпредѣленъ,
Онъ промахнется въ добрый часъ...
Но той руки ударъ смертеленъ,
Которая ласкала насъ!..

Одинъ, одинъ!.. А ту, кѣмъ полны
Мои ревнивыя мечты,
Умчали роковыя волны
Пустой и милой суеты.

Въ ней сердце жаждетъ жизни новой,
Не сноситъ горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не дѣлитъ ужъ давно...

И тайна все: печаль и муку
Она сокрыла глубоко—
Или рѣшилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажетъ мнѣ?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтобъ было прошлаго не жаль!

Что-жъ, если сбудется желанье?..
О, нѣтъ! живетъ въ душѣ моей
Неотразимое сознанье,
Что безъ меня нѣтъ счастья ей!

Все, чѣмъ мы въ жизни дорожили.
Что было лучшаго у насъ—
Мы на одинъ алтарь сложили—
И этотъ пламень не угасъ!

У береговъ чужого моря,
Вблизи, вдали онъ ей блеснетъ
Въ минуту сиротства и горя,
И—вѣрю я—она придетъ!

Придетъ... и какъ всегда, стыдлива,
Нетерпѣлива и горда,
Потупитъ очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумецъ! для чего тревожишь
Ты сердце бѣдное свое?
Повторяю стансы страстные,
И не любить ее не можешь!..

II.

Бьется сердце безпокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетѣло, какъ гроза.

Вспоминаю очи ясныя
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложилъ когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
Улетимъ съ тобою вновь
Въ ту страну обѣтованную,
Гдѣ вѣнчала насъ любовь!

Розы тамъ цвѣтутъ душистѣе,
Тамъ лазурнѣй небеса,
Соловьи тамъ голосистѣе,
Густолиственнѣй лѣса...

III.

Разбиты всѣ привязанности, разумъ
Давно вступилъ въ суровыя права,
Гляжу на жизнь невѣрующимъ глазомъ...
Все кончено! Сѣдѣетъ голова.

Вопросъ рѣшенъ: трудись, пока годишься,
И смерти жди,—она недалека...
Зачѣмъ же ты, о сердце! не миришься
Съ своей судьбой?.. О чемъ твоя тоска?..

Непрочно все, что нами здѣсь любимо,
Что день—сдаемъ могилѣ мертвеца,
Зачѣмъ же ты въ душѣ неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

УНЫНІЕ.

I.

Сгорѣло ты, гнѣздо моихъ отцовъ!
Мой садъ заглохъ, мой домъ безслѣдно сгинулъ,
Но я рѣки любимой не покинулъ:
Вблизи ея песчаныхъ береговъ

Я и теперь на лѣто укрываюсь
И, отдохнувъ въ столицу возвращаюсь
Съ запасомъ силъ и ворохомъ стиховъ.
Мой черный конь, съ Кавказа приведенный,
Уменъ и смѣлъ, — какъ вихорь онъ летитъ,
Еще отцомъ къ охотѣ пріученный,
Какъ вкопанный при выстрѣлѣ стоитъ.
Когда "Кодо" *) бѣжитъ опушкой лѣса
И глухаря нечаянно спугнетъ,
На всемъ скаку остановивъ "Черкеса" **),
Спущу курокъ—и птица упадетъ.

II.

Какой восторгъ! За перелетной птицей
Гонюсь съ ружьемъ, а вольный вѣтеръ нивъ
Сметаетъ соръ, навѣянный столицей,
Съ души моей. Я духомъ бодръ и живъ,
Я тѣломъ здравъ. Я думаю... мечтаю..
Не чувствовать надъ мыслью молотка
Я не могу, какъ сильно не желаю;
Но если онъ приподнятъ хоть слегка,
Но если я о немъ позабываю
На полчаса,—и тѣмъ я дорожу.
Я самъ себя, читатель, нахожу,
А это все, что нужно для поэта.
Такъ шли дѣла; но нынѣшнее лѣто
Не задалось: не заряжалъ ружья
И не писалъ еще ни строчки я.

III.

Мнѣ совѣстно признаться: я томлюсь,
Читатель мой, мучительнымъ недугомъ.
Чтобъ отъ него отдѣлаться, дѣлюсь
Я имъ съ тобой: ты быть умѣешь другомъ,

*) Собака.
**) Лошадь.

Довѣриться тебѣ я не боюсь.
Недугъ не новъ (но сила вся въ размѣрѣ),
Его зовутъ унынъемъ; въ старину
Я храбро съ нимъ выдерживалъ войну,
Иль хоть смягчалъ трудомъ, по крайней мѣрѣ;
А нынче съ нимъ не оберусь хлопотъ.
Быть можетъ, есть причина въ атмосферѣ,
А можетъ быть, мнѣ знать себя даетъ,
Друзья мои, пятидесятый годъ.

IV.

Да, онъ насталъ—и требуетъ отчета!
Когда зима намъ кудри убѣлитъ,
Приходитъ къ намъ нежданная забота
Свести итогъ... О, юноши, грозитъ
Она и вамъ, судьба не пощадитъ:
Наступитъ часъ разсчитываться строго
За каждый шагъ, за цѣлой жизни трудъ,
И мстящаго зовущаго на судъ
Въ душѣ своей вы ощутите бога.
Богъ старости—неумолимый богъ.
(Отъ юности готовьте вашъ итогъ!)

V—VI—VII.

Приходитъ онъ къ прожившему полвѣка.
И говоритъ: "Оглянемся назадъ,
Поищемъ дѣлъ, достойныхъ человѣка..."
Увы! ихъ нѣтъ! однихъ ошибокъ рядъ!
Жестокій богъ! Онъ далъ двойное зрѣнье
Моимъ очамъ; пытливое волненье
Родилъ въ умѣ, истерзанномъ тоской,
И, прослѣдивъ со мной неутомимо
Всю жизнь мою, вопросъ неотразимый
Насмѣшливо поставилъ предо мной:
Зачѣмъ ты жилъ?..

. . . . . .

VIII.

Враги мои рѣшатъ его согласно:
Всѣхъ мѣряя на собственный аршинъ,
Въ чужой душѣ они читаютъ ясно!
Но мой судья—читатель-гражданинъ;
Лишь въ судъ его храню слѣпую вѣру.
Суди же ты, кѣмъ взысканъ я не въ мѣру!
Еще мой трудъ тобою не забытъ
И знаешь ты: во мнѣ нѣтъ силъ героя—
Тотъ не герой, кто лавромъ не увитъ
Иль на щитѣ не вынесенъ изъ боя,—
Я рядовой (теперь ужъ инвалидъ)...

IX.

Суди, рѣшай! А ты, мечта больная,
Воспрянь, и міръ безстрашно облетая,
Мой умъ къ труду, къ покою возврати!
Чтобъ отдохнуть душою несвободной,
Иду къ рѣкѣ—кормилицѣ народной...
Съ младенчества на этомъ мнѣ пути
Знакомо все... Знакомой грусти полны
Лѣнивыя, медлительныя волны...
О чемъ ихъ грусть?.. Бывало каждый день
Я здѣсь бродилъ въ раздумье молчаливомъ
И слышалъ я въ ихъ ропотѣ тоскливомъ
Тоску и скорбь спопутныхъ деревень...

X.

День свечерѣлъ. Томимъ тоскою вялой,
То по лѣсамъ, то по лугу брожу.
Унынiе въ душѣ моей усталой,
Унынiе—куда ни погляжу.
Вотъ дождь пошелъ и громъ готовъ ужъ грянуть:

Косцы бѣгутъ проворно подъ шатры!
А я дождемъ спасаюсь отъ хандры;
Но, видно, мнѣ и нынче не воспрянуть!
Упала ночь, зажглись въ лугахъ костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Беру перо, привычкѣ повинуясь,
Пишу стихи—и недовольный, жгу:
Мой стихъ унылъ,какъ ропотъ на несчастье,
Какъ плескъ волны въ осеннее ненастье,
На сѣверномъ пустынномъ берегу...
Подъ берегомъ, гдѣ вѣчная прохлада
Отъ старыхъ ивъ, нависшихъ надъ рѣкой,
Стоитъ въ водѣ понуренное стадо;
Надъ нимъ—шмелей неугомонный рой.
Лишь овцы рвутъ траву береговую,
Какъ рекруты, острижены въ плотную.
Не веселъ видъ рѣки и береговъ.
Свиститъ куликъ, кружится рыболовъ,
Добычу карауля, какъ разбойникъ;
Таинственно снастями шевеля,
Проходитъ барка: виденъ у руля
Высокій крестъ: на баркѣ есть покойникъ...

XI.

Чу! конь заржалъ. Трава кругомъ на славу.
Но лошадямъ не весело пришлось,
И, позабывъ зеленую атаву,
Подъ дымъ костра, спасающій отъ осъ,
Сошлись они, поникли головами
И машутъ въ тактъ широкими хвостами.
Лишь тамъ, вдали, остался сѣрый конь,
Онъ не бѣжитъ проворно на огонь;
Хоть и надъ нимъ кружится рой докучный,
Сѣрко стоитъ понуръ и недвижимъ.
Несчастный конь, ненатурально-тучный!
Ты пораженъ недугомъ роковымъ.

XII.

Я подошелъ: алѣла бугорками
По всей спинѣ, усыпанной шмелями,
Густая кровь... струилась изъ ноздрей...
Я наблюдалъ жестокій пиръ шмелей,
А конь дышалъ все рѣже, все слабѣй.
Какъ вкопанный, стоялъ онъ часъ—и болѣ,
И вдуръ упалъ. Лежитъ недвижимъ въ полѣ...
Надъ трупомъ солнца раскаленный шаръ
Да степь кругомъ. Вотъ съ вышины спустился
Степной орелъ; надъ жертвой покружился
И царственно усѣлся на стожаръ.
Въ досадѣ я послалъ ему ударъ,
Спугнулъ его, но онъ вернется къ ночи
И выклюетъ ей острымъ клювомъ очи...

XIII.

Иду на шелесть нивы золотой.
Печальныя, убогія равнины!
Недавнія и старшныя картины,
Стѣсняя грудь, проходятъ предо мной
Ужели Богъ не сжалится надъ нами;
Сожженныхъ нивъ дождемъ не оживитъ,
И мельница съ недвижными крылами
И этотъ годъ безъ дѣла простоитъ?

XIV.

Ужель опять наградой будетъ плугу
Голодный годъ?.. Чу! женщина поетъ!
Какъ будто въ гробъ кладетъ она подругу.
Душа болитъ, унынiе растетъ.
Народъ! народъ! Мнѣ не дано геройства
Служить тебѣ—плохой я гражданинъ:
Но жгучее, святое безпокойство
За жребій твой донесъ я до сѣдинъ!

Люблю тебя, пою твои страданья,
Но гдѣ герой, кто выведетъ изъ тьмы
Тебя на свѣтъ?.. На смѣну колебанья
Твоихъ судебъ чего дождемся мы?..

ЭЛЕГІЯ.

Посвящено другу моему,

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ЕРАКОВУ.

Пускай намъ говоритъ измѣнчивая мода,
Что тема старая—"страданія народа",
И что поэзія забыть ее должна,—
Не вѣрьте, юноши! не старѣетъ она!
О, еслибы ее могли состарить годы!
Процвѣлъ бы Божій міръ!.. Увы! пока народы
Влачатся въ нищетѣ, покорствуя бичамъ,
Какъ тощія стада по выженнымъ лугамъ,
Оплакивать ихъ рокъ, служить имъ будетъ муза,
И въ мірѣ нѣтъ святѣй, прекраснѣе союза!..
Толпѣ напоминать, что бѣдствуетъ народъ
Въ то время, какъ она ликуетъ и поетъ,
Къ народу возбуждать вниманье сильныхъ міра—
Чему достойнѣе служить могла бы лира?..

Я лиру посвятилъ народу своему.
Быть можетъ, я умру невѣдомый ему,
Но я ему служилъ—и я умру спокоенъ!
Пускай наноситъ врѣдъ врагу не каждый воинъ,
Но каждый въ бой иди! А бой рѣшитъ судьба...
Я видѣлъ красный день: въ Россіи нѣтъ раба!
И слезы сладкія я пролилъ въ умиленьѣ...
"Довольно ликовать въ наивномъ увлеченьѣ",
Шепнула муза мнѣ! "Пора идти впередъ:
Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ!.."

Внимаю-ль пѣсни жницъ надъ жатвой золотою,
Старикъ ли медленный шагаетъ за сохою,
Бѣжитъ ли по лугу, играя и свистя,
Съ отцовскимъ завтракомъ довольное дитя;
Сверкаютъ ли серпы, звенятъ ли дружно косы,—
Отвѣта я ищу на тайные вопросы,
Кипящіе въ умѣ: "въ послѣдніе года
Сноснѣй ли стала ты, крестьянская „страда?"
И рабству долгому пришедшая на смѣну
Свобода, наконецъ, внесла ли перемѣну
Въ народныя судьбы, въ напѣвы сельскихъ дѣвъ?
Иль также горестень нестройный ихъ напѣвъ?.."

Ужъ вечеръ настаетъ. Волнуемый мечтами,
По нивамъ, по лугамъ, уставленнымъ стогами,
Задумчиво брожу въ прохладной полу-тьмѣ,
И пѣснь сама собой слагается въ умѣ—
Недавнихъ, тайныхъ думъ живое воплощенье:
На сельскіе труды зову благословенье,
Народному врагу проклятія сулю,
А другу у небесъ могущество молю,
И пѣснь моя громка!.. Ей внемлятъ долы, нивы
И эхо дальнихъ горъ ей шлетъ свои отзывы,
И лѣсъ откликнулся .. Природа внемлетъ мнѣ,
Но тотъ, о комъ пою въ вечерней тишинѣ,
Кому посвящены мечтанія поэта—
Увы! не внемлетъ онъ—и не даетъ отвѣта...

ВСТУПЛЕНІЕ.

Къ пѣснямъ 1876—77 годовъ

Нѣтъ! не поможетъ мнѣ аптека,
Ни мудрость опытныхъ врачей:
Зачѣмъ же мучить человѣка?
О, небо! смерть пошли скорѣй!

Друзья притворно безмятежны,
Угрюмъ мой вѣрный черный песъ,
Глаза жены сурово-нѣжны:
Сейчасъ я пытку перенесъ.

Пока недугъ молчитъ, не гложетъ,
Я тѣшусь странною мечтой,
Что потолокъ спуститься можетъ
На грудь могильною плитой.

Легко бы съ жизнью я разстался,
Безъ долгихъ мукъ... Прости, покой!
Какъ ураганъ, недугъ промчался:
Не ложе—иглы подо мной.

Борюсь съ мучительнымъ недугомъ,
Борюсь—до скрежета зубовъ...
О, муза, ты была мнѣ другомъ,
Приди на мой послѣдній зовъ!

Ужъ я знавалъ такія грозы!
Ты силу чудную дала.
Въ колючій тернъ вплетая розы,
Ты пытку вынесть помогла.

Могучей силой вдохновенья
Страданья тѣла побѣди,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь въ моей груди!

Крылатыхъ грезъ толпой воздушной
Воображенье насели,
И отъ моей могилы душной
Надгробный камень отвали!

*
* *

Ночь съ 8-го на 9-ое января.

Дни идутъ... все такъ же воздухъ душенъ,
Дряхлый міръ—на роковомъ пути...
Человѣкъ—до ужаса бездушенъ,
Слабому спасенья не найти!

Но... молчи! во гнѣвѣ справедливомъ
Ни людей, ни вѣка не кляни:
Волю давъ лирическимъ порывамъ,
Изойдешь слезами въ наши дни...

СѢЯТЕЛЯМЪ.

Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь безплодную?
Худы-ль твои сѣмена?
Робокъ-ли сердцемъ ты? слабъ-ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми,
Добраго мало зерна!
Гдѣ-жъ вы, умѣлые, съ бодрыми лицами?
Гдѣ же вы, съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!
Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ кажетъ сердечное
Русскій народъ...

МОЛЕБЕНЪ.

Холодно, голодно въ нашемъ селеніи;
Утро печальное—сырость, туманъ;
Колоколъ глухо гудитъ въ отдаленіи,
Въ церковь зоветъ прихожанъ.
Что-то суровое, строгое, властное
Слышится въ звонѣ глухомъ;
Въ церкви провелъ я то утро ненастное—
И не забуду о немъ.
Все населеніе, старо и молодо,
Съ плачемъ поклоны кладетъ:
О прекращеніи лютаго голода
Молится жарко народъ.
Рѣдко я въ немъ настроеніе строже
И сокрушеннѣй видалъ!
"Милуй народъ и друзей его, Боже!
Самъ я невольно шепталъ:
"Внемли моленіе наше сердечное
О послужившихъ ему...
. . . . . .
. . . . . .
О претерпѣвшихъ борьбу многолѣтнюю
И устоявшихъ въ борьбѣ,
Слышавшихъ рабскую пѣсню послѣднюю,
Молимся, Боже, тебѣ".

ПРОРОКЪ.

Изъ Барбье.

Не говори: "забылъ онъ осторожность!
"Онъ будетъ самъ судьбы свой виной!.."
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любитъ онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ.
"Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ!"

Такъ мыслитъ онъ — и смерть ему любезна:
Не скажетъ онъ, что жизнь его нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель безполезна,
Его судьба давно ему ясна...

ДРУЗЬЯМЪ.

Я примирился съ судьбой неизбѣжною;
Нѣтъ ни охоты, ни силы терпѣть
Невыносимую муку кромѣшную!
Жадно желаю скорѣй умереть.
Вамъ же—не праздно, друзья благородные,
Жить, и въ такую могилу сойти,
Чтобы широкіе лапти народные
Къ ней проторили пути...

МУЗѢ.

О, муза! наша пѣсня спѣта.
Приди, закрой глаза поэта
На вѣчный сонъ небытія,
Сестра народа—и моя!

---

*
* *

Скоро стану добычею тлѣнья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожалѣнья,
Да и не кому будетъ жалѣть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжалъ;
Я настолько же чуждымъ народу
Умираю, какъ жить начиналъ.

Узы дружбы, союзовъ сердечныхъ—
Все порвалось: мнѣ съ дѣтства судьба
Посылала враговъ долговѣчныхъ,
А друзей уносила борьба.

Пѣсни вѣщія не допѣты;
Пали жертвою злобы, измѣнъ,
Въ цвѣтѣ лѣтъ; на меня ихъ портреты
Укоризненно смотрятъ со стѣнъ...

З—НѢ.

I.

Двѣсти ужъ дней,
Двѣсти ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днемъ
Въ сердцѣ твоемъ
Стоны мои отзываются.
Двѣсти ужъ дней,

Двѣсти ночей!
Темные зимніе дни,
Ясныя зимнія ночи...
З—на! закрой утомленныя очи!
З—на! усни!

4-го декабря, ночь.

II.

Ты еще на жизнь имѣешь право,
Быстро я иду къ закату дней.
Я умру—моя померкнетъ слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгимъ, яркимъ свѣтомъ
Не горѣть на имени моемъ:
Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.

Кто, служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою всецѣло отдаетъ
На борьбу за брата-человѣка,
Только тотъ себя переживетъ...

ПРИГОВОРЪ.

"Вы въ своей землѣ благословенной
Паріи — не знаетъ васъ народъ,
Свѣтскій кругъ, бездушный и надменный,
Васъ презрѣньемъ хладнымъ обдаетъ.

И звучитъ безцѣльно ваша лира:
Вы пѣвцами темной стороны—

На любовь, на уваженіе міра
Не стяжавшей права—рождены!.."—

Камень въ сердце русское бросая,
Такъ о насъ весь Западъ говоритъ.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпоръ!.. Но родина молитъ...

Ночь съ 7-го на 8-ое января.

З И Н Ѣ.

Пододвинь перо, бумагу, книги,
Милый другъ! Легенду я слыхалъ:
Пали съ плечъ подвижника вериги,
И подвижникъ мертвый палъ!

Помогай же мнѣ трудиться, Зина!
Трудъ всегда меня животворилъ.
Вотъ еще красивая картина —
Запиши, пока я не забылъ!

Да не плачь украдкой! — Вѣрь надеждѣ,
Смѣйся, пой, какъ пѣла ты весной,
Повторяй друзьямъ моимъ, какъ прежде,
Каждый стихъ, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другомъ:
Въ торжествѣ одержанныхъ побѣдъ
Надъ своимъ мучителемъ-недугомъ,
Позабылъ о смерти твой поэтъ!

13-го февраля 1877.

ПОЭТУ.

Любовь и Трудъ — подъ грудами развалинъ!
Куда ни глянь — предательство, вражда,
А ты молчишь — бездѣйственъ и печаленъ,
И медленно сгараешь со стыда,
И небу шлешь укоръ за даръ счастливый:
Зачѣмъ тебя вѣнчало имъ оно,
Когда душѣ мечтательно-пугливой
Рѣшимости бороться не дано?..

Февраль 1877.

БАЮШКИ-БАЮ.

1877 г., марта 3-го.

Непобѣдимое страданье,
Неутолимая тоска...
Влечетъ, какъ жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Гдѣ ты, о, муза! Пой, какъ прежде!
"Нѣтъ больше пѣсенъ, мракъ въ очахъ;
Сказать: умремъ! конецъ надеждѣ!
Я прибрела на костыляхъ!"

Костыль ли, заступъ ли могильный
Стучитъ... смолкаетъ... и затихъ...
И нѣтъ ея, моей всесильной,
И измѣнилъ поэту стихъ.
Но передъ ночью непробудной
Я не одинъ... Чу! голосъ чудный!
То голосъ матери родной:
"Пора съ полуденнаго зноя,

Пора, пора подъ сѣнь покоя;
Усни, усни, касатикъ мой!
Пріими трудовъ вѣнецъ желанный!
Ужъ ты не рабъ — ты царь вѣнчанный,
Ни что не властно надъ тобой!

"Не страшенъ гробъ, я съ нимъ знакома;
Не бойся молніи и грома,
Не бойся цѣпи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человѣческаго стона,
Ни человѣческой слезы.

"Усни, страдалецъ терпѣливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою...
Баю-баю-баю-баю!

Еще вчера людская злоба
Тебѣ обиду нанесла;
Всему конецъ, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимы:
Ты заплатилъ ей дань живой;
Не бойся стужи нестерпимой:
Я сохраню тебя весной.

"Не бойся горькаго забвенья:
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...
Уступитъ свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой надъ Окой, надъ Камой...
Баю-баю-баю-баю!..."

ОТЪѢЗЖАЮЩЕМУ.

Даже вполголоса мы не пѣвали,
Мы—горемыки-пѣвцы!
Подъ берегами мы ведро прождали,
Словно лѣнтяи пловцы.
Старость приходитъ—недуги да горе;
Жизнь безполезно прошла;
Хоть на прощанье въ открытое море,
Въ море царящаго зла,
Прямо и смѣло направить бы лодку.
Суньсяко! сдѣлаешь шагъ
А на второмъ. . . . . .
Другъ моей юности (нынѣ мой врагъ)!
Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счелъ ты за лучшее кинуть:
Жить для нея — надо силу желѣзную,
Волю желѣзную — сгинуть.

---

*
* *

Черный день! какъ нищій проситъ хлѣба,
Смерти, смерти я прошу у неба.
Я прошу ея у докторовъ,
У друзей, врaговъ и цензоровъ.
Я взываю къ русскому народу:
Коли можешь, выручай!
Окуни меня въ живую воду,
Или мертвой въ мѣру дай.

---

*
* *

Великое чувство! у каждыхъ дверей,
Въ какой сторонѣ ни заѣдемъ,
Мы слышимъ, какъ дѣти зовутъ матерей
Далекихъ, но рвущихся къ дѣтямъ.
Великое чувство! Его до конца
Мы живо въ душѣ сохраняемъ,
Мы любимъ сестру, и жену, и отца,
Но въ мукахъ мы мать вспоминаемъ!

М. Е. САЛТЫКОВУ.

При отъѣздѣ за границу.

О нашей родинѣ унылой
Въ чужомъ краю не позабудь
И возвратись, собравшись съ силой,
На оный путь — журнальный путь...

На путь, гдѣ шагу мы не ступимъ
Безъ сдѣлокъ съ совѣстью своей,
Но гдѣ мы снисхожденье купимъ
Трудомъ у мыслящихъ людей.

Трудомъ и безкорыстной цѣлью...
Да! будемъ лучше рисковать,
Чѣмъ безопасному бездѣлью
Остатокъ жизни отдавать.

ОТРЫВОКЪ.

Я сбросила мертвящія оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, гдѣ чтутъ пути Христовы,
Гдѣ стерегутъ оплошнаго врага.

Въ бездѣйствіи застала я дружины;
Окончивъ день, безпечно шли ко сну
И женщины, и дѣти, и мужчины,
Лишь межъ собой вожди вели войну...

Слова... слова... красивые разсказы
О подвигахъ .. но гдѣ же ихъ дѣла?
Иль нѣтъ людей, идущихъ дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла!..

СТАРОСТЬ.

Проситъ отдыха слабое тѣло,
Душу тайная жажда томитъ.
Горько ты, стариковское дѣло!
Жизнь смѣется, — въ глаза говоритъ:

Не лелѣй никакихъ упованій,
Передъ разумомъ сердце смири,
Въ созерцаньи безмѣрныхъ страданій
И въ сознаньи безсилья — умри!..

ТЫ НЕ ЗАБЫТА.

Я была вчера еще полезна
Ближнему — теперь ужъ не могу!

Смерть одна желанна и любезна —
Пулю я не даромъ берегу...

Вотъ и все, что ты намъ завѣщала;
Да еще узнали мы потомъ,
Что давно ты бѣднымъ отдавала,
Что добыть умѣла ты трудомъ.

Попъ трусливъ — боится, не хоронитъ:
Убѣдить его мы не могли;
Мы въ оврагъ, гдѣ только вѣтеръ стонетъ,
На рукахъ покойницу снесли.

Схоронивъ, мы камень обтесали,
Утвердили прямо на гробу,
И на камнѣ четко написали
Жизнь, и смерть, и всю твою судьбу.

И твои остатки людямъ милы,
И укоръ, и поученье въ нихъ...
Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ.

3 ноября 1877 г.

ОСЕНЬ.

Прежде—праздникъ деревенскій,
Нынче — осень голодна;
Нѣтъ конца печали женской,
Не до пива и вина.
Съ воскресенья почтой бредитъ
Православный нашъ народъ,
По субботамъ въ городъ ѣдетъ,
Ходитъ, проситъ, узнаетъ:
Кто убитъ, кто раненъ лѣтомъ,
Кто пропалъ, кого нашли?

По какимъ по лазаретамъ
Уцѣлѣвшихъ развезли?
Такъ-ли жутко!.. Сводъ небесный
Теменъ въ полдень, какъ въ ночи;
Не сидится въ хатѣ тѣсной,
Не лежится на печи.
Сытъ, согрѣлся, слава Богу,
Только спать-бы! нѣтъ, не спишь —
Такъ и тянетъ на дорогу,
Ни за что не улежишь.
И бойка-жъ у насъ дорога!
Такъ увѣчныхъ возятъ много,
Что за нами, на бугрѣ,
Какъ проносятся вагоны,
Человѣческіе стоны
Ясно слышны на зарѣ.

7 ноября 1877 г.

МУЖЪ И ЖЕНА.

Глашенька! пустошь Ивашево —
Треть состоянія нашего:
Не продавай ее, ангельчикъ мой!
Выдай обратно задатокъ...
Слезы, нервическій хохотъ, припадокъ:
"Я задолжала — и срокъ за спиной..."
— Глаша, не плачь! я — хозяинъ плохой,
Дѣлай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
Полно, другъ мой!

Глаша! волнуетъ и мучитъ
Чувство ревнивое душу мою.
Этотъ учитель, что Петеньку учитъ...
"Такъ! муженька узнаю!

О, если-бъ зналъ ты, какъ золъ ты и гадокъ!"
Слезы, нервическій хохотъ, припадокъ...
— Знаю, прости! Я — ревнивецъ большой!
Дѣлай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
Полно, другъ мой!

— Глаша! какъ часто ты нынче гуляешь:
Ты хоть сегодня останься со мной.
Много скопилось работы — ты знаешь,
Чтобъ одолѣть ее, нуженъ покой!
Слезы, нервическій хохотъ, припадокъ...
Глаша, иди! Я—безумецъ, я гадокъ,
Я—эгоистъ безсердечный и злой,
Дѣлай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
Полно, другъ мой!

9 ноября.

СОНЪ.

Мнѣ снилось: на утесѣ стоя,
Я въ море броситься хотѣлъ;
Вдругъ ангелъ свѣта и покоя
Мнѣ пѣсню чудную запѣлъ:
"Дождись весны! Приду я рано,
Скажу: будь снова человѣкъ!
Сниму съ главы покровъ тумана
И сонъ съ отяжелѣлыхъ вѣкъ;
И музѣ возвращу я голосъ,
И вновь блаженные часы
Ты обрѣтешь, сбирая колосъ
Съ своей несжатой полосы".

12 ноября.

*
* *

О, Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноватъ,
Пусть увеличитъ во сто кратъ
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиденъ жребій нашъ,
Не наругаются надъ нами:
Межъ мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русскій — взглянетъ безъ любви
На эту блѣдную, въ крови,
Кнутомъ изсѣченную Музу...

Н. А. НЕКРАСОВЪ

ПОЭМЫ

САША.

1.

Стонетъ куликъ надъ равниной унылой;
Словно какъ мать надъ сыновней могилой,

Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ—
Долгая пѣсня за сердце беретъ;

Лѣсъ ли начнется—сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Что же молчитъ мой озлобленный умъ?..
Сладокъ мнѣ лѣса знакомаго шумъ,

Любо мнѣ видѣть знакомую ниву—
Дамъ же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Всѣ накипѣвшія слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало—
Много въ ней правды, да радости мало;

Спящихъ въ могилахъ виновныхъ тѣней
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящимъ сыномъ къ тебѣ воротился.

Сколько-бъ на нивахъ безплодныхъ твоихъ
Даромъ ни сгинуло силъ молодыхъ,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вѣчныя бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою—
Я побѣжденъ предъ тобою стою!

Силу сломили могучія страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую музу мою
Я похоронныя пѣсни пою.

Предъ тобою мнѣ плакать не стыдно,
Ласку твою мнѣ принять не обидно—

Дай мнѣ отраду объятій родныхъ,
Дай мнѣ забвенье страданій моихъ!

Жизнью измятъ я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и къ блудному сыну:

Только-что ей я объятья раскрылъ—
Хлынули слезы, прибавилось силъ.

Чудо свершилось: убогая нива
Вдругъ просвѣтлѣла, пышна и красива,

Ласковѣй машетъ вершинами лѣсъ,
Солнце привѣтливѣй смотритъ съ небесъ.

Весело въѣхалъ я въ домъ тотъ угрюмый,
Что, осѣнивъ сокрушительной думой,

Нѣкогда стихъ мнѣ суровый внушилъ...
Какъ онъ печаленъ, запущенъ и хилъ!

Скучно въ немъ будетъ. Нѣтъ, лучше поѣду—
Благо, не поздно—теперь же къ сосѣду,

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди—сосѣди мои,

Славные люди! Радушье ихъ честно,
Лесть имъ противна, а спѣсь неизвѣстна.

Какъ-то они доживаютъ свой вѣкъ?
Онъ уже дряхлый, сѣдой человѣкъ,

Да и старушка немногимъ моложе.
Весело будетъ увидѣть мнѣ тоже

Сашу, ихъ дочь... Недалеко ихъ домъ.
Все ли застану по прежнему въ немъ?

2.

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нѣжно любили.

Дико росла, какъ цвѣтокъ полевой,
Смуглая Саша въ деревнѣ степной.

Всѣмъ окруживъ ея тихое дѣтство,
Что позволяли убогія средства,

Только развить воспитаньемъ, увы!
Эту головку не думали вы.

Книги ребенку—напрасная мука,
Умъ деревенскій пугаетъ наука:

Но сохраняется дольше въ глуши
Первоначальная ясность души,

Рдѣетъ румянецъ и ярче, и краше...
Мило и молодо дитятко ваше,—

Бѣгаетъ живо, горитъ какъ алмазъ
Черный и влажный, смѣющійся глазъ,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови такъ тонки, а плечи такъ круглы;

Саша не знаетъ заботъ и страстей,
А ужъ шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, поднимется рано,
Черныя косы завяжетъ у стана

И убѣжитъ, и въ просторѣ полей
Сладко и вольно такъ дышется ей.

Та ли, другая предъ нею дорожка—
Смѣло ей ввѣрится бойкая ножка;

Да и чего побоится она?..
Все такъ спокойно; кругомъ тишина,

Сосны вершинами машутъ привѣтно,
Кажется, шепчутъ, струясь незамѣтно,

Волны, подъ сводомъ зеленыхъ вѣтвей:
"Путникъ усталый! бросайся скорѣй

Въ наши объятья: мы добры и рады
Дать тебѣ, сколько ты хочешь, прохлады".

Полемъ идешь—все цвѣты да цвѣты,
Въ небо глядишь—съ голубой высоты

Солнце смѣется... Ликуетъ природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится рѣка:
Нѣтъ ей простора... неволя горька!

Бѣдная, какъ она вырваться хочетъ!
Брыжжется пѣной, бурлитъ и клокочетъ,

Но не прорвать ей плотины своей.
"Не суждена, видно, волюшка ей",

Думаетъ Саша—"безумно роптанье..."
Жизни кругомъ разлитой ликованье

Сашѣ порукой, что милостивъ Богъ.
Саша не знаетъ сомнѣнья тревогъ.

Вотъ по распаханной, черной полянѣ—
Землю взрывая, бредутъ поселяне—

Саша въ нихъ видитъ довольныхъ судьбой,
Мирныхъ хранителей жизни простой:

Знаетъ она, что не даромъ съ любовью
Землю польютъ они потомъ и кровью...

Весело видѣть семью поселянъ,
Въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ!

Дорого-любо, кормилица-нива,
Видѣть, какъ ты колосишься красиво,

Какъ ты янтарнымъ зерномъ налита
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселѣй нѣтъ поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;

Вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей,
Словно кричитъ: "поскорѣй! поскорѣй!"

Звукъ благодатный! Кого онъ разбудитъ,
Вѣрно весь день тому весело будетъ!

Саша проснется—бѣжитъ на гумно.
Солнышка нѣтъ—ни свѣтло, ни темно,

Только-что шумное стадо прогнали.
Какъ на подмерзлой грязи натоптали

Лошади, овцы!.. Парнымъ молокомъ
Въ воздухѣ пахнетъ. Мотая хвостомъ,

За нагруженной снопами телѣгой,
Чинно идетъ жеребенокъ пѣгій,

Паръ изъ отворенной риги валитъ,
Кто-то въ огнѣ тамъ у печки сидитъ.

А на гумнѣ только руки мелькаютъ,
Да высоко молотила взлетаютъ,

Не успѣваетъ улечься ихъ тѣнь.
Солнце взошло—начинается день...

Саша сбирала цвѣты полевые,
Съ дѣтства любимые, сердцу родные,

Каждую травку сосѣднихъ полей
Знала по имени. Нравилось ей

Въ пестромъ смѣшеніи звуковъ знакомыхъ
Птицъ различать, узнавать насѣкомыхъ.

Время къ полудню, а Саши все нѣтъ.
"Гдѣ же ты, Саша? простынетъ обѣдъ,

"Сашенька! Саша!.." Съ желтѣющей нивы
Слышатся пѣсни простой переливы;

Вотъ раздалося "ау!" вдалекѣ;
Вотъ надъ колосьями въ синемъ вѣнкѣ

Черная быстро мелькнула головка...
"Вишь ты, куда забѣжала, плутовка!

Э!.. Да никакъ колосистую рожь
Переросла наша дочка!"—Такъ что-жъ?—

"Что? ничего! понимай, какъ умѣешь!
Что теперь надо, сама разумѣешь:

"Спѣлому колосу—серпъ удалой;
Дѣвицѣ взрослой—женихъ молодой!"

—Вотъ еще выдумалъ, старый проказникъ!—
"Думай не думай, а будетъ намъ праздникъ!"

Такъ разсуждая, идутъ старики
Сашѣ на-встрѣчу; въ кустахъ у рѣки

Смирно присядутъ, подкрадутся ловко;
Съ крикомъ внезапнымъ: "попалась, плутовка!"

Сашу поймаютъ, и весело имъ
Свидѣться съ дитяткомъ бойкимъ своимъ...

Въ зимнія сумерки нянины сказки
Саша любила. По-утру въ салазки

Саша садилась, летѣла стрѣлой,
Полная счастья, съ горы ледяной.

Нянька кричитъ: "не убейся, родная!"
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полномъ бѣгу
На бокъ салазки—и Саша въ снѣгу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снѣгъ отряхаетъ, смѣется голубка!

Не до ворчанья и нянѣ сѣдой:
Любитъ она ся смѣхъ молодой...

Сашѣ случалось знавать и печали:
Плакала Саша, какъ лѣсъ вырубали,

Ей и теперь его жалко до слезъ.
Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!

Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядѣли,

Тамъ поднимался дубокъ молодой.
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной,

По-низу всякіе звѣри таились...
Вдругъ мужики съ топорами явились—

Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ.
Заяцъ послушалъ—и вонъ побѣжалъ,

Въ темную пору забилась лисица,
Машетъ крыломъ осторожнѣе птица,

Въ недоумѣньи тащатъ муравьи
Что ни попало, въ жилища свои.

Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
Словно подкошенъ, осинникъ валился,

Съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ,

Старую сосну сперва подрубали,
Послѣ арканомъ ее нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.

Такъ, побѣдивъ послѣ долгаго боя,
Врагъ уже мертваго топчетъ героя.

Много тутъ было печальныхъ картинъ:
Стономъ стонали верхушки осинъ,

Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лилися прощальныя слезы

И пропадали одна за другой
Данью послѣдней на почвѣ родной...

Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо свѣтила ночныя,

И надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
Остановилась, кругла и ясна.

Трупы деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипѣли, трещали,

Жалобно листья шумѣли кругомъ...
Такъ, послѣ битвы во мракѣ ночномъ

Раненый стонетъ, зоветъ, проклинаетъ...
Вѣтеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ—

Праздно лежащимъ оружьемъ звенитъ,
Волосы мертвыхъ борцовъ шевелитъ!

Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ,
Жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;

Низко летали, вились колесомъ
Совы, шарахаясь о земь крыломъ;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, какъ безумная, галка кричала,

Шумно летая надъ лѣсомъ... но ей
Не отыскать неразумныхъ дѣтей!

Съ дерева комомъ галчата упали,
Желтые рты широко разѣвали,

Прыгали, злились. Наскучилъ ихъ крикъ—
И придавилъ ихъ ногою мужикъ.

Утромъ работа опять закипѣла.
Саша туда и ходить не хотѣла,

Да черезъ мѣсяцъ—пришла. Передъ ней
Взрытыя глыбы и тысячи пней;

Только, уныло повиснувъ вѣтвями,
Старыя сосны стояли мѣстами;

Такъ на селѣ остаются одни
Старые люди въ рабочіе дни.

Верхнія вѣтви такъ плотно сплелися,
Словно тамъ гнѣзда жаръ-птицъ завелися,

Что, по словамъ долговѣчныхъ людей,
Дважды въ полвѣка выводятъ дѣтей.

Сашѣ казалось, пришло уже время·
Вылетитъ скоро волшебное племя,

Чудныя птицы посядутъ на пни,
Чудныя пѣсни споютъ ей они!

Саша стояла и чутко внимала.
Въ краскахъ вечернихъ заря догорала—

Черезъ сосѣдній несрубленный лѣсъ.
Съ пышно-румянаго края небесъ

Солнце пронзалось стрѣлой лучезарной,
Шло черезъ пни полосою янтарной.

И наводило на дальній бугоръ
Свѣта и тѣней недвижный узоръ.

Долго въ ту ночь, не смыкая рѣсницъ,
Думаетъ Саша: что пѣть будутъ птицы?

Въ комнатѣ словно тѣснѣй и душнѣй;
Сашѣ не спится,—но весело ей.

Пестрыя грезы смѣняются живо,
Щеки румянцемъ горятъ не стыдливо,

Утренній сонъ ея крѣпокъ и тихъ
Первыя зорьки страстей молодыхъ!

Полны вы чары и нѣги безпечной,
Нѣтъ еще муки въ тревогѣ сердечной;

Туча близка, но угрюмая тѣнь
Медлитъ испортить смѣющійся день,

Будто жалѣя... И день еще ясенъ...
Онъ и въ грозѣ будетъ чудно прекрасенъ,

Но безотчетно пугаетъ гроза...
Эти ли дѣтски-живые глаза,

Эти ли полныя жизни ланиты
Грустно поблекнутъ, слезами покрыты?

Эту ли рѣзвую волю во власть
Гордо возьмемъ все-губящая страсть?..

Мимо идите, угрюмыя тучи!
Горды вы силой, свободой могучи:

Съ вами ли, грозныя, вынести бой
Слабой и робкой былинкѣ степной?..

3.

Третьяго года, нашъ край покидая,
Старыхъ сосѣдей моихъ обнимая,

Помню, пророчилъ я Сашѣ моей
Добраго мужа, румяныхъ дѣтей,

Долгую жизнь безъ тоски и страданья...
Да не сбылися мои предсказанья!

Въ страшной бѣдѣ стариковъ я засталъ.
Вотъ что про Сашу отецъ разсказалъ:

"Въ нашемъ сосѣдствѣ усадьба большая
Лѣтъ уже сорокъ стояла пустая;

Въ третьемъ году, наконецъ, прикатилъ
Баринъ въ усадьбу, и насъ посѣтилъ.

Именемъ: Левъ Алексѣичъ Агаринъ.
Ласковъ съ прислугой, какъ будто не баринъ,

Тонокъ и блѣденъ. Въ лорнетку глядѣлъ,
Мало волосъ на макушкѣ имѣлъ.

Звалъ онъ себя перелетною птицей:
Былъ—говоритъ—я теперь за границей,

Много видалъ я большихъ городовъ,
Синихъ морей и подводныхъ мостовъ–

Все тамъ приволье и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мнѣ худо.

На пароходѣ въ Кронштадтъ я пришелъ,
И надо мной все кружился орелъ,

Словно пророчилъ великую долю.
Мы со старухой дивилися вволю,

Саша смѣялась, смѣялся онъ самъ...
Началъ онъ часто похаживать къ намъ.

Началъ гулять, разговаривать съ Сашей,
Да надъ природой подтрунивать нашей:

Есть-де на свѣтѣ такая страна,
Гдѣ никогда не проходитъ весна,

Тамъ и зимою открыты балконы,
Тамъ поспѣваютъ на солнцѣ лимоны,

И начиналъ, въ потолокъ посмотрѣвъ,
Грустное что-то читать на-распѣвъ.

Право, какъ пѣсня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: онъ ей книжки читалъ
И по-французски ее обучалъ.

Словно брала ихъ чужая кручина,
Все разсуждали: какая причина,

Вотъ ужъ который теперича вѣкъ
Бѣденъ, несчастливъ и золъ человѣкъ?

Но—говоритъ—не слабѣйте душою:
Солнышко правды взойдетъ надъ землею!

И въ подтвержденье надежды своей
Старой рябиновкой чокался съ ней.

Саша туда же—отстать-то не хочетъ—
Выпить не выпьетъ, и губы обмочитъ;

Грѣшные люди—пивали и мы.
Сталъ онъ прощаться въ началѣ зимы:

Билъ—говоритъ—я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрыя души,

Благословите на дѣло... пора!
Перекрестился—и съѣхалъ съ двора...

Въ первое время печалилась Саша,
Видимъ: скучна ей компанія наша.

Годы ей, что ли, такіе пришли?
Только узнать мы ее не могли:

Скучны ей пѣсни, гаданья и сказки.
Вотъ и зима!—да не тѣшатъ салазки.

Думаетъ думу, какъ будто у ней
Больше заботъ, чѣмъ у старыхъ людей.

Книжки читаетъ, украдкою плачетъ;
Видѣли: письма все пишетъ и прячетъ.

Книжки выписывать стала сама—
И, наконецъ, набралась же ума!

Что ни спроси, растолкуетъ, научитъ,
Съ ней говорить никогда не наскучитъ;

А доброта... Я такой доброты
Вѣкъ не видалъ, не увидишь и ты!

Бѣдные всѣ ей пріятели-други:
Кормитъ, ласкаетъ и лѣчитъ недуги.

Такъ девятнадцать ей минуло лѣтъ.
Мы поживаемъ—и горюшка нѣтъ.

Надо же было вернуться сосѣду!
Слышимъ: пріѣхалъ и будетъ къ обѣду.

Какъ его весело Саша ждала!
Въ комнату свѣжихъ цвѣтовъ принесла,

Книги свои уложила исправно,
Просто одѣлась, да такъ-то ли славно;

Вышла на-встрѣчу—и ахнулъ сосѣдъ!
Словно оробѣлъ. Мудренаго нѣтъ:

Въ два-то послѣдніе года на-диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежній румянецъ въ лицѣ заигралъ.
Онъ же блѣднѣй и плѣшивѣе сталъ...

Все, что ни дѣлала, что ни читала,
Саша тотчасъ же ему разсказала;

Только не въ прокъ угожденье пошло!
Онъ ей перечилъ, какъ будто на зло:

— Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди рѣшили другое:

Родъ человѣческій низокъ и золъ—
Да и пошелъ! и пошелъ! и пошелъ!

Что говорилъ—мы понять не умѣемъ,
Только покоя съ тѣхъ поръ не имѣемъ:

Вотъ ужъ сегодня семнадцатый день,
Саша тоскуетъ и бродитъ какъ тѣнь!

Книжки свои то читаетъ, то броситъ,
Гость навѣститъ, такъ молчать его проситъ,

Былъ онъ три раза; однажды засталъ
Сашу за дѣломъ: мужикъ диктовалъ

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила—была у ней жаба.

Онъ поглядѣлъ и сказалъ намъ, шутя:
— Тѣшится новой игрушкой дитя!—

Саша ушла—не отвѣтила словомъ
Онъ—было къ ней; говоритъ: "нездорова".

Книжекъ прислала—не хотѣла читать
И приказала назадъ отослать.

Плачетъ, печалится, молится Богу...
Онъ говоритъ: "я собрался въ дорогу"—

Сашенька вышла, простилась при насъ,
Да и опять наверху заперлась.

Что-жъ?... онъ письмо ей прислалъ. Между нами.
Грѣшные люди, съ испугу, мы сами

Прежде его прочитали тайкомъ:
Руку свою предлагаетъ ей въ немъ.

Саша сначала отказъ отослала,
Да ужъ потомъ намъ письмо показала.

Мы уговаривать: чѣмъ не женихъ?
Молодъ, богатъ, да и нравомъ-то тихъ.

"'Нѣтъ, не пойду". А сама неспокойна;
То говоритъ: "я его недостойна"—

То: "онъ меня недостоинъ: онъ сталъ
Золъ и печаленъ и духомъ упалъ!"

А какъ уѣхалъ, такъ пуще тоскуетъ,
Письма его потихоньку цѣлуетъ!..

Что тутъ такое? родной, объясни!
Хочешь, на бѣдную Сашу взгляни.

Долго ли будетъ она убиваться?
Или ужъ ей не пѣвать, не смѣяться,

И погубилъ онъ бѣдняжку на вѣкъ?
Ты намъ скажи: онъ простой человѣкъ,

Или какой чернокнижникъ-губитель?
Или не самъ ли онъ бѣсъ-искуситель?

4.

— Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по-прежнему жить:

Саша поправится—Богъ ей поможетъ.
Околдовать никого онъ не можетъ:

Онъ... не могу приложить головы,
Какъ объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
Въ нашемъ отечествѣ создало время

Это не бѣсъ, искуситель людской,
Это, увы! — современный герой!

Книги читаетъ, да по свѣту рыщетъ—
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ,

Благо, наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ,

Благо, идти по дорогѣ избитой
Лѣнь помѣшала, да разумъ развитый.

— "Нѣтъ, я души не растрачу моей
На муравьиной работѣ людей:

Или подъ бременемъ собственной силы
Сдѣлаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свѣту звѣздой пролечу!
Міръ—говоритъ—осчастливить хочу!"

Что-жъ подъ руками, того онъ не любитъ,
То мимоходомъ безъ умыслу губитъ.

Въ наши великіе, трудные дни
Книги не шутка: укажутъ они

Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадутъ онѣ силъ на благое,

Но не научатъ любить глубоко...
Дѣло вѣковъ поправлять не легко!

Все, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно, и сродно,

Только дающая силу и власть
Въ словѣ и дѣлѣ чужда ему страсть!

Любитъ онъ сильно, сильнѣй ненавидитъ,
А доведись—комара не обидитъ!

Да говорятъ, что ему и любовь
Голову больше волнуетъ—не кровь

Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ:

Вѣрить, не вѣрить—ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!

Самъ на душѣ ничего не имѣетъ,
Что вчера сжалъ, то сегодня и сѣетъ;

Нынче не знаетъ, что завтра сожнетъ,
Только навѣрное сѣять пойдетъ.

Это въ простомъ переводѣ выходитъ,
Что въ разговорахъ онъ время проводитъ;

Если-жъ за дѣло возьмемся—бѣда!
Міръ виноватъ въ неудачѣ тогда;

Чуть поослабнутъ нетвердыя крылья,
Бѣдный кричитъ: "безполезны усилья!"

И ужъ куда какъ становится золъ
Крылья свои опалившій орелъ...

Поняли?.. нѣтъ!... Ну, бѣда не большая!
Лишь поняла бы бѣдняжка больная.

Благо, теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна!

А остальное все сдѣлаетъ время.
Сѣетъ онъ, все-таки, доброе сѣмя!

Въ нашей степной полосѣ, что ни шагъ,
Знаете вы,—то бугоръ, то оврагъ:

Въ лѣтнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцемъ, песчаны и наги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повѣетъ весной

Съ теплаго края, оттуда, гдѣ люди
Дышатъ вольнѣе,—въ три четверти груди,—

Красное солнце растопитъ снѣга,
Рѣки покинутъ свои берега,—

Чуждыя волны кругомъ разливая,
Будетъ и дерзокъ, и полонъ до края

Жалкій оврагъ... Пролетѣла весна—
Выжжетъ опять его солице до дна,

Но уже зрѣетъ на нивѣ поемной,
Что оросилъ онъ волною заемной,

Пышная жатва. Нетронутыхъ силъ
Въ Сашѣ такъ много сосѣдъ пробудилъ.

Эхъ! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и вѣрьте друзья: благодатна

Всякая буря душѣ молодой—
Зрѣетъ и крѣпнетъ душа подъ грозой.

Чѣмъ неутѣшнѣе дитятко ваше,
Тѣмъ встрепенется свѣтлѣе и краше:

Въ добрую почву упало зерно—
Пышнымъ плодомъ отродится оно!

НЕСЧАСТНЫЕ.

Часть первая.

Тяжелъ мой крестъ: уединенье,
Преступной совѣсти мученье,
Нужда, недуги. Говорятъ,
Къ цвѣтущей юности возвратъ
Подъ старость намъ одно спасенье,
Отрада вѣрная.—"Живи,
Покуда кровь играетъ въ жилахъ,
А станешь старѣться, нарви
Цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ,
И ими сердбе обнови..."
И я попробовалъ... но что же?..
Душа по прежнему нѣма
И съ одичалаго ума
Стереть угрюмости клейма
Ничто не властно. Правый Боже!
Ужели долгая тюрьма,
Ограбивъ сердце безъ пощады,
Душѣ моей не дастъ отрады
Въ воспоминаньи юныхъ лѣтъ?
Иль точно тамъ отрады нѣтъ?
Увы! тамъ душно, тамъ пустыня,
Любя, прощая, чуть дыша,
Тамъ угасаетъ, какъ рабыня,
Святая женская душа.
Переступить порогъ не смѣя,
Тоски и ужаса полна,
Такъ вянетъ сказочная фея
Въ волшебномъ замкѣ колдуна.
Воображенье прихотливо
Рисуетъ ей въ другіе дни:
Въ чертогахъ, убранныхъ на диво,
Горятъ вѣнчальные огни;
Невѣста ждетъ, женихъ приходитъ,
И рѣчь его тиха, нѣжна...

Гдѣ умъ красавицы не бродитъ,
Чего не думаетъ она?
Ликуетъ день, щебечутъ птицы,
Красою блещутъ небеса,
Доходятъ до дверей темницы
Любви и воли голоса,—
Но ей нѣтъ воли, нѣтъ отрады...
Не нужно камней дорогихъ,
Возьмите пышные наряды!
Гдѣ мать? гдѣ сестры? гдѣ женихъ?
Гдѣ няня съ пѣсенкой и сказкой?
Никто не сжалится надъ ней,
И только докучаетъ лаской
Противный, старый чародѣй.
Но нѣтъ!.. она любить не станетъ,
Скорѣй умретъ... Уходитъ онъ
И въ гнѣвѣ подданныхъ тиранитъ.
Кругомъ проклятья, вопли, стонъ...
Но въ сказкѣ витязь благородный
Придетъ—волшебника убьетъ,
И клочья бороды негодной
Къ ногамъ красавицы свободной
Съ рукой и сердцемъ принесетъ,
А здѣсь?

Рога трубятъ ретиво,
Пугая раній сонъ дѣтей,
И воютъ псы нетерпѣливо..
До солнца сѣли на коней—
Ушли... Орды вооруженной
Не видитъ глазъ, не слышитъ слухъ.—
И бѣдный домъ, какъ осажденный,
Свободно переводитъ духъ.
Мѣняя быстро постъ невольный
На празднословье и вино,
Спѣшитъ забыться рабъ довольный.
Но есть одна: ей все равно!
Въ ея душѣ свѣтлѣй не станетъ,

Все тотъ же мракъ, все тотъ же гнетъ:
И сонъ перерванный не манитъ,
И утро къ жизни не зоветъ.
Скорѣй, затворница нѣмая,
Рыданьемъ душу отведи!
Терпи любя, терпи прощая,
И лучшей участи не жди!

Осаду не надолго сняли...
Вотъ вечеръ—снова рогъ трубитъ.
Примолкнувъ, дѣти побѣжали,
Но мать остаться имъ велитъ.
Ихъ взоръ унылъ, невнятенъ лепетъ...
Опять содомъ, тревога, трепетъ!
А ночью свѣчи зажжены,
Обычный пиръ кипитъ мятежно,
И блѣдный мальчикъ, у стѣны
Прижавшись, слушаетъ прилежно
И смотритъ жадно (узнаю
Привычку дѣтскую мою...)
Что слышитъ? пѣсни удалыя
Подъ топотъ пляски удалой;
Глядитъ, какъ чаши круговыя
Пустѣютъ быстрой чередой
Какъ на лету куски хватаютъ
И ротъ захлопываютъ псы;
Какъ на тѣни растутъ, киваютъ
Большіе дядины усы...
Смѣются гости надъ ребенкомъ
И чей-то голосъ говоритъ:
"Не правда-ль, онъ весгда глядитъ
Какимъ-то травленымъ волченкомъ?
Поди сюда!" Блѣднѣетъ мать;
Волченокъ смотритъ—и ни шагу.
"Упрямство надо наказать—
Поди сюда!"—Волченокъ тягу...
"Ату его!.."

Тяжелый сонъ!..
Нѣтъ, мой восходъ не лучезаренъ—
Ничѣмъ я въ дѣтствѣ не плененъ
И никому не благодаренъ.
Скорѣе къ юности! Она
Всегда мила, всегда ясна...
Не бѣдняку!—Воображенье
Къ столицѣ юношу манитъ,
Тамъ слава, тамъ просторъ, движенье,
И вотъ—онъ въ ней! Идетъ, глядитъ—
Какъ чудно городъ изукрашенъ!
Шпили его церквей и башенъ
Уходятъ въ небо; пышны въ немъ
Театры, улицы, жилища
Счастливцевъ міра—и кругомъ
Необозримыя кладбища...
О, городъ, городъ роковой!
Съ пѣвцомъ твоихъ громадъ красивыхъ,
Твоей ограды вѣковой,
Твоихъ солдатъ, коней ретивыхъ
И всей потѣхи боевой,
Плѣненный лирой сладкострунной,
Не спорю я: прекрасенъ ты
Въ безмолвьи полночи безлунной,
Въ движеньи гордой суеты!

. . . . . .

Пусть солнце тусклое, скупое
Глядится въ невскія струи,
Пусть, тѣша буйство удалое
И сѣя плевелы свои,
Толпы пустыхъ, надменныхъ, праздныхъ,
Полны пороковъ безобразныхъ,
Въ тебѣ кишатъ. Въ стѣнахъ твоихъ
И есть, и были въ стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могилъ нѣмыхъ
Найдутся громкія могилы...

Ты дорогъ намъ,—ты былъ всегда
Ареной дѣятельной силы,
Пытливой мысли и труда!

Все такъ. Но если ненарокомъ
Въ твои предѣлы загляну,
Купаясь въ омутѣ глубокомъ,
Переживая старину,
Душа болитъ. Не въ залахъ бальныхъ,
Гдѣ торжествуетъ суета,—
Въ пріютахъ нищеты печальныхъ
Блуждаетъ грустная мечта.
Не лучезарный, золотистый,
Но рѣдкій солнца лучъ... о нѣтъ!
Твой день больной, твой вечеръ мглистый
Туманный, медленный разсвѣтъ
Воображенье мнѣ рисуетъ...
Свѣтаетъ. Чу, какъ вѣтеръ дуетъ!
Унять бы рады сорванца,
Но онъ смѣется надъ столицей
И флагомъ гордаго дворца
Играетъ, какъ простой тряпицей.
Нева волнуется, дома
Стоятъ, какъ крѣпости пустыя;
Желѣзнымъ болтомъ запертыя,
Угрюмы лавки, какъ тюрьма.
Ихъ постепенно отворяютъ,
Товару въ окна прибавляютъ,
Такъ ставитъ съ вечера капканъ
Охотникъ, на добычу падкій.
Вотъ солнце грянуло украдкой,
Но одолѣлъ его туманъ —
И снова мракъ. Какія лица
Теперь приходится встрѣчать!
Такую страшную печать
Умѣетъ класть одна столица.
Проѣхалъ возъ: ни русъ, ни сѣдъ,
Чухонецъ имъ курносый правилъ

И ельника зеленый слѣдъ
На мокрой улицѣ оставилъ—
Покойникъ будетъ. Вотъ и онъ!
До пышныхъ дожилъ похоронъ:
Четверкой дроги, гробъ угрюмый
Стоитъ высоко подъ парчой,
Идетъ родня съ печальной думой,
Поникнувъ молча головой;
Плетутся дряхлыя кареты;
То тамъ, то тутъ, полуодѣты,
Изъ оконъ женщины глядятъ,
Прохожій крестится сурово...
Прошла процессія—и снова
Все пусто.—Вотъ идетъ солдатъ
За фурой въ родѣ погребальной;
Глядитъ оттуда глазъ печальный
И видно блѣдное лицо...
Довольно! что теперь ни встрѣтишь,
На всемъ унынья слѣдъ замѣтишь.
Но вотъ парадное крыльцо
Въ богатомъ домѣ отворяетъ
Какой-то рослый молодецъ,—
Теперь-то утро наступаетъ!
Туманъ осиливъ наконецъ,
Одѣло солнце сѣтью чудной
Дворцы, и храмы, и мосты,
И нѣтъ слѣдовъ заботы трудной
И недовольной нищеты!
Какъ будто появляться вредно
При полномъ водвореньи дня
Всему, что зелено и блѣдно,
Несчастно, голодно и бѣдно
Что ходитъ голову склоня!
Теперь ляди на городъ шумный!
Теперь онъ пышенъ и богатъ—
Несется въ толкотнѣ безумной
Блестящихъ экипажей рядъ,
Все полно жизни и тревоги,

Всѣ лица блещутъ и цвѣтутъ,
И съ похоронъ обратно дроги
Пустыя весело бѣгутъ...
Ликуетъ сердце молодое—
Въ восторгѣ юноша. Постой!
Ты будешь говорить другое,
Родство постигнувъ роковое
Межъ этимъ блескомъ и тобой!
Пройдутъ года въ борьбѣ безплодной,
И на красивыя плиты,
Какъ изъ машины винтъ негодный,
Быть можетъ, брошенъ будешь ты!
Счастливъ, кому мила дорога
Стяжанья, кто ей вѣренъ былъ
И въ жизни ни однажды Бога
Въ пустой груди не ощутилъ.
Но если той тревоги смутной
Не чуждо сердце—пропадешь!
Въ глухую полночь, безпріютный,
По стогнамъ города пойдешь:
Громадный, стройный и суровый,
Заснувъ подъ тучею свинцовой,
Тогда предстанетъ онъ инымъ,
И опоясанный гробами,
Своими пышными дворцами,
Величьемъ царственнымъ своимъ—
Не будетъ радовать. Невольно
Припомнивъ бѣдный городокъ,
Гдѣ солнца каждому довольно.
То правда: городъ не широкъ,
Не длиненъ—лай судейской шавки
Въ немъ слышенъ вдоль и поперекъ:
Домишки малы, пусты лавки,
Аптека, два-три кабака,
Тюрьма, шлагбаумъ полосатый,
Домъ судный, госпиталь досчатый,
И площадь... площадь велика:
Кругомъ не видно ей границы,

И, слышно, осенью на ней
Чудакъ, заѣзжій изъ столицы,
Успѣшно ищетъ дупелей.
Ну, все, какъ надо, какъ извѣстно,
Надъ чѣмъ столичные давно
Острятъ то глупо, то умно;
За то покойно—и не тѣсно...
Не жди особенныхъ отрадъ:
Что Богъ послалъ, тому будь радъ.
Гляди въ халатѣ на дорогу:
Вонъ, гуси выступаютъ въ ногу
Съ гусиной важностью... но вдругъ—
Смятенье, дикій крикъ, испугъ!
Три тройки наскакали близко.
Присѣвъ и крылья распустивъ,
Одни бѣгутъ, другіе близко
Летятъ, а третьи, прискочивъ,
Удрать не летомъ и не бѣгомъ
Спѣшатъ... и вотъ просторъ телѣгамъ—
Разсыпались, куда кто могъ!
Такъ, гордый собственнымъ значеньемъ,
Своимъ нежданнымъ появленьемъ
Дѣтей пугаетъ педагогъ;
Такъ поэтическія грезы
Разноситъ дуновенье прозы...
Но ужъ запѣли соловьи,
Иди гулять—до сна не долго!
Гляди, какъ тихо катитъ Волга
Свои спокойныя струи,
Уснувъ въ песчаной колыбели;
Какъ, нагибаясь до земли,
Таскаютъ бурлаки кули,
А воробьи ужъ налетѣли,
И, теребя мочалу, носъ
Просунуть силятся въ овесъ.
Куда ни взглянешь—птичье племя!
Уснувъ подъ берегомъ рѣки,
Чернѣютъ утки, какъ комки,

Но, видно, имъ покушать время:
Проснулись—поплыли гурьбой,
Кувыркъ! и ногъ утиныхъ строй
Стоитъ недвижно надъ водой.
На всемъ лучи зари румяной;
Какъ ожерелье, у воды
Какихъ-то бѣлыхъ птицъ ряды
Сидятъ на отмели песчаной,
И тутъ же сотни куликовъ
Снуютъ съ оглядкой вороватой;
Всѣ бѣлобрюхи, безъ хохловъ,
А почему жъ одинъ хохлатый?
Не долинявъ, съ весеннихъ поръ
Сберегъ онъ пышную прибавку
И ходитъ важно, какъ майоръ,
Съ мундиромъ вышедшій въ отставку,—
Недосаетъ счастливцу шпоръ!

Не любишь птицъ—гляди бездумно,
Какъ приближается паромъ
Неторопливо и нешумно;
А тамъ, на берегу другомъ,
Подъ легкимъ матовымъ туманомъ,
Какъ будто войско тѣснымъ станомъ
Расположилось на ночлегъ:
Не перечтешь коней, телѣгъ!
Подъ каждымъ стогомъ-великаномъ
Толпа... И слышны голоса,
Стыдливый визгъ и хохотъ женскій...)
Но потемнѣли небеса—
Спи мирно, житель деревенскій!
Ты стоишь сна... Идемъ домой,
Закрыты ставни—все спокойно.
Что-жъ медлитъ мѣсяцъ золотой?
Темно. Ни холодно, ни знойно,—
Такъ ровно-ровно дышетъ грудь...
Но слышишь, что-то заскрипѣло!
Калитку отворивъ чуть-чуть,

Выходитъ дѣвушка несмѣло.
Она глядитъ по сторонамъ,
Но вотъ увидѣла—и къ намъ
Шаги проворно направляетъ...
Ты улыбнулся, ты молчишь...
Вдругъ—"ахъ!" и быстро исчезаетъ.
Ошиблась, милая! Такъ мышь,
Съ испугу пискнувъ, убѣгаетъ,
Замѣтивъ любопытный глазъ.
Пору любви, пору проказъ
Чѣмъ нашу молодость помянемъ?
Не побѣжать ли намъ за ней?
Не подстеречь ли у дверей?
Нѣтъ, только даромъ мы устанемъ.
Народъ уснулъ—пора и намъ.
Одно досадно: по ночамъ,
Должно быть, переспавъ нещадно,
Собака воетъ безотрадно —
Весь городъ чьей-то смерти ждетъ,
Толкуетъ набожно и тихо,
И вѣдь случается—возьметъ
Да и скончается купчиха,
Передъ которой глупый песъ
Три ночи нылъ, поднявши носъ.
Тогда попробуй разувѣрить:
"Да какъ ты смѣешь самъ не вѣрить?..."
Молчи—предатели они!
Люби покой, природу, книгу
И независимость храни,
Не то—среды поддайся игу
И лямку общую тяни.

Но есть тамъ свои могилы;
Но тамъ безплодно гибнутъ силы,
Тамъ духота, безумье, лѣнь,
Тамъ время тянется сонливо,
Какъ самодѣльная расшива
По тихой Волгѣ въ лѣтній день.

Тамъ только не грѣшно родиться
Или подъ старость умирать.
Куда-жъ идти? къ чему стремиться?
Гдѣ силы юныя пытать?

Храни Господь того, кто скажетъ:
"Простите, мирныя поля!"
И бѣдный свой челнокъ привяжетъ
Къ кормѣ большого корабля...

Кому судьба вѣнецъ готовитъ,
Того вопросъ: куда идти?
Не устрашитъ, не остановитъ;
Кого на жизненномъ пути
Любовь лелѣетъ съ колыбели,
Незримо направляя къ цѣли—
И тотъ находитъ путь прямой.
Но кто ни Богомъ не отмѣченъ,
Ни даже любящей рукой
Не охраненъ, не обезпеченъ,
Тотъ долго бродитъ какъ слѣпой:
Кипитъ, желаетъ, тратитъ силы,
И, позднимъ опытомъ богатъ,
Находитъ у дверей могилы
Невольныхъ заблужденій рядъ..
Къ чему бы жизнь ни вынуждала,
И даже разницы путемъ
Не зная межъ добромъ и зломъ,
Я по теченью плылъ сначала...
Лишь гордость иногда спасала...
Богъ вѣсть, куда бы прихоть волнъ
Прибила мой убогій челнъ:
Сбирались тучи, путь былъ труденъ,
А я упоренъ, безразсуденъ,—
Ждала тяжелая борьба.
Но вдругъ распутала судьба
Загадку жизни несчастливой—
Я полюбилъ, дикарь ревнивый....

О ты, кого я съ ужасомъ бѣжалъ,
Къ кому съ любовью рвался я въ объятья,
Кому чистосердечно расточалъ
Благословенья и проклятья,—
Тебя ужъ нѣтъ! на жизненной стезѣ
Оставивъ слѣдъ загадочный и странный,
Являясь ангеломъ въ грозѣ
И демономъ у пристани желанной—
Погибла ты... Ты сладить не могла
Ни съ бурнымъ сердцемъ, ни съ судьбою
И, бездну вырывъ подо мною,
Сама въ ней первая легла...
Ругаясь буйно надъ кумиромъ,
Когда-то сердцу дорогимъ,
Я могъ бы передъ цѣлымъ міромъ
Клеймомъ отмѣтить роковымъ
Твой путь. Но за предѣлы гроба
Не перешла вражда моя;
Я понялъ: мы виновны оба...
Но тяжелѣй наказанъ я!
Года чредой опредѣленной
Идутъ, но время надо мной
Остановилось: стражъ безсмѣнный
Среди той ночи роковой
Стою... ревниво закипаю,
И вдругъ шаги... и голосъ твой...
И вопль,—и съ крикомъ: "не прощаю!.."
Все помню съ ясностью такой,
Какъ будто каждый день сверша
Убійство... Тотъ же, тотъ же сонъ
Ужъ двадцать лѣтъ: молящій стонъ,
Безумный крикъ, сверканье стали...
Прочь, утонувшія въ крови,
Воспоминанія любви!
Довольно сердце вы терзали!

Скорѣе въ душную тюрьму!
Оттуда сердцу моему
Единый въ жизни лучъ отрады

Мерцаетъ... Такъ огонь лампады
До вѣчной сѣни гробовой
Горитъ надъ каждой головой...

Часть вторая.

Безлюдье, степь. Кругомъ все бѣло,
И небеса надъ головй...
Еще отчаянье кипѣло
Въ душѣ, упившейся враждой,
И смерти лишь она алкала,
Когда преступная нога,
Звуча цѣпями, попирала
Недружелюбные снѣга
Страны пустынной, сиротливой...
Среди звѣрей я звѣремъ сталъ,
Виномъ я совѣсть усыплялъ
И умъ гасилъ...

Въ толпѣ строптивой
Межъ нами былъ одинъ: его
Не полюбили мы сначала—
Не говорилъ онъ ничего,
Работалъ медленно и мало.
Кряхтя, копается весь день,
Какъ кротъ—мы такъ его и звали—
А толку нѣтъ: не то, чтобъ лѣнь,
Да силы скоро измѣняли.
Рука, не твердая въ трудѣ,
Какъ спицы ноги, дѣтскій голосъ
И, словно ленъ, пушистый волосъ
На головѣ и бородѣ.
Оброслъ онъ скоро волосами,
Питался черствымъ сухаремъ,
Но и подъ грубымъ армякомъ
Глядѣлъ неровней между нами.
Его дежурный понукалъ,
И было намъ сначала любо

Смотрѣть, какъ губы онъ кусалъ,
Когда съ нимъ обходились грубо:
Такъ удила кусаетъ конь,
Когда сѣдокъ его пришпоритъ;
Въ глазахъ покажется огонь,
Однако промолчитъ—не споритъ!
Бывало, подойдемъ гурьбой,
Повалимъ, будто ненарокомъ,
Кричимъ: "не хочешь ли домой?"
Онъ только поглядитъ съ упрекомъ
И покачаетъ головой.
Не пьетъ, не балагуритъ съ нами,
Но скоро часъ его насталъ...

Былъ вечеръ; скрежеща зубами,
Одинъ изъ нашихъ умиралъ.
Куда дѣваться въ подземельѣ?
Кричимъ: "скорѣй! мѣшаешь спать!"
И стали въ бѣшенномъ весельѣ
Его мы хоромъ отпѣвать:
"Умри! намъ всѣмъ одна дорога,
Другой не будетъ изъ тюрьмы!.."

Вдругъ кто-то крикнулъ: "Нѣтъ въ васъ Бога!"
И пѣсни не допѣли мы.
Глядимъ: добро-бъ вошелъ начальникъ,
Нѣтъ, просто выступилъ впередъ
Нашъ бѣлоручка, нашъ молчальникъ,
Смиренный, копотливый Кротъ.
Коритъ, грозитъ! Дыханье трудно,
Лицо сурово, какъ гроза,
И какъ-то бѣшено и чудно
Блестятъ глубокіе глаза...

Смутились мы. Какая сила
Ему строптивыхъ покорила—
Богъ вѣсть! Но грубые умы
Онъ умилилъ, обезоружилъ,

Онъ намъ ту бездну обнаружилъ,
Кида стремглавъ летѣли мы!
Въ заботѣ новой, въ думахъ строгихъ,
Мы совѣщались до утра,
Стараясь вразумить немногихъ,
Не внявшихъ вѣстнику добра:
Душой погибнувъ невозвратно,
Они за нами не пошли
И обновиться благодатно
Ужъ не хотѣли, не могли.
Въ нихъ сердце превратилось въ камень,
Навѣкъ оледенѣла кровь...
Но въ комъ, какъ подъ золою пламень,
Таились совѣсть и любовь,
Тотъ жадно ждалъ бесѣды новой,
Съ душой, увѣровать готовой...
Не вдругъ мы поняли его,
Но онъ учить не тяготился—
Онъ съ нами братски подѣлил
Богатствомъ сердца своего!
Забыты буйныя проказы;
Наступитъ вечеръ—тишина,
И стали намъ его разсказы
Милѣй разгула и вина.
Пусть рѣчь его была сурова
И не блистала красотой,
Но обладалъ онъ тайной слова
Доступнаго душѣ живой.
Не на конѣ, не за сохою,—
Провелъ онъ свой недолгій вѣкъ
Въ трудѣ ученья, но душою,
Какъ мы, былъ русскій человѣкъ.
Онъ не жалѣлъ, что мы не нѣмцы,
Онъ говорилъ: "во многомъ насъ
Опередили иноземцы,
Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй—

Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины—
Черна—куда ни погляди!
Но не проѣлъ до сердцевины
Ея пророкъ. Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ:
Такъ подъ корой Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ".
Его плнѣняло солнце юга—
Тамъ море ласково шумитъ,
Но слаще сѣверная вьюга
И больше сердцу говоритъ.
При словѣ: "Русь", бывало, встанетъ—
Онъ помнилъ, онъ любилъ ее,
Заговоривши про нее—
До поздней ночи не устанетъ...
Наступитъ ли вечерній часъ—
Внимая бури вой жестокій
"'Теперь—онъ говорилъ—у насъ,
На нашей родинѣ далекой,
Еще тепло... Закатъ горитъ,
Надъ Божьимъ храмомъ рѣютъ птицы,
Домой идутъ съ работы жницы,
Въѣзжая на гору, скрипитъ
Снопами полная телѣга:
Играя, колосъ изъ снопа
Хватаетъ сытый конь съ разбѣга—
И ржетъ... А за нимъ бредетъ толпа
Коровушекъ... Стемнѣло небо
И смолкли вдругъ работы дня;
Ложится пахарь безъ огня,
И распростерли скирды хлѣба
Свою хранительную тѣнь
Вокругъ уснувшихъ деревень.
Все тихо! развѣ безъ оглядки
Фельдъегеръ пролетитъ селомъ

Или обратныя лошадки,
Понуря голову, шажкомъ
Пройдутъ: заснулъ ямщикъ лѣнивый
Верхомъ на дремлющемъ конѣ;
Одинъ бубенчикъ говорливый
Воркуетъ сладко въ тишинѣ,
Да старый вязъ въ концѣ селенья
Шумитъ, столѣтній часовой;
Предъ нимъ проходятъ поколѣнья,
Мѣняясь быстрой чередой,
Онъ невредимъ: корысть, безпечность—
Его ничто не сокрушитъ,
Любовь народная хранитъ
Его святую долговѣчность.
Онъ укрываетъ въ лѣтній зной
Шатромъ дѣтей деревни цѣлой;
Бѣднякъ-калѣка престарѣлый
Подъ нимъ ложится на покой;
Нашъ братъ, звуча цѣпями, ссыльный,
Подъ нимъ сидитъ, обритый, пыльный,
И богомолокъ молодыхъ,
Подъ тѣнь вѣтвей его густыхъ
Приводитъ дивняя привычка...

"Чу! тянутъ въ небѣ журавли,
И крикъ ихъ, словно перекличка
Хранящихъ сонъ родной земли
Господнихъ часовыхъ, несется
Надъ темнымъ лѣсомъ, надъ селомъ,
Надъ полемъ, гдѣ табунъ пасется
И пѣсня грустная поется
Передъ дымящимся костромъ...

"Не ждутъ осеннія работы,
Не дологъ отдыхъ мужиковъ—
Скрипятъ колодцы и вороты
При третьей пѣснѣ пѣтуховъ.
Дудитъ пастухъ свирѣлью звонкой,

Бѣжитъ по нивѣ чья-то тѣнь:
То бѣглый рекрутикъ сторонкой
Уходитъ въ лѣсъ, послышавъ день.
Искалъ онъ, чѣмъ бы покормиться,
Ночь не послала ничего,
Придется, видно, воротиться,
А страшно!.. Что ловить его?
Хозяйка старшихъ разбудила—
Блеснули въ ригахъ огоньки
И застучали молотила...
Богъ помочь, братья-мужики!"

Родныя русскія картины!
Заснулъ, и видѣлъ я во снѣ
Знакомый домъ, лѣса, долины,
И братья сказывали мнѣ,
Что сонъ ихъ уносилъ съ чужбины
Къ забытой, милой сторонѣ.
Летишь мечтой къ отчизнѣ дальной,
И на душѣ свѣтлѣй, теплѣй...
Чего не зналъ нашъ другъ опальный?
Слыхали мы въ тюрьмѣ своей
И басни хитрыя Крылова,
И пѣсни вѣщія Кольцова,
Узнали мы такихъ людей,
Предъ которыми позднѣй
Слѣпой народъ восторгъ почуетъ,
Вздохнетъ и—совѣсть уврачуетъ,
Воздвигнувъ пышный мавзолей.
Такъ иногда, узнавъ случайно,
Кто спасъ его когда-то тайно,
Бѣднякъ взволнованный бѣжитъ.
Приходитъ, смотритъ—вотъ жилище,
Но гдѣ-жъ хозяинъ? Все молчитъ!
Идетъ бѣдняга на кладбище
И на могильныя плиты
Бросаетъ поздніе цвѣты...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . Достало въ немъ геройства
"Прости на вѣкъ!" сказать всему!
Но ты, святое безпокойство!
Тебя принесъ онъ и въ тюрьму!
О ней, о родинѣ державной,
Онъ говорить не уставалъ:
То жребій ей пророчилъ славный,
То старину припоминалъ,
Кто въ древни вѣки ею правилъ,
Какъ люди въ ней живали встарь,
Какъ обучилъ, вознесъ, прославилъ
Ее тотъ мудрый государь,
Кому въ царяхъ никто не равенъ,
Кто до скончанья міра славенъ
И святъ: Великаго Петра
Онъ звалъ отцомъ Россіи новой,
Онъ видѣлъ слѣдъ руки Петровой
Въ основѣ каждаго добра.
Сто вечеровъ до поздней ночи
Онъ говорилъ намъ про него—
Никто сомкнуть не думалъ очи
И не промолвилъ ничего.
Онъ говоритъ, ему внимаемъ,
И полны новыхъ думъ, тогда
Свои оковы забываемъ
И тяжесть чернаго труда.
Встаетъ во мракѣ подземелья
Предъ нами чудный ликъ Петра,
И какъ монашеская келья
Тиха преступниковъ нора.
Сноснѣй на утро трудъ несносный,
Тоскаешь горы на плечахъ,
Чтобъ трудолюбецъ Вѣнценосный
Сказалъ спасибо въ небесахъ...

Да! видитъ Богъ, въ кровавомъ потѣ
Омыли мы свою вину,
И не напрасно на работѣ
Пѣвали пѣсенку одну:

Пѣсня преступниковъ

1.

Дружнѣй! работа есть лопатамъ,
Не радомъ насъ сюда вели,
Не даромъ Богъ насытилъ златомъ
Утробу матери-земли.

Трудись, покамѣстъ служатъ руки,
Не сѣтуй, не лѣнись, не трусь,
Спасибо скажутъ наши внуки,
Когда разбогатѣетъ Русь!

2.

* * * * * * * * *

3.

Пускай бѣжитъ въ упорномъ дѣлѣ
Съ насъ потъ ручьями, какъ вода,
И мерзнетъ на клейменомъ тѣлѣ,
Когда почіемъ отъ труда.

Пускай томимся гладомъ, жаждой,
Пусть дрогнемъ въ холодѣ зимы:
Ей пригодится камень каждый,
Который добываемъ мы.

Ее сложилъ въ часы недуга
Нашъ тихій, вѣчно грустный Кротъ,

И часто, поминая друга,
Въ своемъ углу ее поетъ
Прощенный ссыльный. Здѣсь мы гости,
Сюда вернулись мы не жить—
Съ отцами рядомъ положить
Трудомъ изломанныя кости,
Но рады, рады и тому!..
Начальство къ намъ добрѣе стало,
Получше отвело тюрьму
И хорошо аттестовало.
Что будетъ съ нами—до конца
Тяжелой было намъ загадкой,
Но въ умиленныя сердца
Прокрался лучъ надежды сладкой.
Такъ, помню, солнышко украдкой
Глядитъ, бывало, поутру
И въ нашу черную нору..

Но онъ надеждѣ вѣрилъ мало,
Едва бродя, едва дыша,
И только насъ бодрить хватало
Въ немъ силъ... Великая душа!
Еге страданья были горды,
Онъ ихъ упорно подавлялъ,
Но иногда изнемогалъ
И плакалъ, плакалъ... Камни тверды,
Любой попробуй... но огня
Добудешь только изъ кремня.
Таковъ онъ былъ. Воспоминанья
Страшнѣй не помню; зналъ и я
Изнеможеніе страданья,—
Но что была печаль моя?
Къ довольству суетному зависть,
Быть можетъ, личная ненависть,
Тоска по женщинѣ пустой,
Съ тряпичной, дюжинной душой,
Томленье скуки, злость безсилья...
Я, говорятъ, былъ мелко золъ

Въ моей тоскѣ... Не такъ орелъ
Свои оплакиваетъ крылья,
Которыхъ мощь извѣдалъ онъ,
Которыхъ царственная сила
Его подъ небо уносила...
Да! возвращаясь съ похоронъ,
Недаромъ въ голосъ мы сказали:
"Зачѣмъ его Кротомъ мы звали?
И мертвый сходенъ онъ лицомъ
Съ убитымъ молніей орломъ!"

О чемъ была его кручина?
Рыдалъ ли онъ рыданьемъ сына,
Давно отчаявшись обнять
Свою тоскующую мать,
И невеселая картина
Ему являлась: старый домъ
Стоитъ въ краю деревни бѣдной
И голова старухи блѣдной
Видна сѣдая подъ окномъ.
Вздыхаетъ, молится, гадаетъ
И смотритъ, смотритъ, и двойной
Въ окошко рамы не вставляетъ
Старуха позднею зимой.
А сколько, глядя на дорогу,
Уронитъ слезъ—извѣстно Богу!
Но нѣтъ! и Богъ ихъ не считалъ,
А то бы радость ей послалъ!

Любовь ли бѣднаго томила?
Что сталось съ нею? Позабыла?
Или груститъ... и далеко
Несется... мысленно заглянетъ
И содрогнется глубоко?
Гдѣ ей? въ ней сердца недостанетъ!
Ахъ! чувство женское легко!
Онѣ его хранятъ, лелѣютъ,
Покуда радуетъ оно,

Но если тучи тяготѣютъ
И небо грозно и темно—
Его спасти имъ не дано!

Быть можетъ, онъ душою вѣрной
Припоминалъ былыхъ друзей;
Въ кичливой гордости своей,
Быть можетъ, врагъ высокомѣрный
Ему являлся въ часъ ночной...
И съ крикомъ кинувшись, ногами,
Отягощенными цѣпями,
Топталъ онъ призракъ роковой?

Или изгладила чужбина
Все то, чѣмъ молодость жила,
И только слезы гражданина
Душа живая сберегла?
Какъ знать! Предъ нимъ мы дѣти были,
Ничѣмъ мы права не купили
Дѣлить великую печаль;
Не всѣ мы даже понимали,
За что его сюда заслали;
Но было трудно, было жаль.
Закоренѣлаго невѣжду
Спроси, и тотъ отдать былъ радъ
Свою послѣднюю надежду—
Подъ небо родины возвратъ—
За мигъ единый облегченья
Его тоски, его мученья.
Но только правосудный Богъ
Утѣшить мученика могъ.
И скоро гробовыя двери
Предъ нимъ открылись; но не вдругъ
Клейменыхъ каторжниковъ другъ
Сошелъ въ нихъ: роковой потери
По каплѣ ядъ глотали мы.
Почти два года, изъ тюрьмы
Не выходя, онъ разрушался.

Зачѣмъ? Извѣстно небесамъ!
"Чтобъ человѣкъ не баловался",
Смѣясь, говаривалъ онъ намъ.
И день и ночь поочередно
Его мы ложе берегли,
Зимой окутывали плотно,
Весной на солнышко несли
(Былъ для того у насъ устроенъ
Снарядъ особенный); больной
Кивалъ тихонько головой
И какъ-то грозно былъ спокоенъ.
Не шевельнется цѣлый день;
Тоскливъ и кротокъ безпредѣльно,
Молчитъ: такъ, раненый смертельно,
Глядитъ и смерти ждетъ олень...
И наконецъ пора пришла...
Въ день смерти съ ложа онъ воспрянулъ,
И снова силу обрѣла
Нѣмая грудь—и голосъ грянулъ!
Мечтаньемъ чуднымъ окрылилъ
Его Господь передъ кончиной:
И онъ подъ небо воспарилъ
Въ красѣ и легкости орлиной.
Кричалъ онъ радостно: "впередъ!"
И гордъ, и ясенъ, и доволенъ:
Ему мерещился народъ
И звонъ московскихъ колоколенъ;
Восторгомъ взоръ его сіялъ,
На площади, среди народа,
Ему казалось, онъ стоялъ
И говорилъ...

Прошло два года.
Насталъ святой, великій мигъ,
Въ скрижаляхъ царства незабвенный,
И до Сибири отдаленной
Прощенья благовѣстъ достигъ.
Разверзлась роковая яма,

Какъ птицы вольны вышли мы,
И не сговариваясь, прямо
Пришли гурьбою изъ тюрьмы
Къ одной могилѣ одинокой.
Стѣснилась грудь тоской жестокой
И каждый небо вопрошалъ:
"Зачѣмъ онъ жилъ, зачѣмъ страдалъ,
Зачѣмъ свободы не дождался?"
— Чтобъ человѣкъ не баловался!
Одинъ сказалъ—и присмирѣлъ.
Переглянулись мы уныло,
И тихій ангелъ пролетѣлъ.
Лишь буря, не смолкая, выла
И небо хмурилось. Земли
Добывъ лопатою привычной,
Мы помолчали—и пошли...
И жизнь пошла чредой обычной!..

Хотѣлось мнѣ увидѣть мать;
Но что пришлось бы ей сказать?
Кто подтолкнуть не устрашится
Утесъ, готовый обвалиться
На плечи брата своего?
Кто скажетъ ей: "ужъ нѣтъ его!
Загородись двойною рамой,
Напрасно горницъ не студи,
Простись съ надеждою упрямой
И на дорогу не гляди!"
Пусть лучше, глядя на дорогу,
Отдастъ съ надеждой душу Богу...
Но люди—звѣрь кто-нибудь
Утесъ обрушитъ ей на грудь...

Кто зналъ его, забыть не можетъ,
Тска по немъ язвитъ и гложетъ!
И часто мысль туда летитъ,
Гдѣ гордый мученикъ зарытъ.
Пустыня бѣлая;—надъ гробомъ

Неталый снѣгъ лежитъ сугробомъ,
То солнце тусклое блеститъ,
То туча черная виситъ,
Встаютъ смерчи, ревутъ бураны,
Сѣдые стелются туманы,
Восходитъ день, ложится тьма,
Вороны каркаютъ—и злятся,
Что до костей его добраться
Мѣшаетъ вѣчная зима.

Римъ.

ТИШИНА.

1.

Все рожь кругомъ, какъ степь живая,
Ни замковъ, ни морей, ни горъ...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ
И не нашелъ я ничего!
Я самъ не свой: хандрю, нѣмѣю,
Не одолѣвъ свою судьбу,
Я тамъ погнулся передъ нею,
Но ты дохнула—и сумѣю,
Быть можетъ, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропотъ укоризны
За мною по пятамъ бѣжалъ,
Не небесамъ чужой отчизны—
Я пѣсни родинѣ слагалъ!
И нынѣ жадно повѣряю
Мечту любимую мою,
И въ умиленьи посылаю

Всему привѣтъ... Я узнаю
Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
Съ грозою выдержать войну,
И ровный шумъ лѣсовъ сосновыхъ,
И деревенекъ тишину,
И нивъ широкіе размѣры...
Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:
"Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ—
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной..."

Я внялъ... я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

2.

Пора! За рожью колосистой
Лѣса сплошные начались,
И сосенъ ароматъ смолистый
До насъ доходитъ... "Берегись!"
Уступчивъ, добродушно смиренъ
Мужикъ торопится свернуть...
Опять пустынно-тихъ и миренъ
Ты, русскій путь, знакомый путь!
Прибитая къ землѣ слезами
Рекрутскихъ женъ и матерей,
Пыль не стоитъ уже столбами
Надъ бѣдной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны,
И врядъ ли самъ припоминаешь,
Каковъ ты былъ во дни войны,—
Когда надъ Русью безмятежной
Возсталъ немолчный скрипъ телѣжный,
Печальный, какъ народный стонъ!
Русь поднялась со всѣхъ сторонъ,
Все, что имѣла, отдавала
И на защиту высылала
Со всѣхъ проселочныхъ путей
Своихъ покорныхъ сыновей.
Войска водили офицеры,
Гремѣлъ походный барабанъ,
Скакали бѣшено курьеры;
За караваномъ караванъ
Тянулся къ мѣсту ярой битвы—
Свозили хлѣбъ, сгоняли скотъ,
Проклятья, стоны и молитвы
Носились въ воздухѣ... Народъ
Смотрѣлъ довольными глазами
На фуры съ плѣнными врагами,
Откуда рыжихъ англичанъ,

Французовъ съ красными ногами
И чалмоносныхъ мусульманъ
Глядѣли сумрачныя лица...
И все минуло... все молчитъ...
Такъ мирныхъ лебедей станица,
Внезапно спугнута, летитъ,
И съ крикомъ обогнувъ равнину
Пустынныхъ, молчаливыхъ водъ,
Садится дружно на средину
И осторожнѣе плыветъ...

3.

Свершилось! Мертвые отпѣты,
Живые прекратили плачъ,
Окровавленные ланцеты
Отчистилъ утомленный врачъ;
Военный попъ, сложивъ ладони,
Творитъ молитву небесамъ,
И севастопольскіе кони
Пасутся мирно... Слава вамъ!
Вы были тамъ, гдѣ смерть летаетъ,
Вы были въ сѣчахъ роковыхъ
И какъ вдовецъ жену мѣняетъ,
Мѣняли всадниковъ лихихъ...
Война молчитъ—и жертвъ не проситъ;
Народъ, стекаясь къ алтарямъ,
Хвалу усердную возноситъ
Смирившимъ громы небесамъ.
Народъ-герой! въ борьбѣ суровой
Ты не шатнулся до конца;
Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца!
Молчитъ и онъ... какъ трупъ безглавый,
Еще въ крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнемъ и лавой!

Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства передъ ней стояло,
Передъ одной... такихъ громовъ
Еще и небо не метало
Съ нерукотворныхъ облаковъ!
Въ ней воздухъ кровью напоили,
Изрѣшетили каждый домъ,
И, вмѣсто камня, намостили
Ее свинцомъ и чугуномъ.
Тамъ по чугунному помосту
И море подъ стѣной течетъ.
Носили тамъ людей къ погосту,
Какъ мертвыхъ пчелъ, теряя счетъ...
Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругомъ пустыня,
Могилы... Люди въ той странѣ
Еще не вѣрятъ тишинѣ.
Но тихо... Въ каменныя раны
Заходятъ сизые туманы,
И черноморская волна
Еще тепла, еще красна,
Уныло въ берегъ славы плещетъ...
Надъ всею Русью тишина,
Но—не предшественница сна:
Ей солнце правды въ очи блещетъ
И думу думаетъ она.

4.

А тройка все летитъ стрѣлой.
Завидѣвъ мостъ полуживой,
Ямщикъ бывалый, парень русскій,
Въ оврагъ спускаетъ лошадей,
И ѣдетъ по тропинкѣ узкой
Подъ самый мостъ... оно вѣрнѣй!
Лошадки рады: какъ въ подпольѣ,

Прохладно тамъ... Ямщикъ свиститъ
И выѣзжаетъ на приволье
Луговъ... родной, любимый видъ!
Тамъ зелень ярче изумруда,
Нѣжнѣе шелковыхъ ковровъ,
И какъ серебряныя блюда,
На ровной скатерти луговъ
Стоятъ озера!.. ночью темной
Мы миновали лугъ поемный,
И вотъ ужъ ѣдемъ цѣлый день
Между зелеными стѣнами
Густыхъ березъ. Люблю ихъ тѣнь
И путь, усыпанный листами!
Здѣсь бѣгъ коня неслышно-тихъ,
Легко въ ихъ сырости пріятной,
И вѣетъ на душу отъ нихъ
Какой-то глушью благодатной.
Скорѣй туда—въ родную глушь!
Тамъ можно жить, не обижая
Ни божьихъ, ни ревизскихъ душъ,
И трудъ любимый довершая.
Тамъ стыдно будетъ унывать
И предаваться грусти праздной.
Гдѣ пахарь любитъ сокращать
Напѣвомъ трудъ однообразный.
Его ли горе не скребетъ?—
Онъ добръ, онъ за сохой шагаетъ,
Безъ наслажденья онъ живетъ,
Безъ сожалѣнья умираетъ.
Его примѣромъ укрѣпись,
Сломившійся подъ игомъ горя!
За личнымъ счастьемъ не гонись
И Богу уступай—не споря...

НА ВОЛГѢ.

(Дѣство Валежникова).

I

. . . . . .

. . . . . .

Не торопись, мой вѣрный песъ!
Зачѣмъ на грудь ко мнѣ скакать?
Еще успѣемъ мы стрѣлять.
Ты удивленъ, что я приросъ
На Волгѣ: цѣлый часъ стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнилъ молодость мою
И весь отдаться ей хочу
Здѣсь на свободѣ. Я похожъ
На нищаго: вотъ бѣдный домъ;
Тутъ, можетъ, подали бы грошъ;
Но вотъ другой—богаче: въ немъ,
Авось, побольше подадутъ;
И нищій мимо; между тѣмъ
Въ богатомъ домѣ дворникъ-плутъ
Не надѣлилъ его ничѣмъ.
Вотъ домъ еще пышнѣй, но тамъ
Чуть не прогнали по шеямъ!
И, какъ нарочно, все село
Прошелъ—нигдѣ не повезло!
Пуста, хоть выверни суму.
Тогда вернулся онъ назадъ
Къ убогой хижинѣ—и радъ,
Что корку бросили ему;
Бѣднякъ ее, какъ робкій песъ,
Подальше отъ людей унесъ
И гложетъ... Рано пренебрегъ
Я тѣмъ, что было подъ рукой,
И чуть не дѣтскою ногой

Ступилъ за отческій порогъ,
Меня старались удержать
Мои друзья, молила мать,
Мнѣ лепеталъ любимый лѣсъ:
Вѣрь, нѣтъ милѣй родныхъ небесъ!
Нигдѣ не дышется вольнѣй
Родныхъ луговъ, родныхъ полей!
И той же пѣсенкою полнъ
Былъ говоръ этихъ милыхъ волнъ,
Но я не вѣрилъ ничему.
Нѣтъ,—говорилъ я жизни той:
Ничѣмъ не купленный покой
Противенъ сердце моему...
Быть можетъ, недостало силъ,
Или мой трудъ не нуженъ былъ,
Но жизнь напрасно я убилъ,
И то, о чемъ дерзалъ мечтать,
Теперь мнѣ стыдно вспоминать!
Всѣ силы сердца моего
Истративъ въ медленной борьбѣ,
Не допросившись ничего
Отъ жизни ближнимъ и себѣ,
Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:
— О, юность бѣдная моя!
Прости меня, смирился я.
Не помяни мнѣ дерзкихъ грезъ,
Съ какими, бросивъ край родной,
Я издѣвался надъ тобой!
Не помяни мнѣ глупыхъ слезъ,
Какими плакалъ я не разъ,
Твоимъ покоемъ тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чемъ бы сердцемъ отдохнуть
Я могъ, пошли мнѣ! Я усталъ,
Въ себя я вѣру потерялъ;
И только память дѣтскихъ дней
Не тяготитъ души моей...

2.

Я росъ, какъ многіе, въ глуши,
У береговъ большой рѣки,
Гдѣ лишь кричали кулики,
Шумѣли глухо камыши,
Рядами стаи бѣлыхъ птицъ,
Какъ изваянія гробницъ,
Сидѣли важно на пескѣ;
Виднѣлись горы вдалекѣ,
И синій безконечный лѣсъ
Скрывалъ ту сторону небесъ,
Куда, дневной окончивъ путь,
Уходитъ солнце отдохнуть.

Я страха съ молоду не зналъ,
Считалъ я братьями людей,
И даже скоро пересталъ
Бояться лѣшихъ и чертей.
Однажды няня говоритъ:
"Не бѣгай ночью—волкъ сидитъ
За нашей ригой, а въ саду
Гуляютъ черти на пруду!"
И въ ту же ночь пошелъ я въ садъ.
Не то, чтобъ я чертямъ былъ радъ,
А такъ—хотѣлось видѣть ихъ.
Иду. Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна,
Какъ будто съ умысломъ притихъ
Весь Божій міръ—и наблюдалъ,
Что дерзкій мальчикъ затѣвалъ!
И какъ-то не шагалось мнѣ
Въ всезрящей этой тишинѣ.
Не воротиться ли домой?
А то—какъ черти нападутъ
И потащатъ съ собою въ прудъ,
И жить заставятъ подъ водой?

Однако, я не шелъ назадъ.
Играетъ мѣсяцъ надъ прудомъ
И отражается на немъ
Береговыхъ деревьевъ рядъ.
Я постоялъ на берегу,
Послушалъ—черти ни гу-гу!
Я прудъ три раза обошелъ,
Но чортъ не выплылъ, не пришелъ!
Смотрѣлъ я межъ вѣтвей деревъ
И межъ широкихъ лопуховъ,
Что поросли вдоль береговъ,
Въ водѣ: не спрятался-ли тамъ?
Узнать бы можно по рогамъ.
Нѣтъ никого! Пошелъ я прочь,
Нарочно сдерживая шагъ.
Сошла мнѣ даромъ эта ночь,
Но если-бъ другъ какой иль врагъ
Засѣлъ въ кусту и закричалъ,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова надъ головой,—
Навѣрно-бъ мертвый я упалъ!
Такъ любопытствуя, давилъ
Я страхи ложные въ себѣ,
И въ безполезной той борьбѣ
Не мало силы погубилъ.
За то, добытая съ тѣхъ поръ,
Привычка не искать опоръ
Меня вела своимъ путемъ,
Пока рожденнаго рабомъ
Самолюбивая судьба
Не обратила вновь въ раба!

3.

О, Волга! послѣ многихъ лѣтъ,
Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.
Ужъ я не тотъ, но ты свѣтла
И величава, какъ была.

Кругомъ все та же даль и ширь,
Все тотъ же виденъ монастырь
На острову, среди песковъ,
И даже трепетъ прежнихъ дней
Я ощутилъ въ душѣ моей,
Заслыша звонъ колоколовъ.
Все то же, то же... только нѣтъ
Убитыхъ силъ, прожитыхъ лѣтъ...

Ужъ скоро полдень. Жаръ такой,
Что на пескѣ горятъ слѣды,
Рыбалки дремлютъ надъ водой,
Усѣвшись въ плотные ряды;
Куютъ кузнечики, съ луговъ
Несется крикъ перепеловъ;
Не нарушая тишины
Лѣнивой, медленной волны,
Расшива движется рѣкой.
Приказчикъ, парень молодой,
Смѣясь, за спутницею своей
Бѣжитъ по палубѣ: она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричитъ онъ ей:
"Постой, проказница, ужо
Вотъ догоню!.." Догналъ, поймалъ,—
И поцѣлуй ихъ прозвучалъ
Надъ Волгой вкусно и свѣжо.
Насъ такъ никто не цѣловалъ!
Да въ подрумяненныхъ губахъ
У нашихъ барынь городскихъ
И звуковъ даже нѣтъ такихъ.

Въ какихъ-то розовыхъ мечтахъ
Я позабылся. Сонъ и зной
Уже царили надо мной.
Но вдругъ я стоны услыхалъ
И взоръ мой на берегъ упалъ.
Почти пригнувшись головой

Къ ногамъ, обвитымъ бичевой,
Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
Ползли гурьбою бурлаки,
И былъ невыносимо дикъ
И страшно ясенъ въ тишинѣ
Ихъ мѣрный, похоронный крикъ—
И сердце дрогнуло во мнѣ.

О, Волга!.. колыбель моя!
Любилъ ли кто тебя, какъ я?
Одинъ, по утреннимъ зарямъ,
Когда еще все въ мірѣ спитъ
И алый блескъ едва скользитъ
По темно-голубымъ волнамъ,
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ.
Иду на помощь къ рыбакамъ,
Катаюсь съ ними въ челнокѣ,
Брожу съ ружьемъ по островамъ,
То, какъ играющій звѣрокъ,
Съ высокой кручи на песокъ
Скачусь, то берегомъ рѣки
Бѣгу, бросая камешки,
И пѣсню громкую пою
Про удаль раннюю мою..
Тогда я думать былъ готовъ,
Что не уйду я никогда
Съ песчаныхъ этихъ береговъ.
И не ушелъ бы никуда,
Когда-бъ, о Волга! надъ тобой
Не раздавался этотъ вой!

Давно—давно, въ такой же часъ,
Его услышавъ въ первый разъ,
Я былъ испуганъ, оглушенъ,
Я знать хотѣлъ, что значитъ онъ—
И долго берегомъ рѣки
Бѣжалъ. Устали бурлаки,
Котелъ съ расшивы принесли,

Усѣлись, развели костеръ
И межъ собою повели
Неторопливый разговоръ.
— Когда-то въ Нижній попадемъ?
Одинъ сказалъ:— когда-бъ попасть
Хоть на Илью...—"Авось придемъ",
Другой, съ болѣзненнымъ лицомъ,
Ему отвѣтилъ: — "Эхъ, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянулъ бы лямку, какъ медвѣдь,
А кабы къ утру умереть—
Такъ лучше было бы еще..."
Онъ замолчалъ и навзничь легъ.
Я этихъ словъ понять не могъ
Но тотъ, который ихъ сказалъ,
Угрюмый, тихій и больной,
Съ тѣхъ поръ меня не покидалъ!
Онъ и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенныя черты
И, выражающій укоръ,
Спокойно-безнадежный взоръ...

Безъ шапки, блѣдный, чуть живой,
Лишь поздно вечеромъ домой
Я воротился. Кто тутъ былъ—
У всѣхъ отвѣта я просилъ
На то, что видѣлъ, и во снѣ
О томъ, что разсказали мнѣ,
Я бредилъ. Няню испугалъ:
"Сиди, родименькій, сиди!
Гулять сегодня не ходи!"
Но я на Волгу убѣжалъ.

Богъ вѣсть, что сдѣлалось со мной?
Я не узналъ рѣки родной:
Съ трудомъ ступаетъ на песокъ
Моя нога: онъ такъ глубокъ;

Ужъ не манитъ на острова
Ихъ ярко-свѣжая трава,
Прибрежныхъ птицъ знакомый крикъ
Зловѣщъ, пронзителенъ и дикъ,
И говоръ тѣхъ же милыхъ волнъ
Иною музыкою полнъ!

О, горько, горько я рыдалъ,
Когда въ то утро я стоялъ
На берегу родной рѣки,
И въ первый разъ ее назвалъ
Рѣкою рабства и тоски!..

Что я въ ту пору замышлялъ,
Созвавъ товарищей-дѣтей,
Какія клятвы я давалъ—
Пускай умретъ въ душѣ моей,
Чтобъ кто-нибудь не осмѣялъ!
Но если вы—наивный бредъ,
Обѣты юношескихъ лѣтъ,—
Зачѣмъ же вамъ забвенья нѣтъ,
И вами вызванный упрекъ
Такъ сокрушительно жестокъ?

4.

Унылый, сумрачный бурлакъ!
Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
Такимъ и нынѣ увидалъ:
Все ту же пѣсню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
Въ чертахъ усталаго лица
Все та-жъ покорность безъ конца...
Прочна суровая среда,
Гдѣ поколѣнія людей
Живутъ и гибнутъ безъ слѣда
И безъ урока для дѣтей!
Отецъ твой сорокъ лѣтъ стоналъ,

Бродя по этимъ берегамъ,
И передъ смертію не зналъ,
Что заповѣдать сыновьямъ.
И, какъ ему,—не довелось
Тебѣ наткнуться на вопросъ:
Чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ,
Когда-бъ ты менѣе терпѣлъ?
Какъ онъ, безгласно ты умрешь,
Какъ онъ, безвѣстно пропадешь.
Такъ заметается пескомъ
Твой слѣдъ на этихъ берегахъ,
Гдѣ ты шагаешь подъ ярмомъ
Не краше узника въ цѣпяхъ,
Твердя постылыя слова,
Отъ вѣка тѣ же: "разъ да два!"
Съ болѣзненнымъ привѣтомъ "ой!"
И въ тактъ мотая головой...

КОРОБЕЙНИКИ.

Другу-пріятелю Гаврилѣ Яковлевичу

Крестьянину деревни Шады, Костромской губ.

Какъ съ тобою я похаживалъ
По болотинамъ вдвоемъ,
Ты меня по-часту спрашивалъ:
Что строчишь карандашомъ?

Почитай-ка. Не прославиться,
Угодить тебѣ хочу.
Буду радъ, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочкѣ!
А увидимся опять,

Выпьемъ мы по доброй чарочк,
И отправимся стрѣлять.

23-го августа 1861 г.
Грешнево.

I.

Кумачу я не хочу;
Китайки не надо.
Пѣсня.

"Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы, и парча.
Пожалѣй, моя зазнобушка,
Молодецкаго плеча!
Выди, выди въ рожь высокую!
Тамъ до ночки погожу,
А завижу черноокую—
Всѣ товары разложу.
Цѣны самъ платилъ не малыя,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алыя,
Ближе къ милому садись!"
Вотъ и пала ночь туманная,
Ждетъ удалый молодецъ...
Чу, идетъ—пришла, желанная,
Продаетъ товаръ купецъ.
Катя бережно торгуется,
Все боится передать;
Парень съ дѣвицей цѣлуется,
Проситъ цѣну набавлять.
Знаетъ только ночь глубокая,
Какъ поладили они...
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохвани!

"Ой, легка, легка коробушка,
Плечъ не рѣжетъ ремешокъ!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенекъ.
Далъ ей ситцу штуку цѣлую,
Ленту алую для косъ,
Поясокъ—рубаху бѣлую
Подпоясать въ сѣнокосъ—
Все поклала ненаглядная,
Въ коробъ, кромѣ перстенька:
"Не хочу ходить нарядная
Безъ сердечнаго дружка!"
То-то дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофикъ сладкой водочки?
А подарковъ не взяла!
Такъ постой же! Нерушимое
Обѣщанье даю:
У отца дитя любимое!
Ты попомни рѣчь мою:
Опорожнится коробушка,
На Покровъ домой приду
И тебя, душа-зазнобушка,
Въ Божью церковь поведу!"

Вплоть до вечера дождливаго
Молодецъ бѣжитъ бѣгомъ
И товарища ворчливаго
Нагоняетъ подъ селомъ.
Старый Тихонычъ ругается:
"Я ужъ думалъ, ты пропалъ!"
Ванька только ухмыляется—
Я-де ситцы продавалъ!

II.

Зачали-почали
Поповы дочери.
Припѣвъ деревенскихъ торгашей.

"Эй, Ѳедорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите къ намъ, сударушки,
Выносите пятаки!

Жены мужнія—молодушки
Къ коробейникамъ идутъ,
Красны дѣвушки-лебедушки
Новины свои несутъ.
И старушки важеватыя,
Глядь, туда же приплелись.
"Ситцы есть у насъ богатые,
Есть миткаль, кумачъ и плисъ;
Есть у насъ мыла пахучія—
По двѣ гривны за кусокъ,
Есть румяна нелинючія—
Молодись за пятачекъ!
Видишь, камни самоцвѣтные
Въ перстенькѣ какъ жаръ горятъ!
Есть и любчики завѣтные—
Хоть кого приворожать!"

Начался толки рьяные,
Посреди села базаръ,
Бабы ходятъ словно пьяныя,
Другъ у дружки рвутъ товаръ.
Старый Тихонычъ такъ божится
Изъ-за каждаго гроша,
Что Ванюха только ежится:
"Пропади моя душа!

**) Извѣстныя омдистки.

"Чтобъ тотчасъ же очи лопнули
"Чтобы съ мѣста мнѣ встать!
"Провались я!.." Глядь—и хлопнули
По рукамъ! Ну, исполать!
Не торговецъ—удивленіе!
Какъ божиться то не лѣнь?..

Долго, долго все селеніе
Волновалось въ этотъ день.
Всѣ гроши какіе мѣдные
Были спрятаны въ моткахъ—
Все достали бабы бѣдныя:
Ходятъ въ новенькихъ платкахъ.
Двѣ снохи за ленту пеструю
Расцаралалися въ кровь;
На Θеклушку, бабу вострую,
Раскудахталась свекровь,
А потомъ и коробейниковъ
Поругала баба всласть:
"Принесло же васъ, мошейниковъ!
Вотъ ужъ подлинно напасть!
Вишь, вы жадны, какъ кутейники,
Изъ села бы васъ коломъ!.."

Посмѣялись коробейники
И пошли своимъ путемъ.

III.

Ужъ ты пей до дна, коли хочешь добра,
А не хочешь добра, такъ не пей до дна.
Старинная былина.

За селомъ остановилися,
Подѣлили барыши,
И на церковь покрестилися,
Повздыхали отъ души.

— Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не веселъ? охъ да охъ!
"Въ день теперя не отплюешься,
Какъ еще прощаетъ Богъ:
Осквернилъ уста я ложію—
Не обманешь—не продашь!"
И опять на церковь Божію
Долго крестится торгашъ.
"Кабы въ строку приходилися
Всѣ-то рѣчи продавца,
Всѣ дано бы провалилися
До единаго купца—
Сквозь сырую землю матушку
Провалились бы... эхъ-эхъ!"
— Понагрѣлъ ты Калистратушку.—
"Ну, его нагрѣть не грѣхъ,
Самъ снимаетъ крестъ съ убогаго".
— Рыжій, клиномъ борода.—
"Нашимъ дѣломъ нынче многаго
Не добыть—не тѣ года!
Подошла война проклятая,
Да и больно ужъ лиха:
Гдѣ бы свадебка богатая—
Цапъ въ солдаты жениха!
Врагъ дуритъ—народу горюшко!
Точитъ русскую казну,
Краситъ кровью Черно Морюшко,
Корабли валитъ ко дну.
Переводъ свинцу да олову,
Да удалымъ молодцамъ...
Весь народъ повѣсилъ голову,
Стонъ стоитъ по деревнямъ.
Ой! бабье неугомонное,
Полно взапуски ревѣть!
Причитанье похоронное
Надъ живымъ-то рано пѣть!
Не уймешь ихъ! Какъ отпѣтаго
Парня въ городъ отвезутъ...

Бабы сохнутъ съ горя съ этого,
Мужики въ кабакъ идутъ.
Ты попомни цѣловальника,
Что сказалъ—подлецъ сѣдой!—
— "Выше нѣтъ меня начальника,
Весь народъ—работникъ мой!
Лѣто, осень убиваются,
А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
Имъ не нужно ничего!
Все безсребренники, сватушка:
Самъ не сѣю и не жну,
Что родитъ земля имъ, матушка,
Все несутъ въ мою казну!"—

"Пропилися, подоконники,
Гдѣ ужъ бабъ имъ наряжать!
Въ городъ ѣдутъ, балахонники,
Хотятъ лапти занимать!
"Ой, ты, зеліе кабашное
Да китайскіе чаи,
Да куреніе табашное!
Бродимъ сами не свои.
Съ этимъ пьянствомъ да куреніемъ
Сломишь голову какъ разъ.
Передъ свѣтопреставленіемъ
Знать, война-то началась.
Грянутъ, грянутъ гласы трубные!
Станутъ мертвые вставать!
За дѣла-то душегубныя
Какъ придется отвѣчать?
Вотъ, и мы гнѣвимъ Всевышняго...
— Полно, дядя! Страшно мнѣ!
Ужъ не взять рублишка лишняго
На чужой-то сторонѣ?..

IV.

Ай барыня! барыня!
Пѣсня.

— "Эй вы, купчики-голубчики,
Къ намъ ступайте ночевать!"
Ночевали наши купчики,
Утромъ тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляютъ барыши,
Чѣмъ попало развлекаются
По дорогѣ торгаши.
По рѣкѣ идутъ—съ бурлаками
Разговоры заведутъ:
"Кто васъ спуталъ?" и собаками
Ихъ бурлаки назовутъ.
По дѣломъ вамъ, пересмѣшники,
Лыкомъ шитые кущы!..

Потянулись огурешники:
"Эй! просыпалъ огурцы!"
Ванька вдругъ какъ захихикаетъ
И на стадо показалъ:
Старичонко въ стадѣ прыгаетъ
За савраской,—длиненъ, вялъ,
И на цыпочки становится,
И лукошечкомъ манитъ—
Нѣтъ! проклятый конь не ловится!
Вотъ подходитъ, вотъ стоитъ,
Сунулъ голову въ лукошечко,—
Старичокъ за холку хвать!
— Эй! еще, еще немножечко!—
Нѣтъ! урвался конь опять,
И, подбросивъ ноги заднія,
Брызнулъ грязью въ старика.

— "Знамо, въ стадѣ-то поваднѣе,
Чѣмъ въ косулѣ мужика:
Эхъ, ты, пареный да вяленый!
Гдѣ тебѣ его поймать?
Потерялъ сапогъ-то валяный,
Надо новый покупать!"

Имъ обозики военные
Попадались иногда :
"Погляди-тко: турки плѣнные!
Эка пестрая орда!"
Ванька искоса поглядывалъ
На турецкихъ усачей
И въ свиное ухо складывалъ
Полы свиточки своей:
— "Эй вы, нехристи, табашники,
Карачунъ приходитъ вамъ!.."
Попадались имъ собашники:
Псы носились по кустамъ ,
А охотничекъ покрикивалъ,
Въ роги звонкіе трубилъ,
Чтобы сѣрый зайка спрыгивалъ,
Въ чисто поле выходилъ.
Остановятся съ ребятами:
— Чьи такіе господа?
"Кашпирята съ Зюзенятами..."
— Заяцъ, вонъ, гляди туда!
Всполошилися борзители:
"Ай! а-ту его! а-ту!"
Ну, собачки! Ну, губители!
Подхватили на лету...

Посидѣли на пригорочкѣ,
Закусили какъ-нибудь
(Не разъѣшься черствой корочки)
И опять пустились въ путь.
— Счастье, Тихонычъ, неровное,
Нынче выручка плоха.

"Встрѣлось намъ лицо духовное—
Хуже не было-бъ грѣха.
Хоть душа-то христіанская,
Согрѣшилъ—поджалъ я хвостъ".
— Вотъ усадьбишка дворянская,
Завернемъ?.. "Ты, Ваня, простъ!
Нынче баре деревенскіе
Не живутъ по деревнямъ,
И такія моды женскія
Завелись... куда ужъ намъ!
Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицомъ,
Безволосая, поджарая,
А одѣлась—стогъ стогомъ!
Говорить съ тобой гнушается:
Ты мужикъ, такъ ты нечистъ!
А тобой-то кто прельщается?
Дологъ хвостъ, да не пушистъ!
Ой, ты, барыня спѣсивая!
Ты стыдись глядѣть на свѣтъ!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубовъ, ни груди нѣтъ,
Все подклеено, подвязано!
Городъ есть такой: Парижъ,
Про него не даромъ сказано:
Какъ заѣдешь—угоришь.
По всему по свѣту славится,
Мастеръ по-міру пустить;
Коли носъ тебѣ не нравится,
Могутъ новый наклеить!
Вотъ отъ этихъ-то мошейниковъ,
Что въ томъ городѣ живуъ,
Ничего у коробейниковъ
Нынче баре не берутъ.
Чортъ побралъ бы моду новую!
А, бывало, въ старину
Приведутъ меня въ столовую,
Всѣ товары разверну;

Выдетъ барыня красивая,
Съ настоящею косой,
Важеватая, учтивая,
Дѣтки выбѣгутъ гурьбой,
Дѣвки горничныя, нянюшки,
Слуги высыплютъ къ дверямъ.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерямъ
Все сама, руками бѣлыми,
Отбираетъ, не спѣша,
И беретъ кусками цѣлыми,—
Вотъ такъ барыня-душа!
"Что возьмешь за серьги съ бусами?
Что за алую парчу?
Я тряхну кудрями русыми,
Заломлю—чего хочу!
Навалитъ покупки кучею,
Разочтется—Богъ съ тобой!..

"А то разъ попалъ я къ случаю
За рѣкой за Костромой:
Именины были званные—
Росходился баринокъ!
Слышу, кличутъ гости пьяные:
"Подходи сюда, дружокъ!"
Подбѣгаю къ нимъ скорехонько.
"Что возьмешь за коробъ весь?"
Усмѣхнулся я легохонько:
— Дорогъ будетъ, ваша честь.—
Слово за слово, пріятели
Посмѣялись межъ собой,
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за коробъ мой.
Ужъ тогда товары вынули
Да въ дѣвичій хороводъ
Середи двора и кинули:
"Подбирай, честной народъ!"
Закипѣла свалка знатная...

Вотъ такъ были господа:
Угодилъ домой обратно я
На девятый день тогда!"

V.

— Много ли верстъ до Гогулина?
— Да обходами три но прямо-то шесть.
Крестьянская шутка.

Хорошо было дѣтинушкѣ
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушкѣ
Парня ждать до Покрова.
Часто въ ночку одинокую
Дѣвка часу не спала,
А какъ жала рожь высокую,
Слезы въ три ручья лила!
Извелась бы неутѣшная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спѣшная—
Надо десять дѣлъ кончать.
Какъ ни часто приходилося
Молодицѣ не-втерпежъ,
Подъ косой трава валилася,
Подъ серпомъ горѣла рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрамъ,
Ленъ стлала до темной ноченьки
По росистымъ по лугамъ.
Стелетъ ленъ, а неотвязная
Дума на-сердцѣ лежитъ:
"Какъ другая дѣвка красная
Молодца приворожитъ?
Какъ измѣнитъ? какъ засватаетъ
На чужой на сторонѣ?"
И у дѣвки сердце падаетъ:
"Ты женись, женись на мнѣ!

Ни тебѣ, ни свекру-батюшкѣ
Николи не согрублю,
Отъ свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравомъ-то смирна,
Буду я невѣстка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою:
Силы мнѣ не занимать,
Я за милаго съ охотою
Буду паиеньку пахать.
Ты живи себѣ гуляючи,
За работницей женой,
По базарамъ разъѣзжаючи,
Веселися, пѣсни пой!
А вернешься съ торгу пьяненькій—
Накормлю и уложу!
"Спи, пригожій, спи, румяненькій!"
Больше слова не скажу.
Видитъ Богъ, не осердилась бы!
Обрядила бы коня,
Да къ тебѣ и подвалилась бы:
— "Поцѣлуй, дружокъ, меня"!..
Думы дѣвичьи завѣтныя,
Гдѣ васъ всѣ-то угадать?
Легче камни самоцвѣтные
На днѣ моря сосчитать.
Ужъ овечка опушается,
Чуя близость холодовъ,
Катя пуще разгорается...
Вотъ и праздничекъ Покровъ!
"Ой! пуста, пуста коробушка,
Полонъ денегъ кошелекъ.
Жди-пожди, душа зазнобушка,
Не обманетъ милъ дружокъ!"
Веселъ Ванька. Припѣваючи,
Прямикомъ домой идетъ.

Старый Тихонычъ, зѣваючи,
То и дѣло креститъ ротъ.
Въ эту ночку не уснулося
Ни минуточки ему:
Какъ мошна-то пораздулася,
Такъ, Богъ знаетъ почему,
Все такія мысли страшныя
Забираются въ башку.
Прощалыги ли кабашные
Подзываютъ къ кабаку,
Попадутся ли солдатики—
Коробейникъ самъ не свой:
"Проходите съ Богомъ, братики!"
И ударится рысцой.
Словно пятки-то иголками
Понатыканы—бѣжитъ...

Въ Кострому идутъ проселками,
По болоту путь лежитъ
То качажникомъ, то бродами.
"Эхъ! пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямиками будетъ шесть!
Да въ Трубѣ, въ селѣ, мошейники
Сбили съ толку, мужики:
— Вы подите, коробейники,
Въ Кострому-то напрямки:
Вѣрныхъ сорокъ съ половиною
По нагорной сторонѣ,
А болотной то тропиною
Двадцать восемь.—Вотъ онѣ!
Чортъ попуталъ—мы повѣрили,
А кто версты тутъ считалъ?"
— Бабы ихъ клюкою мѣряли,
Ванька съ важностью сказалъ:
— Не ругайся! Самъ я слыхивалъ:
Тутъ дорога попрямѣй.—
"Дьяволъ, что-ли, понапихивалъ

Этихъ кочекъ да корней?
Доведись пора вечерняя,
Не дойдешь—сойдешь съ ума!
Хороша наша губернія,
Славенъ городъ Кострома,
Да лѣса, лѣса дремучіе,
Да болота къ ней ведутъ,
Да пески, пески сыпучіе"...
—Стой-ка, дядя: чу, идутъ!

VI.

Только молодецъ и живъ бывалъ.
Старинная былина.

Не тростникъ высокъ колышется,
Не дубровушки шумятъ,
Молодецкій посвистъ слышится,
Подъ ногой сучки трещатъ.
Показался песъ въ ошейничкѣ,
Вотъ и добрый молодецъ:
— Путь-дорога, коробейнички!
"Путь-дороженька ,стрѣлецъ!"
— Что ты смотришь?—"Не прохаживалъ
Ты, какъ давеча въ Трубѣ
Про дорогу я разспрашивалъ!"
— Нѣтъ, почудилось тебѣ.
Трои сутки не былъ дома я,
Жить ли дома лѣснику?
— "А кажись, лицо знакомое,"
Шепчетъ Ванька старику.
— Что вы шепчетесь!—"Да каемся,
Лучше-бъ намъ горой идти.
Такъ ли, малый, пробираемся
Въ Кострому?"—Намъ по пути,
Я изъ Шуньи.—"А далеко ли
До деревни до твоей?"
— Верстъ двѣнадцать. А по многу ли

Подѣлили барышей?
"Коли знать всю правду хочется,
Весь товаръ несемъ назадъ".
Лѣсничокъ какъ расхохочется!
— Ты, я вижу, прокуратъ!
Кабы весь, небось, не скоро бы
Шелъ ты, старый воробей!
И лѣсникъ приподнялъ коробы
На плечахъ у торгашей.
— Ой! легохоньки коробушки,
Все повыпродали, знать?
Наклевалися воробушки,
Полетѣли отдыхать!
"Что, дойдемъ въ село до ноченьки?"
— Надо, парень, добрести;
Самъ усталъ я, нѣту моченьки—
Тяжело ружье нести.
Наше дѣло подневольное,
День и ночь броди въ лѣсу...
И съ плеча ружье двухствольное
Снялъ—и держитъ на-вѣсу.
— Эхъ вы, стволики-голубчики!
Больно вы ужъ тяжелы!—
Покосились наши купчики
На тяжелые стволы:
Сколько нитокъ понамотано!
Въ палецъ щели у замковъ...
"Неужели, парень, бьетъ оно?"
— Бьетъ на семьдесятъ шаговъ.
Деревенскій, видно, плотничекъ
Строилъ ложу—тяпъ да ляпъ!—
Да и самъ Христовъ охотничекъ
Ростомъ малъ и съ виду слабъ.
Выше пояса замочена
Одежонка лѣсника,
Борода густая всклочена,
Лычко вмѣсто пояска.
А туда же, песъ въ ошейникѣ,

По прозванію: Упырь...
Посмѣялись коробейники:
"Эхе ты, горе-богатырь!.."

Часъ идутъ, другой. "Далеко ли?"
— Близко.—"Что ты?"—У рѣки
Куропаточки закокали.—
И дѣтина взвелъ курки.
— Ай, курочки! важно щелкнули,
Хоть медвѣдя уложу!
Что вы, други, пріумолкнули?
Запоемъ для куражу?—
Коробейникамъ не пѣлося;
Ужъ темнѣли небеса,
Надъ болотомъ засинѣлася,
Понависнула роса.
"День-деньской и такъ умелешься,
Самъ бы лучше ты запѣлъ...
Что ты?.. Эй! въ кого ты цѣлишься?"
— Такъ, я пробую прицѣлъ...
Дождикъ, что ли, собирается,
Ходятъ по небу бычки,
Вечеръ пуще надвигается,
Прытче идутъ мужички.
Песъ бѣжитъ сторонкой, нюхаетъ,
Поминутно слышитъ дичь.
Чу! ребенкомъ стонетъ сычь.
Поглядѣлъ старикъ украдкою:
Парня словно дрожь беретъ.
"Аль спознался съ лихорадкою!"
— Да ужъ три недѣли бьетъ—
Полѣчи! — А самъ прищурился,
Словно въ Ваньку норовитъ.
Старый Тихонычъ нахмурился:
"Что за шутки!" говоритъ.
"Чѣмъ шутить такія шуточки,
Лучше пѣсни пѣть и впрямь".
Погодите полъ-минуточки —

Затяну лихую вамъ!
Зналъ я старца еле зрячаго,
Онъ весь вѣкъ съ сумой ходилъ
И про странника бродячаго
Пѣсню длинную сложилъ.
Ней отъ старости, ней съ голоду
Онъ въ канавкѣ кончилъ вѣкъ,
А живалъ богато съ молоду,
Былъ хорошій человѣкъ,
Вспоминаютъ обыватели,
Да его попуталъ Богъ:
По ошибкѣ засѣдатели
Упекли его въ острогъ:
Нужно было изъ Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались—изъ Давыдова
Взяли Титушку-ткача!
Ждетъ сердечный: "завтра, ноньче ли
Ворочусь на вольный свѣтъ?"
Наконецъ и дѣло кончили,
А ему рѣшенья нѣтъ.
"Эй, хозяйка! нѣту моченьки,
Ты иди къ судьямъ опять!
Изойдутъ слезами оченьки,
Какъ полотна буду ткать?"
Да не то у Степанидушки
Завелося на умѣ:
Съ той поры ее у Титушки
Не видали ужъ въ тюрьмѣ.
Захворала ли, покинула,—
Титъ не вѣдалъ ничего.
Лѣтъ двѣнадцать этакъ минуло—
Призываютъ въ судъ его.
Предъ зерцаломъ, въ облаченіи,
Молодой судья сидѣлъ;
Прочиталъ ему рѣшеніе,
Росписаться повелѣлъ
И на всѣ четыре стороны

Отпустилъ—ступай къ женѣ!
"А за что вы, черны вороны,
Очи выклевали мнѣ?"
Тутъ и самъ судья покаялся:
— Ты прости, прости любя!
Вправду ты задаромъ маялся,
Позабыли про тебя! —

Титъ—домой. Поля не ораны,
Домъ растасканъ на клочки,
Продала косули, бороны,
И одежу, и станки,
Съ баринкомъ слюбилась женушка,
Убѣжала въ Кострому...
Тутъ родимая сторонушка
Опостылѣла ему.
Плюнулъ! Долго не разгадывалъ,
Безъ дороги въ путь пошелъ;
Шелъ, да пѣсню эту складывалъ,
Самъ съ собою рѣчи велъ.
И говаривалъ старинушка:
"Вся-то пѣсня—два словца,
А запой ее, дѣтинушка,
Не дотянешь до конца:
Эту пѣсенку мудреную,
Тотъ до слова допоетъ,
Кто всю землю, Русь крещенную,
Изъ конца въ конецъ пройдетъ".
Самъ ее, Христовъ угодничекъ,
Не допѣлъ—спитъ вѣчнымъ сномъ...
Ну! подтягивай, охотничекъ,
Да иди ты передомъ!

ПѢСНЯ УБОГАГО СТРАННИКА.

Я лугами иду—вѣтеръ свищетъ въ лугахъ:
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лѣсами иду—звѣри воютъ въ лѣсахъ:
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлѣбами иду—что вы тощи, хлѣба?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькой, съ холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду,
Съ голоду, родименькой, съ голоду!

Я въ деревню: мужикъ! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я въ другую: мужикъ! хорошо ли ѣшь, пьешь?
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Ужъ я въ третью: мужикъ! что ты бабу-то бьешь?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькой, съ холоду!

Я въ четверту: мужикъ что въ кабакъ ты идешь?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду,
Съ голоду, родименькой, съ голоду!

Я опять во луга—вѣтеръ свищетъ въ лугахъ:
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во лѣса—звѣри воютъ въ лѣсахъ;
Голодно, родименькой, голодно!
Голодно, родименькой, олодно!

Я опять во хлѣба,—
Я опять во стада,—
и т. д.

Пѣлъ старикъ, а самъ поглядывалъ:
Поминутно лѣсничокъ
То къ плечу ружье прикладывалъ,
То потрогивалъ курокъ.
На бѣду, ни съ кѣмъ не встрѣтишься!
"Полно пѣть... Эй, молодецъ!
Что отсталъ?.. Въ кого ты мѣтишься?
Что ты дѣлаешь, подлецъ?"
— Трусы, трусы вы великіе!—
И лѣсникъ захохоталъ
(А глаза такіе дикіе!).
"Стыдно!" Тихонычъ сказалъ:
"Какъ не грѣхъ тебѣ захожаго
Человѣка такъ пугать?
А еще хотѣлъ я дешево
Миткалю тебѣ продать!"
Молодецъ не унимается,
Штуки дѣлаетъ ружьемъ,
Воемъ, лаемъ отзывается
Хохотъ глупаго кругомъ.
— Эй! уймись! Чего дурачишься?"
Молвилъ Ванька:—"Я молчу,
А заѣду, такъ наплачешься,
Разомъ скулы сворочу!
Коли ты ужъ съ нами встрѣтился,
Долженъ честью проводить".—
А лѣсникъ опять намѣтился.
— "'Не шути!" — Чаво шутить!—

Коробейники отпрянули
Богъ помилуй—смерть пришла!
Почитай-что разомъ грянули
Два ружейные ствола.
Безъ словечка Ванька валится
Съ крикомъ падаетъ старикъ...

Въ кабакѣ бурлитъ, бахвалится
Тѣмъ же вечеромъ лѣсникъ:
"Пейте, пейте, православные!
Я, ребятушки, богатъ:
Два бекаса нынче славные
Мнѣ попали подъ зарядъ!
Много серебра и золотца ,
Много всякаго добра
Богъ послалъ!" Глядятъ, у молодца
Точно—куча серебра.
Подзадорили дѣтинушку,
Онъ почти всю правду бухъ!
На бѣду его—скотинушку
Тѣмъ болотомъ гналъ пастухъ:
Слышалъ выстрѣлы ружейные,
Слышалъ крики... "Стой! винись!.."
И мірскія, и питейныя
Тотчасъ власти собрались,
Молодцу скрутили рученьки:
"Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!"
— Ихъ-то намъ и покажи!
Поглядѣли: подъ онучами
Денегъ съ тысячу рублей—
Серебро, бумажки кучами.
Утеромъ позвали судей,
Судьи тотчасъ все довѣдали
(Только денегъ не нашли!),
Погребенью мертвыхъ предали,
Лѣсника въ острогъ свезли...

ДѢДУШКА.

I.

Разъ у отца въ кабинетѣ
Саша портретъ увидалъ:
Изображенъ на портретѣ
Былъ молодой генералъ.
"Кто это?" спрашивалъ Саша,
"Кто?"—Это дѣдушка твой—
И отвернулся папаша,
Низко поникъ головой.
"Что же не вижу его я?"
Папа ни слова въ отвѣтъ.
Внукъ, передъ дѣдушкой стоя,
Зорко глядитъ на портретъ:
"Папа, чего ты вздыхаешь?
Умеръ онъ... живъ? говори!"
— Выростешь, Саша, узнаешь.
"То-то... ты скажешь, смотри!.."

II.

"Дѣдушку знаешь, мамаша?"
Матери сынъ говоритъ.
"Знаю"—и за руку Саша
Маму къ портрету тащитъ.
Мама идетъ противъ воли...
"Ты мнѣ скажи про него,
Мама! недобрый онъ, что ли,
Что я не вижу его?
Ну, дорогая! ну, сдѣлай
Милость, скажи что-нибудь!"
— Нѣтъ, онъ и добрый, и смѣлый,
Только несчастный.—На грудь
Голову скрыла мамаша,

Тяжко вздыхаетъ, дрожитъ—
И зарыдала... А Саша
Зорко на дѣда глядитъ.
"Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать?"
— Выростешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдемъ-ка гулять...

III.

Въ домѣ тревога большая,
Счастливы, свѣтлы лицомъ,
Заново домъ убирая,
Шепчутся мама съ отцомъ.
Какъ весела ихъ бесѣда!
Сынъ подмѣчаетъ, молчитъ.
— Скоро увидишь ты дѣда!
Сашѣ отецъ говоритъ...
Дѣдушкой только и бредитъ
Саша,—не можетъ уснуть:
"Что же онъ долго не ѣдетъ?"
— Другъ мой! Далекъ ему путь!
Саша тоскливо вздыхаетъ,
Думаетъ: "Что за отвѣтъ!"
Вотъ, наконецъ, пріѣзжаетъ
Этотъ таинственный дѣдъ.

IV.

Всѣ, ужъ давно поджидая,
Встрѣтили стараго вдругъ...
Благословилъ онъ, рыдая,
Домъ, и семейство, и слугъ,
Пыль отряхнулъ у порога,
Съ шеи торжественно снялъ
Образъ распятаго Бога
И, покрестившись, сказалъ:
"Днесь я со всѣмъ примирился,

Что потерпѣлъ на вѣку!..”
Сынъ предъ отцомъ преклонился,
Ноги омылъ старику;
Бѣлыя кудри чесала
Дѣдушкѣ Сашина мать,
Гладила ихъ, цѣловала,
Сашу звала цѣловать!
Правой рукою мамашу
Дѣдъ обхватилъ, а другой
Гладилъ румянаго Сашу:
— Экой красавчикъ какой!
Дѣдушку пристальнымъ взглядомъ
Саша разсматривалъ,--вдругъ
Слезы у мальчика градомъ
Хлынули, къ дѣдушкѣ внукъ
Кинулся: “Дѣдушка! гдѣ ты
Жилъ-пропадалъ столько лѣтъ?
Гдѣ же твои эполеты,
Что не въ мундиръ ты одѣтъ?
Что на ногѣ ты скрываешь?
Ранена, что ли рука?..”
— Выростешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцѣлуй старика!..

V.

Повеселѣлъ, оживился,
Радостью дышетъ весь домъ.
Съ дѣдушкой Саша сдружился,
Вѣчно гуляютъ вдвоемъ;
Ходятъ лугами, лѣсами,
Рвутъ васильки среди нивъ.
Дѣдушка древенъ годами,
Но еще бодръ и красивъ;
Зубы у дѣдушки цѣлы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и бѣлы,
Какъ серебро борода;

Строенъ, высокаго роста,
Но какъ младенецъ глядитъ,
Какъ-то апостольски-просто,
Ровно всегда говоритъ...

VI.

Выйдутъ на берегъ покатый
Къ русской великой рѣкѣ—
Свищетъ куликъ вороватый,
Тысячи лапъ на пескѣ;
Барку ведутъ бичевою,
Чу, бурлаковъ голоса!
Ровная гладь за рѣкою—
Нивы, покосы, лѣса.
Легкой прохладою дуетъ
Съ медленныхъ, дремлющихъ водъ...
Дѣдушка землю цѣлуетъ,
Плачетъ—и тихо поетъ...
"Дѣдушка! что ты роняешь
Крупныя слезы, какъ градъ?.."
— Выростешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься—я радъ...

VII.

— Радъ я, что вижу картину,
Милую съ дѣтства глазамъ.
Глянь-ка на эту равнину—
И полюби ее самъ!
Двѣ-три усадьбы дворянскихъ,
Какъ на ладони на ней!
У лѣсу стадо пасется—
Жаль, что скотинка мелка;
Пѣсенка гдѣ-то поется—
Жаль—неисходно горька!
Ропотъ: "подайте же руку
Бѣднымъ крестьянамъ скорѣй!"

Тысячелѣтнюю муку,
Саша, ты слышишь ли въ ней?..
Надо, чтобъ были здоровы
Овцы и лошади ихъ,
Надо, чтобъ были коровы
Толще московскихъ купчихъ,—
Будетъ и въ пѣснѣ отрада,
Вмѣсто унынья и мукъ.
Надо ли?—"Дѣдушка, надо!"
— То-то! попомни же, внукъ!..

VIII.

Озими пышному всходу,
Каждому цвѣтику радъ,
Дѣдушка хвалитъ природу ,
Гладитъ крестьянскихъ ребятъ.
Первое дѣло у дѣда
Потолковать съ мужикомъ.
Тянется долго бесѣда,
Дѣдушка скажетъ потомъ:
"Скоро вамъ будетъ не трудно,
Будете вольный народъ!"
И улыбнется такъ чудно,
Радостью весь расцвѣтетъ.
Радость его раздѣляя,
Прыгало сердце у всѣхъ.
То-то улыбка святая!
То-то плѣнительный смѣхъ!

IX.

— Скоро дадутъ имъ свободу,
Внуку старикъ замѣчалъ:
— Только и нужно народу.
Чудо я, Саша, видалъ:
Горсточку русскихъ сослали
Въ страшную глушь, за расколъ;

Волю да землю имъ дали;
Годъ незамѣтно прошелъ—
Ѣдутъ туда комиссары,
Глядь—ужъ деревня стоитъ,
Риги, сараи, амбары!
Въ кузницѣ молотъ стучитъ,
Мельницу выстроятъ скоро,
Ужъ запаслись мужики
Звѣремъ изъ темнаго бора,
Рыбой изъ вольной рѣки.
Нновь черезъ годъ побывали,—
Новое чудо нашли:
Жители хлѣбъ собирали
Съ прежде безплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы,
Гуси кричатъ, поросята
Тычутъ въ корыто носы...

X.

Такъ постепенно въ полвѣка
Выросъ огромный посадъ—
Воля и трудъ человѣка
Дивныя дивы творятъ!
Все принялось, раздобрѣло!
Сколько тамъ, Саша, свиней,
Передъ селеніемъ бѣло
На полверсты отъ гусей,
Какъ тамъ воздѣланы нивы,
Какъ тамъ обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно—ведется копѣйка!
Бабу тамъ холитъ мужикъ:
Въ праздникъ на ней душегрѣйка—
Изъ соболей воротникъ!

XI.

Дѣти до возраста въ нѣгѣ,
Конь—хоть сейчасъ на заводъ,
Въ кованой, прочной телѣгѣ
Сотню пудовъ увезетъ...
Сыты тамъ кони-то, сыты,
Каждый тамъ сыто живетъ,
Тесомъ тамъ избы-то крыты,
Ну, ужъ за то и народъ!
Взросшіе въ нравахъ суровыхъ,
Сами творятъ они судъ,
Рекрутовъ ставятъ здоровыхъ,
Трезво и честно живутъ,
Подати платятъ до срока,
Только ты имъ не мѣшай.
'Гдѣ-жъ та деревня?"—Далеко,
Имя ей: Тарбагатай,
Страшная глушь; за Байкаломъ...
Такъ-то, голубчикъ ты мой!
Ты еще въ возрастѣ маломъ,
Вспомнишь, какъ будешь большой...

XII.

— Ну... а покуда подумай,
То ли ты видишь кругомъ:
Вотъ онъ, нашъ пахарь угрюмый,
Съ темнымъ, убитымъ лицомъ:
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянетъ косулю клячонка,
Съ голоду еле жива!
Голоденъ труженикъ вѣчный,
Голоденъ тоже, божусь!
— "Эй! отдохни-ка, сердечный!
Я за тебя потружусь!"

Глянулъ крестьянинъ съ испугомъ,
Барину плугъ уступилъ;
Дѣдушка долго за плугомъ,
Потъ отирая, ходилъ;
Саша за нимъ торопился,
Не успѣвалъ догонять:
"Дѣдушка, гдѣ научился
Ты такъ отлично пахать?
Точно мужикъ, управляешь
Плугомъ, а былъ генералъ!"
— Выростешь, Саша, узнаешь,
Какъ я работникомъ сталъ!

XIII.

— Зрѣлище бѣдствій народныхъ
Невыносимо, мой другъ;
Счастье умовъ благородныхъ—
Видѣть довольство вокругъ.
Нынѣче полегче народу:
Стихъ, притаился въ тѣни
Баринъ, прослышавъ свободу...
Ну, а какъ въ наши-то дни!

. . . . . .

Словно какъ омутъ, усадьбу
Каждый мужикъ объѣзжалъ.
Помню ужасную свадьбу:
Попъ уже кольца мѣнялъ,
Да не бѣду помолиться
Въ церковь помѣщикъ зашелъ!
"Кто имъ позволилъ жениться?"
"Стой!" и къ попу подошелъ...
Остановилось вѣнчанье!
Съ бариномъ шутка плоха—
Отдалъ наглецъ приказанье
Въ рекруты сдать жениха,
Въ дѣвичью—бѣдную Грушу!

И не перечилъ никто!..
Кто же имѣющій душу
Могъ это вынести?... кто?..

XIV.

— Впрочемъ, не то еще было!
И не одни господа,—
Сокъ изъ народа давила
Подлыхъ подъячихъ орда.
Что ни чиновникъ—стяжатель,
Съ цѣлью добычи въ походъ
Вышелъ... а кто непріятель?
Войско, казна и народъ!
Всѣмъ доставалось исправно;
Стачка, порука кругомъ:
Смѣлые грабили явно,
Трусы тащили тайкомъ.
Непроницаемой ночи
Мракъ надъ страною висѣлъ...
Видѣлъ—имѣющій очи
И за отчизну болѣлъ.
Стоны рабовъ заглушая
Лестью да свистомъ бичей,
Хищниковъ алчная стая
Гибель готовила ей...

XV.

"Солнце не вѣчно сіяетъ,
Счастье не вѣчно везетъ:
Каждой странѣ наступаетъ
Рано иль поздно чередъ,
Гдѣ не покорность тупая—
Дружная сила нужна;
Грянетъ бѣда роковая—
Скажется мигомъ страна.
Единодушье и разумъ
Всюду дадутъ торжество,

Да не придутъ они разомъ,
Вдругъ не создашь ничего,—
Краснорѣчивымъ воззваньемъ
Не разогрѣешь рабовъ,
Не озаришь пониманьемъ
Темныхъ и грубыхъ умовъ.
Поздно! народъ угнетенный
Глухъ передъ общей бѣдой.
Горе странѣ разоренной!
Горе странѣ отсталой!..
Войско одно—не защита,
Да вѣдь и войско, дитя,
Было въ то время забито,
Лямку тянуло крехтя...”

XVI.

Дѣдушка кстати солдата
Встрѣтилъ, виномъ угостилъ,
Поцѣловавши, какъ брата,
Ласково съ нимъ говорилъ:
„Нынче вамъ служба не бремя—
Кротко начальство теперь...
Ну, а какъ въ наше-то время!
Кто ни начальникъ, то звѣрь!
Душу вколачивать въ пятки
Правиломъ было тогда.
Какъ ни трудись, недостатки
Сыщетъ начальникъ всегда:
“Есть въ маршировкѣ старанье,
Стойка исправна совсѣмъ,
Только замѣтно дыханье...”
Слышишь ли?.. дышутъ зачѣмъ!

XVII.

“А недоволенъ парадомъ,—
Ругань польется рѣкой,

Зубы посыплются градомъ,
Поретъ, гоняетъ сквозь строй!
Съ пѣною у рта обрыщетъ
Весь перепуганный полкъ,
Жертвъ покрупнѣе пріищетъ
Остервенившійся волкъ:
"Франтики! подлыя души!
Подъ карауломъ сгною!"
Слушалъ—имѣющій уши,
Думушку думалъ свою.
Брань пострашнѣй караула,
Пуль и картечи страшнѣй...
Кто же, въ комъ честь не уснула,
Кто примирился бы съ ней?.."
"Дѣдушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?.. скажи!"
— Выростешь, Саша, узнаешь.
Честью всегда дорожи...

XVIII.

Дѣдъ замолчалъ и уныло
Голову свѣсилъ на грудь.
— Мало ли, другъ мой, что было!..
Лучше пойдемъ отдохнуть.
Отдыхъ не дологъ у дѣда—
Жить онъ не могъ безъ труда:
Гряды копалъ до обѣда,
Переплеталъ иногда,
Вечеромъ шиломъ, иголкой
Что-нибудь бойко тачалъ,
Пѣсней печальной и долгой
Дѣдушка трудъ сокращалъ.
Внукъ не проронитъ ни звука.
Не отойдетъ отъ стола:
Новой загадкой для внука
Дѣдова пѣсня была...

XIX.

Пѣлъ онъ о славномъ походѣ
И о великой борьбѣ;
Пѣлъ о свободномъ народѣ
И о народѣ рабѣ;
Пѣлъ о пустыняхъ безлюдныхъ
И о желѣзныхъ цѣпяхъ;
Пѣлъ о красавицахъ чудныхъ
Съ ангельской лаской въ очахъ;
Пѣлъ онъ объ ихъ увяданьи
Въ дикой, далекой глуши,
И о чудесномъ вліяньи
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дѣдушка пѣлъ—и вздыхалъ,
Пѣлъ—и тоской вавилонской
Келью свою оглашалъ...
"Дѣдушка, дальше!.. А гдѣ ты
Пѣсенку вызналъ свою?
Ты повтори мнѣ куплеты—
Я ихъ мамашѣ спою.
Тѣ имена поминаешь
Ты иногда по ночамъ..."
— Выростешь, Саша, узнаешь—
Все разскажу тебѣ самъ:
Гдѣ научился я пѣнью,
Съ кѣмъ и когда я пѣвалъ...
"Ну! пріучусь я къ терпѣнью!"
Саша уныло сказалъ...

XX.

Часто катался лѣтомъ
Наши друзья въ челнокѣ.
Съ громкимъ веселымъ привѣтомъ
Дѣдъ приближался къ рѣкѣ;

— Здравствуй, красавица-Волга!
Съ дѣтства тебя я любилъ.—
"Гдѣ-жъ пропадалъ ты такъ, долго?"
Саша несмѣло спросилъ.
— Былъ я далеко, далеко...
"Гдѣ же?.." Задумался дѣдъ.
Мальчикъ вздыхаетъ глубоко,
Вѣчный предвидя отвѣтъ.
Что-жъ, хорошо ли тамъ было!"
Дѣдъ на ребенка глядитъ.
— Лучше не спрашивай, милый!
(Голосъ у дѣда дрожитъ):
— Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумертвая сплошь.
Трудно, голубчикъ мой, трудно!
По году вѣсточки ждешь,
Видишь, какъ тратятся силы—
Лучшіе божьи дары;
Близкимъ копаешь могилы,
Ждешь и своей до поры...
Медленно-медленно таешь...
"Что-жъ ты тамъ, дѣдушка, жилъ?"..
— Выростешь, Саша, узнаешь!—
Саша слезу уронилъ...

XXI.

"Господи! слушать наскучитъ:
Выростешь! мать говоритъ,
Папочка любитъ, а мучитъ:
Выростешь—то же твердитъ!
То же и дѣдушка... Полно!
Я уже выросъ—смотри!.."
(Сталъ на скамеечку чолна),
"Лучше теперь говори!.."
Дѣда цѣлуетъ и гладитъ:
"Или вы всѣ за-одно?.."
Дѣдушка съ сердцемъ не сладитъ:

Бьется, какъ голубь, оно.
"Дѣдушка, слышишь? хочу я
Все непремѣнно узнать!"
Дѣдушка, внука цѣлуя,
Шепчетъ: —Тебѣ не понять.
Надо учиться, мой милый!
Все разскажу, погоди!
Пособерись-ка ты съ силой,
Зорче кругомъ погляди.
Умникъ ты, Саша, а все же
Надо исторію знать
И географію тоже.—
"Долго ли, дѣдушка, ждать?"
— Годикъ, другой, какъ случится.—
Саша къ мамашѣ бѣжитъ:
"Мама! хочу я учиться!"
Издали громко кричитъ.

XXII.

Время проходитъ. Исправно
Учится мальчикъ всему—
Знаетъ исторію славно
(Лѣтъ уже десять ему),
Бойко на картѣ покажетъ
И Петербургъ, и Читу,
Лучше большого разскажетъ
Многое въ русскомъ быту.
Глупыхъ и злыхъ ненавидитъ,
Бѣднымъ желаетъ добра,
Помнитъ, что слышитъ и видитъ...
Дѣдъ примѣчаетъ: пора!
Самъ же онъ часто хвораетъ,
Сталъ ему нуженъ костыль...
Скоро ужъ, скоро узнаетъ
Саша печальную быль...

МАТЬ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ.

Е. О. Лихачевой.

I.

Въ насмѣшливомъ и дерзкомъ нашемъ вѣкѣ
Великое, святое слово: мать —
Не пробуждаетъ чувства въ человѣкѣ;
Но я привыкъ обычай презирать.
Я не боюсь насмѣшливости модной.
Такую музу мнѣ дала судьба:
Она поетъ по прихоти свободной,
Или молчитъ, какъ гордая раба.
Я много лѣтъ среди трудовъ и лѣни
Съ постыднымъ малодушьемъ убѣгалъ
Плѣнительной, многострадальной тѣни,
Для памяти священной... Часъ насталъ!..
Міръ любитъ блескъ, гремушки и литавры;
Удѣлъ толпы—не узнавать друзей;
Она несетъ хвалы, вѣнцы и лавры
Лишь тѣмъ, чей бичъ хлесталъ ее больнѣй;
Вѣнецъ толпой немыслящею свитый
Ожжетъ чело страдалицы забытой—
Я не ищу ей поздняго вѣнца.
Но я хочу, чтобъ свѣтъ души высокой
Сіялъ для васъ, средь полночи глубокой,
Подобно ей несчастныя сердца!..

Быть можетъ, я преступно поступаю,
Тревожа сонъ твой, мать моя? прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю,
Къ свободѣ ей заказаны пути;
Позорный плѣнъ, весь ужасъ женской доли,
Ей для борьбы оставилъ мало силъ,

Но ты ей дашь урокъ желѣзной воли...
Благослови, родная: часъ пробилъ!
Въ груди кипятъ рыдающіе звуки,
Пора, пора имъ ввѣрить мысль мою!
Твою любовь, твои святыя муки,
Твою борьбу—подвижница, пою!..

II.

Я отрокомъ покинулъ отчій домъ
(За славой я въ столицу торопился).
Въ шестнадцать лѣтъ я жилъ своимъ трудомъ
И между тѣмъ урывками учился.
Лѣтъ двадцати, съ усталой головой,
Ни живъ, ни мертвъ (я голодалъ по-долгу),
Но горделивъ — пріѣхалъ я домой.
Я посѣтилъ деревню, нивы, Волгу—

Всѣ тѣ же вы—и нивы, и народъ...
И та же все—рѣка моя родная...
Замѣтилъ я новинку. пароходъ!
Но лишь на мигъ мелькнула жизнь живая.
Кипѣла ты—зубчатымъ колесомъ
Прорытая—дорога водяная,
А берега дремали крѣпкимъ сномъ.
Дремало все: расшивы, коноводки,
Дремалъ бурлакъ на днѣ завозной лодки...
Проснется онъ—и Волга оживетъ!
Я дождался тягучихъ. мѣрныхъ звуковъ...
Приду-ль сюда еще послушать внуковъ,
Гдѣ слышу васъ, отцы и сыновья?
Ужъ не на то-ль дана мнѣ жизнь моя?

Охваченъ вдругъ дремотою и лѣнью,
Въ полдневный зной вошелъ я въ старый садъ;
Въ немъ семь ключей сверкаютъ и гремятъ.
Внимая ихъ порывистому пѣнью,
Вершины липъ таинственно шумятъ.

Я ихъ люблю: подъ ихъ зеленой сѣнью,
Тиха какъ ночь, и легкая, какъ тѣнь,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

У той плиты, гдѣ ты лежишь, родная,
Припомнилъ я, волнуясь и мечтая,
Что могъ еще увидѣться съ тобой,
И опоздалъ! и жизни трудовой
Я преданъ былъ, и страсти, и невзгодамъ,
Захлестнутъ былъ я невскою волной...
Я радъ, что ты не подъ семейнымъ сводомъ
Погребена—тамъ душно, солнца нѣтъ;
Не будетъ тамъ лежать и твой поэтъ...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

И наконецъ вошелъ я въ старый домъ.
Въ немъ новый полъ, въ немъ новые порядки;
Но мало я яаботился о томъ.
Я разобралъ, хранимые отцомъ,
Твоихъ работъ, твоихъ бумагъ остатки
И надъ однимъ задумался письмомъ.
Оно съ гербомъ, оно съ бордюромъ узкимъ,
Исписанъ листъ то польскимъ, то французскимъ
Порывистымъ и странным языкомъ.
Припоминалъ я что-то долго, смутно:
Ужъ не его-ль, вздыхая поминутно,
Читала ты въ младенчествѣ моемъ
Одна, въ саду? Не зная ни о чемъ,
Я въ немъ тогда источникъ горя видѣлъ
Моей родной,—я сжечь его былъ радъ,
И я теперь его возненавидѣлъ.
Глухая ночь! Иду поспѣшно въ садъ...
Ищу ее, обнять желаю страстно...
Гдѣ ты? прими сыновній мой привѣтъ!
Но вторитъ мнѣ лишь это безучастно...
Я зарыдалъ; увы! ея ужъ нѣтъ!

Луна взошла и садъ осеребрила.
Подъ сводомъ липъ недвижно я стоялъ,
Которыхъ сѣнь родная такъ любила.
Я ждалъ ее — и не напрасно ждалъ...
Она идетъ; то медленны, то скоры
Ея шаги, письмо въ ея рукѣ...
Она идетъ... Внимательные взоры
По немъ скользятъ въ тревогѣ и тоскѣ.
"Ты вновь со мной..." невольно восклицаю,
"Ты вновь со мной..." кружися голова...
Чу, тихій плачъ, чу, шопотъ! Я внимаю —
Слова письма — знакомыя слова!

III.

ПИСЬМО.

Варшава, 1824 годъ.

"Какую ночь я нынче провела!
О, дочь моя! что сдѣлала ты съ нами?
Кому, кому судьбу ты отдала?
Какой странѣ родную предпочла?
Приснилось мнѣ: затравленная псами,
Занесена ты русскими снѣгами.
Была зима, была глухая ночь,
Пылалъ костеръ, зажженный дикарями
И у костра, съ закрытыми глазами,
Лежала ты, моя родная дочь!

Дремучій лѣсъ, чернѣя полукругомъ,
Ревѣлъ, какъ звѣрь... ночь долгая была,
Стонала ты, какъ стонетъ рабъ за плугомъ.
И, наконецъ, застыла—умерла!..

О, сколько сновъ... о, сколько мыслей черныхъ:
Я знаю, Богъ караетъ непокорныхъ,
Я вѣрю снамъ, и плачу, какъ дитя...

Позоръ, позоръ! мы—басней всей Варшавы!
Ты, чьей руки М. М. искалъ, какъ славы,
Въ кого Н. Н. влюбился не шутя,
Ты увлеклась армейскимъ офицеромъ!
Ты увлеклась красивымъ дикаремъ!
Не спорю, онъ приличенъ по манерамъ,
Природный умъ я замѣчала въ немъ;
Но нравъ его, привычки, воспитанье...
Умѣетъ ли онъ имя подписать?
Прости! Кипитъ въ груди негодованье —
Я не могу, я не должна молчать!

. . . . . .

Твоей красѣ (сурова тамъ природа)
Ужъ никогда вполнѣ не разцвѣсти;
Твоей косы не станетъ на полгода;
Тамъ свой девизъ: "любить и бить"... прости.

. . . . . .

Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
Съ несчастныхъ бабъ; сосѣди — дикари,
А жены ихъ — безграмотныя дуры...
Сегодня пиръ... псари, псари, псари!
Пой, дочь моя! средь самаго разгара
Твоихъ руладъ, не выдержавъ удара,
Валится рабъ... Засмѣйся! всѣмъ смѣшно...

. . . . . .

. . . . . .

Въ послѣдній разъ, какъ мать, тебя цѣлую—
Я поощрять бѣглянку не должна;
Рѣшай сама, бери судьбу любую:
Вернись въ семью, будь родинѣ вѣрна —
Или, отцомъ на вѣки проклятая
И навсегда потерянная мной,
Останься тамъ — отступницею края
И москаля презрѣнною рабой".

. . . . . .

Очнулся я. Ключи немолчные гремѣли
И птички раннія на старыхъ липахъ пѣли,

Въ рукѣ моей письмо... но нѣтъ моей родной!
Смятенный, я поникъ уныло головой.
Природа чуткимъ сномъ была еще объята,
Луна глядѣла въ прудъ; на стеблѣ роковомъ
Стояли лопухи недвижно надъ прудомъ.
Такъ узники глядятъ изъ оконъ каземата.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Я книги перебралъ, которыя съ собой
Родная привезла когда-то издалека,
Замѣтки на поляхъ случайныя читалъ:
Въ нихъ жилъ пытливый умъ, вникающій глубоко.
И снова плакалъ я, и думалъ надъ письмомъ,
И вновь его прочелъ внимательно съ начала,
И кроткая душа, терзаемая въ немъ,
Впервые предо мной въ красѣ своей предстала...
И неразлучною осталась ты съ тѣхъ поръ,
О, мать-страдалица! съ своимъ печальнымъ сыномъ!
Тебя, твоихъ слѣдовъ искалъ повсюду взоръ,
Досугъ мой преданъ былъ прошедшаго картинамъ.

Та блѣдная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшаго огня
Въ младенчествѣ я сиживалъ съ тобою,
Мнѣ въ сумерки мерещилась порою,
И голосъ твой мнѣ слышался въ потьмахъ,
Исполненный мелодіи и ласки,
Которымъ ты мнѣ сказывала сказки
О рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ.

Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:
То образы изъ ихъ живого міра
Въ моемъ умѣ напечатлѣла ты.
И сталъ я понимать, гдѣ мысль моя блуждала,
Гдѣ ты душой, страдалица, жила,

Когда кругомъ насилье ликовало,
И стая псовъ на псарнѣ завывала,
И вьюга въ окна била и мела...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Незримой лѣстницей съ недавнихъ юныхъ дней
Я къ дѣтству нисходилъ, ту жизнь припоминая,
Когда еще была ты нянею моей
И ангеломъ-хранителемъ, родная.

Въ иномъ краю, не менѣе несчастномъ,
Но менѣе суровомъ, рождена,
На сѣверѣ угрюмомъ и ненастномъ
Въ осьмнадцать лѣтъ ужъ ты была одна.
Тотъ разлюбилъ, кому судьба вручила,
Съ кѣмъ въ чуждый край довѣрчиво пошла;
Ужъ онъ не твой; но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Ты на письмо молчаньемъ отвѣчала,
Своимъ путемъ безстрашно ты пошла.
. . . . . .
. . . . . .
Гремѣлъ рояль и голосъ твой печальный
Звучалъ, какъ вопль души многострадальной,
Но ты была ровна и весела:
"Несчастна я, терзаемая другомъ,
Но предъ тобой, о, женщина-раба!

Передъ рабомъ, согнувшимся надъ плугомъ,
Моя судьба — завидная судьба!
Несчастна ты, о родина! я знаю:
Весь край въ крови, весь заревомъ объятъ...
Но край, гдѣ я люблю и умираю,
Несчастнѣе, несчастнѣе стократъ!.."

Хаосъ! мечусь въ безпамятствѣ, въ бреду!
Хаосъ! едва мерцаетъ умъ поэта,
Но юности священнаго обѣта
Не совершивъ! въ могилу не сойду!
Поймутъ иль нѣтъ, но будетъ пѣсня спѣта.

Я опоздалъ; я медленно и ровно
Завѣтный трудъ не въ силахъ совершить;
Но я дерзну въ картинѣ малословной
Твою судьбу, родная, совмѣстить.

И я смогу!.. Поможетъ мнѣ искусство,
Поможетъ смерть — я скоро нуженъ ей...
Мала слеза — но въ ней избытокъ чувства;
Что океанъ безбрежный передъ ней!..
. . . . . .

Такъ двадцать лѣтъ подвижничества цѣпи
Влачила ты! пока твой часъ пробилъ.
И не вотще среди безводной степи
Струился ключъ — онъ жаждущихъ поилъ.
И не вотще любовь твоя сіяла:
Какъ въ небесахъ ни много черныхъ тучъ,
Но если ночь сдаваться утру стала,
Все-жъ, наконецъ, проглянетъ солнца лучъ!

И вспыхнулъ день! Онъ твой: ты, побѣдила!
Уногъ твоихъ — дѣтей твоихъ отецъ.
Семья давно вины твои простила,
Лобзаетъ рабъ терновый твой вѣнецъ...

Но... двадцать лѣтъ!.. Какъ сладко, умирая,
Вздохнула ты... Какъ тихо умерла!
О, сколько силъ явила ты, родная!
Какимъ путемъ къ побѣдѣ ты пришла!..

Душа твоя — горитъ алмазомъ,
Раздробленнымъ на тысячи крупицъ
Въ величьѣ дѣлъ, неуловимыхъ глазомъ.
Я понялъ ихъ — я палъ предъ ними ницъ,
Я ихъ пою (даруй мнѣ силы, небо!..)
Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлѣба,
Ты не могла свободы дать рабу.

Но лишній разъ не сжало чувство страха
Его души — ты то дала рабамъ —
Но лишній разъ изъ трепета и праха
Онъ поднялъ взоръ бодрѣе къ небесамъ...
Быть можетъ, даръ бѣднѣе капли въ морѣ,
Но — двадцать лѣтъ! Но тысячамъ сердецъ,
Чьей идеалъ — убавленное горе,
Границы зла открыты наконецъ!

Твой властелинъ наслѣдственные нравы
То покидалъ, то бурно проявлялъ;
Но ели сонъ въ безумныя забавы,
Въ недобрый часъ, дѣтей не посвящалъ;
Но ели онъ разнузданной свободы
До роковой черты не доводилъ,—
На стражѣ ты надъ нимъ стояла годы,
Покуда мракъ въ душѣ его царилъ...
И если я легко стряхнулъ съ годами
Съ души моей тлетворные слѣды
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невѣжествомъ среды,
И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемыя мною,

Живой любви глубокія черты—
О, мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!
И счастливъ я! ужъ ты ушла изъ міра,
Но будешь жить ты въ памяти людской,
Пока въ ней жить моя способна лира.
Пройдутъ года — поклонникъ вѣрный мой
Ей посвятитъ досугъ уединенный,
Прочтетъ разсказъ и о твоей судьбѣ;
И посѣтивъ поэта прахъ забвенный,
Вздохнувъ о немъ, вздохнетъ и о тебѣ.

9 февраля 1877.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

Морозъ Красный Носъ

МОРОЗЪ КРАСНЫЙ-НОСЪ.

Посвящаю

моей сестрѣ

АННѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

Ты опять упрекнула меня,
Что я съ музой моей раздружился,
Что заботамъ текущаго дня
И забавамъ его подчинился.
Для житейскихъ разсчетовъ и чаръ
Не разстался-бы съ музой моею;
Но, Богъ вѣсть, не погасъ ли тотъ даръ,
Что, бывало, дружилъ меня съ нею?
Но не братъ еще людямъ поэтъ,
И тернистъ его путь, и непроченъ,
Я умѣлъ не бояться клеветъ,
Не былъ ими я самъ озабоченъ;
Но я зналъ, чье во мракѣ ночномъ
Надрывалося сердце съ печали
И на чью онѣ грудь упадали свинцомъ,
И кому онѣ жизнь отравляли.
И пускай онѣ мимо прошли
Надо мною ходившія грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрѣлу отвели...
Да и время ушло,—я усталъ...
Пусть я не былъ бойцомъ безъ упрека,
Но я силы въ себѣ сознавалъ,
Я во многое вѣрилъ глубоко,
А теперь—мнѣ пора умирать...
Не за тѣмъ же пускаться въ дорогу,
Чтобы въ любящемъ сердцѣ опять
Пробудить роковую тревогу.

Присмирѣвшую музу мою
Я и самъ неохотно ласкаю...
Я послѣднюю пѣсню пою
Для тебя—и тебѣ посвящаю.
Но не будетъ она веселѣй,
Будетъ много печальнѣе прежней,
Потому что на сердцѣ темнѣй
И въ грядущемъ еще безнадежнѣй.
Буря воетъ въ саду, буря ломится въ домъ,
Я боюсь, чтобъ она не сломила
Старый дубъ, что посаженъ отцомъ,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
Съ нашей участью странно связала,
На которой поблекли листы
Въ ночь, какъ бѣдная мать умирала...

И дрожитъ, и пестрѣетъ окно...
Чу! какъ крупныя градины скачутъ!
Милый другъ, поняла ты давно—
Здѣсь одни только камни не плачутъ.
. . . . . .

Часть первая.

СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА.

I.

Савраска увязъ въ половинѣ сугроба—
Двѣ пары промерзлыхъ лаптей
Да уголъ рогожей покрытаго гроба
Торчатъ изъ убогихъ дровней.

Старуха въ большихъ рукавицахъ
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на рѣсницахъ,
Съ морозу—должно полагать.

II.

Привычная дума поэта
Впередъ забѣжать ей спѣшитъ:
Какъ саваномъ, снѣгомъ одѣта
Избушка въ деревнѣ стоитъ,

Въ избушкѣ — теленокъ въ подклѣти
Мертвецъ на скамьѣ у окна·
Шумятъ его глупыя дѣти;
Тихонько рыдаетъ жена.

Сшивая проворной иголкой
На саванъ куски полотна,
Какъ дождь, зарядившій на-долго,
Не громко рыдаетъ она.

III.

Три тяжкія доли имѣла судьба;
И первая доля: съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться;
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли.

Вѣка протекали—все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,
Одну только Богъ измѣнить забывалъ
Суровую долю крестьянки.
И всѣ мы согласны, что типъ измельчалъ
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свѣту кровавой борьбы
И жалобъ своихъ не ввѣряла,—

Но мнѣ ты ихъ скажешь, мой другъ!
Ты съ дѣтства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испугъ,
Ты вся — вѣковая истома!
Тотъ сердца въ груди не носилъ,
Кто слезъ надъ тобою не лилъ.

IV.

Однако же, рѣчь о крестьянкѣ,
Затѣяли мы, чтобъ сказать,
Что типъ величавой славянки
Возможно и нынѣ сыскать.

Есть женщины въ русскихъ селенья
Съ спокойною важностью лицъ,
Съ красивою силой въ движеньяхъ,
Съ походкой, со взглядомъ царицъ,—

Ихъ развѣ слѣпой не замѣтитъ
А зрячій о нихъ говоритъ:
"Пройдетъ—словно солнце освѣтитъ!
"Посмотритъ—рублемъ подаритъ!"

Идутъ онѣ той же дорогой,
Какой весь народъ нашъ идетъ,
Но грязь обстановки убогой
Къ нимъ словно не липнетъ.

Красавица, міру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одеждѣ красива,
Ко всякой работѣ ловка.

И голодъ, и холодъ выноситъ,
Всегда терпѣлива, ровна...
Я видывалъ, какъ она коситъ:
Что взмахъ—то готова копна!

Платокъ у ней на ухо сбился,
Того-гляди косы падутъ:
Какой-то парнекъ изловчился
И къ верху подбросилъ ихъ, шутъ!

Тяжелыя русыя косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мѣшаютъ крестьянкѣ взглянуть.

Она отвела ихъ руками,
На парня сердито глядитъ.
Лицо величаво, какъ въ рамѣ,
Смущеньемъ и гнѣвомъ горитъ...

По буднямъ не любитъ бездѣлья,
За то вамъ ее не узнать,
Какъ сгонитъ улыбка веселья
Съ лица трудовую печать.

Такого сердечнаго смѣха
И пѣсни и пляски такой
За деньги не купишь.—"Утѣха!"
Твердятъ мужики межъ собой.

Въ игрѣ ее конный не словитъ,
Въ бѣдѣ—не сробѣетъ,—спасетъ:
Коня на скаку остановитъ,
Въ горящую избу войдетъ!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяныя губы
Хранятъ ихъ красу отъ людей—

Она улыбается рѣдко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не рѣшится сосѣдка
Ухвата, горшка попросить!

Не жалокъ ей нищій убогій—
Вольно-жъ безъ работы гулять!
Лежитъ на ней дѣльности строгой
И внутренней силы печать.

Въ ней ясно и крѣпко сознанье,
Что все ихъ спасенье въ трудѣ,
И трудъ ей несетъ воздаянье:
Семейство не бьется въ нуждѣ.

Всегда у нихъ теплая хата,
Хлѣбъ выпеченъ, вкусенъ квасокъ,
Здоровы и сыты ребята,
На праздникъ есть лишній кусокъ.

Идетъ эта баба къ обѣдни
Предъ всею семьей впереди:
Сидитъ, какъ на стулѣ, двухлѣтній
Ребенокъ у ней на груди,

Рядкомъ шестилѣтняго сына
Нарядная матка ведетъ...
И по сердцу эта картина
Всѣмъ, любящимъ русскій народъ!

V.

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя изсушило,
Уснувшаго Прокла жена!

Горда ты—ты плакать не хочешь,
Крѣпишься, но холстъ гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадаетъ
На быстрые руки твои.

Такъ колосъ беззвучно роняетъ
Созрѣвшія зерна свои...

VI.

Въ селѣ, за четыре версты,
У церкви, гдѣ вѣтеръ шатаетъ
Подбитыя бурей кресты,
Мѣстечко старикъ выбираетъ;

Усталъ онъ, работа трудна,
Тутъ тоже сноровка нужна—

Чтобъ крестъ было видно съ дороги,
Чтобъ солнце играло кругомъ.
Въ снѣгу до колѣнъ его ноги,
Въ рукахъ его заступъ и ломъ,

Вся въ инеѣ шапка большая,
Усы, борода въ серебрѣ.
Недвижно стоитъ, размышляя,
Старикъ на высокомъ бугрѣ.

Рѣшился. Крестомъ обозначилъ,
Гдѣ будетъ могилу копать,
Крестомъ осѣнился и началъ
Лопатою снѣгъ разгребать.

Иные пріемы тутъ были,
Кладбище не то, что поля:
Изъ снѣгу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнувъ свою старую спину,
Онъ долго, прилежно копалъ.
И желтую мерзлую глину
Тотчасъ же снѣжокъ застилалъ.

Ворона къ нему подлетѣла,
Потыкала носомъ, прошлась:
Земля какъ желѣзо звенѣла—
Ворона ни съ чѣмъ убралась...

Могила на славу готова,—
"Не мнѣ-бъ эту яму копать!"
(У стараго вырвалось слово):
"Не Проклу бы въ ней почивать,

"Не Проклу!.." Старикъ оступился.
Изъ рукъ его выскользнулъ ломъ
И въ бѣлую яму скатился.
Старикъ его вынулъ съ трудомъ.

Пошелъ... по дорогѣ шагаетъ...
Нѣтъ солнца, луна не взошла...
Какъ будто весь міръ умираетъ:
Затишье, снѣжокъ, полу-мгла...

VII.

Въ оврагѣ, у рѣчки Желтухи,
Старикъ свою бабу нагналъ
И тихо спросилъ у старухи:
"Хорошъ ли гробокъ то попалъ?"

Уста ея чуть прошептали
Въ отвѣтъ старику: "ничего"..
Потомъ они оба молчали,
И дровни такъ тихо бѣжали,
Какъ будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко—мелькаетъ огонь.
Старуха крестомъ осѣнилась,
Шарахнулся въ сторону конь—

Безъ шапки, съ ногами босыми,
Съ большимъ заостреннымъ коломъ,
Внезапно предсталъ передъ ними
Старинный знакомецъ Пахомъ.

Прикрыты рубахою женской
Звенѣли вериги на немъ;
Постукалъ дуракъ деревенскій
Въ морозную землю коломъ,

Потомъ помычалъ сердобольно,
Вздохнулъ и сказалъ: "не бѣда!
"На васъ онъ работалъ довольно,
"И ваша пришла череда!

"Мать сыну-то гробъ покупала,
"Отецъ ему яму копалъ,
"Жена ему саванъ сшивала—
"Всѣмъ разомъ работу вамъ далъ"!..

Опять помычалъ—и безъ цѣли
Въ пространство дуракъ побѣжалъ.
Вериги уныло звенѣли,
И голыя икры блестѣли,
И посохъ по снѣгу черкалъ.

VIII.

У дома оставили крышу,
Къ сосѣдкѣ свели ночевать
Зазябнувшихъ Машу и Гришу
И стали сынка обряжать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дѣло велось:
Не сказано лишняго слова,
Наружу не выдано слезъ.

Уснулъ потрудившійся въ потѣ!
Уснулъ, поработавъ землѣ!
Лежитъ, непричастный заботѣ,
На бѣломъ сосновомъ столѣ,

Лежитъ неподвижный, суровый,
Съ горящей свѣчей въ головахъ,
Въ широкой рубашкѣ холщевой
И въ липовыхъ новыхъ лаптяхъ.

Большія съ мозолями руки,
Подъявшія много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рукъ борода...

IX.

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словомъ тоски
И только глядѣть избѣгали
Другъ другу въ глаза бѣдняки.

Но вотъ уже кончено дѣло,
Нѣтъ нужды бороться съ тоской,
И что на душѣ накипѣло,
Изъ устъ полилося рѣкой.

Не вѣтеръ гудитъ по ковыли,
Не свадебный поѣздъ гремитъ,—
Родные по Проклу завыли,
По Проклу семья голоситъ:

"Голубчикъ ты нашъ сизокрылый!
"Куда ты отъ насъ улетѣлъ?
"Пригожествомъ, ростомъ и силой
"Ты ровни въ селѣ не имѣлъ.

"Родителямъ былъ ты совѣтникъ,
"Работничекъ въ полѣ ты былъ,
"Гостямъ хлобосолъ и привѣтникъ,
"Жену и дѣтей ты любилъ...

"Что-жъ мало гулялъ ты по свѣту?
"За что насъ покинулъ, родной?
"Одумалъ ты думушку эту,
"Одумалъ съ сырою землей—

"Одумалъ — а намъ оставаться
"Велѣлъ во міру, сиротамъ,
"Не свѣжей водой умываться,—
"Слезами горючими намъ!

"Старуха помретъ со кручины,
"Не жить и отцу твоему,
"Береза въ лѣсу безъ вершины—
"Хозяйка безъ мужа въ дому.

"Ее не жалѣешь ты, бѣдной,
"Дѣтей не жалѣешь... Всатвай!
"Съ полоски своей заповѣдной
"По лѣту сберешь урожай!

"Сплесни, ненаглядный, руками
"Сокольимъ глазкомъ посмотри,
"Тряхни шелковыми кудрями,
"Сахарны уста раствори!

"На радости мы бы сварили
"И меду, и браги хмѣльной,
"За столъ бы тебя посадили—
"Покушай, желанный, родной!

"А сами напротивъ бы стали—
"Кормилецъ, надежа семьи!

"Очей бы съ тебя не спускали,
"Ловили бы рѣчи твои"...

X.

На эти рыданья и стоны
Сосѣди валили гурьбой:
Свѣчу положивъ у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смѣну входили другіе...
Но вотъ ужъ толпа разбрелась,
Поужинать сѣли родные—
Капуста да съ хлѣбушкомъ квасъ.

Старикъ безполезной кручинѣ
Собой овладѣть не давалъ:
Подладившись ближе къ лучинѣ,
Онъ лапоть худой ковырялъ.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,
Провѣдать ребятокъ пошла.

Всю ноченьку, стоя у свѣчки,
Читалъ надъ усопшимъ дьячокъ,
И вторилъ ему изъ-за печки
Пронзительнымъ свистомъ сверчокъ.

XI.

Сурово метелица выла
И снѣгомъ кидала въ окно,
Не весело солнце всходило:
Въ то утро свидѣтелемъ было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный въ сани,
Понуро стоялъ у воротъ;
Безъ лишнихъ рѣчей, безъ рыданій
Покойника вынесъ народъ.

— Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крѣпче гужи!
Служилъ ты хозяину много,
Послѣдній разокъ послужи!..

Въ торговомъ селѣ Чистополѣ
Купилъ онъ тебя сосункомъ,
Взростилъ онъ тебя на привольѣ,
И вышелъ ты добрымъ конемъ.

Съ хозяиномъ дружно старался,
На зимушку хлѣбъ запасалъ,
Во стадѣ ребенку давался.
Травой да мякиной питался,
А тѣло изрядно держалъ.

Когда же работы кончались
И сковывалъ землю морозъ,
Съ хозяиномъ вы отправлялись
Съ домашняго корма въ извозъ.

Не мало и тутъ доставалось—
Возилъ ты тяжелую кладь,
Въ жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на бокахъ твоихъ впалыхъ
Кнута не одна полоса,
За то на дворахъ постоялыхъ
Покушалъ ты вволю овса.

Слыхалъ ты въ январьскія ночи
Мятели пронзительный вой,

И волчьи горящія очи
Видалъ на опушкѣ лѣсной,

Продрогнешь, натернишься страху,
А тамъ—и опять ничего!
Да видно хозяинъ далъ маху—
Зима доконала его!..

XII.

Случилось въ глубокомъ сугробѣ
Полсутокъ ему простоять,
Потомъ то въ жару, то въ ознобѣ
Три дня за подводой шагать:

Покойникъ на срокъ торопился
До мѣста доставить товаръ;
Доставилъ, домой воротился—
Нѣтъ голосу, въ тѣлѣ пожаръ!

Старуха его окатила
Водой съ девяти веретенъ
И въ жаркую баню сводила,
Да нѣтъ—не поправился онъ!

Тогда ворожеекъ созвали—
И поятъ, и шепчутъ, и трутъ —
Все худо! Его продѣвали
Три раза сквозь потный хомутъ.

Спускали родимаго въ пролубь,
Подъ куричій клали насѣстъ...
Всему покорялся, какъ голубь,
А плохо—не пьетъ и не ѣстъ!

Еще положить подъ медвѣдя,
Чтобы тотъ ему кости размялъ,

Ходебщикъ сергачевскій Ѳедя
— Случившійся тутъ—предлагалъ.

Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала совѣтника прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и въ ночь

Пошла въ монастырь отдаленный
(Верстахъ въ десяти отъ села),
Гдѣ въ нѣкой иконѣ явленной
Цѣлебная сила была.

Пошла, воротилась съ иконой—
Больной ужъ безгласенъ лежалъ,
Одѣтый какъ въ гробъ, причащенный
Увидѣлъ жену, простоналъ
И умеръ...

XIII.

...Саврасушка, трогай,
Натягивай крѣпче гужи!
Сгужилъ ты хозяину много,
Въ послѣдній разокъ послужи!

Чу! два похоронныхъ удара!
Попы ожидаютъ—иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отецъ впереди.

Ребята съ покойникомъ оба
Сидѣли, не смѣя рыдать,
И, правя савраской, у гроба
Съ возжами ихъ бѣдная мать

Шагала... Глаза ея впали
И былъ не бѣлѣй ея щекъ

Надѣтый на ней, въ знакъ печали,
Изъ бѣлой холстины платокъ.

За Дарьей—сосѣдей, сосѣдокъ
Плелась не густая толпа,
Толкуя, что Прокловыхъ дѣтокъ
Теперь не завидна судьба,

Что Дарьѣ работы прибудетъ,
Что ждутъ ее черные дни.
"Жалѣть ее некому будетъ",
Согласно рѣшили они...

XIV.

Какъ водится, въ яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалѣли, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Самъ староста, Сидоръ Иванычъ,
Вполголоса бабамъ подвылъ,
И "миръ тебѣ, Проклъ Севастьянычъ!"
Сказалъ: "благодушенъ ты былъ",

"Жилъ честно, а главное: въ сроки,—
"Ужъ какъ тебя Богъ выручалъ,—
"Платилъ господину оброки
"И подать въ казну представлялъ!"

Истративъ запасъ краснорѣчья,
Почтенный мужичкъ покряхтѣлъ:
"Да, вотъ она жизнь человѣчья!"
Прибавилъ—и шапку надѣлъ.

"Свалился... а то-то былъ въ силѣ!..
"Свалимся... не минуть и намъ"!

Еще покрестились могилѣ,
И съ Богомъ пошли по домамъ.

Высокій, сѣдой, сухопарый,
Безъ шапки, недвижно-нѣмой,
Какъ памятникъ, дѣдушка старый
Стоялъ на могилѣ родной!

Потомъ старина бородатый
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землицу лопатой,
Подъ вопли старухи своей.

Когда же, отавивши сына,
Онъ съ бабой въ деревню входилъ,—
"Какъ пьяныхъ шатаетъ кручина!
Гляди-тко"!.. ... народъ говорилъ...

XV.

А Дарья домой воротилась—
Прибраться, дѣтей накормить.
Ай-ай! какъ изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Нѣтъ глядь—ни полѣна дровишекъ,
Задумалась бѣдная мать:
Покинуть ей жаль ребятишекъ,
Хотѣлось бы ихъ приласкать,

Да времени нѣту на ласки.
Къ сосѣдкѣ свела ихъ вдова,
И тотчасъ, на томъ же савраскѣ,
Поѣхала въ лѣсъ по дрова...

Часть вторая.

XVI.

Морозно. Равнины бѣлѣютъ подъ снѣгомъ,
Чернѣется лѣсъ впереди;
Савраска плетется ни шагомъ, ни бѣгомъ,
Не встрѣтишь души на пути.

Какъ тихо! Въ деревнѣ раздавшійся голосъ
Какъ будто у самаго уха гудетъ,
О корень древесный запнувшійся полозъ
Стучитъ и визжитъ, и за сердце скребетъ.

Кругомъ — поглядѣть нѣту мочи,
Равнина въ алмазахъ блеститъ.
У Дарьи слезами наполнились очи—
Должно быть, ихъ солнце слѣпитъ...

XVII.

Въ поляхъ было тихо, но тише
Въ лѣсу и какъ будто свѣтлѣй.
Чѣмъ далѣ—деревья все выше,
А тѣни длиннѣй и длиннѣй.

Деревья, и солнце, и тѣни,
И мертвый, могильный покой...
Но—чу! заунывныя пени,
Глухой, сокрушительный вой!

Осилило Дарьюшку горе
И лѣсъ безучастно внималъ,
Какъ стоны лились на просторѣ,
И голосъ рвался и дрожалъ,

И солнце, кругло и бездушно,
Какъ желтое око совы,
Глядѣло съ небесъ равнодушно
На тяжкія муки вдовы.

И много ли струнъ оборвалось
У бѣдной крестьянской души,—
На-вѣки сокрыто осталось
Въ лѣсной нелюдимой глуши.

Великое горе вдовицы
И матери малыхъ сиротъ
Подслушали вольныя птицы,
Но выдать не смѣли въ народъ...

XVIII.

Не псарь по дубровушкѣ трубитъ,
Гогочетъ, сорви-голова,—
Наплакавшись, колетъ и рубитъ
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросаетъ—
Наполнить бы ихъ поскорѣй,
И врядъ ли сама замѣчаетъ,
Что слезы все льютъ изъ очей:

Иная съ рѣсницы сорвется
И на снѣгъ съ размаху падетъ—
До самой земли доберется,
Глубокую яму прожжетъ;

Другую на дерево кинетъ,
На плашку,—и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынетъ—
Бѣла, и кругла, и плотна.

А та на глазу поблистаетъ,
Стрѣлой по щекѣ побѣжитъ,
И солнышко въ ней поиграетъ...
Управиться Дарья спѣшитъ.

Знай рубитъ,—не чувствуетъ стужи,
Не слышитъ, что ноги знобитъ,
И, полная мысли о мужѣ,
Зоветъ его, съ нимъ говоритъ...

XIX.

. . . . . .
. . . . . .

"Голубчикъ! красавицу нашу
Весной въ хороводѣ опять
Подхватятъ подруженьки Машу
И станутъ на ручкахъ качать!
"Станутъ качать,
Къ верху бросать,
Маковкой звать,
Макъ отряхать! *)

"Вся раскраснѣется наша
Маковымъ цвѣтикомъ Маша
Съ синими глазками, съ русой косой!

"Ножками бить и смѣяться
Будетъ... а мы-то съ тобой,—
Мы на нее любоваться
Будемъ, желанный ты мой!..

---

*) Извѣстная народная игра, называемая **сѣять макъ. Маковкой** садится въ срединѣ круга красивая дѣвочка, которую подъ конецъ подкидываютъ вверхъ, представляя тѣмъ отряхиванія мака; а то еще **макомъ** бываетъ простоватый дѣтина, которому при подкидываніи достается не мало колотушекъ.

XX.

"Умеръ, не дожилъ ты вѣку,
Умеръ и въ землю зарытъ!
Любо весной человѣку,
Солнышко ярко горитъ,
Солнышко все оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просятъ косы.

"Рано я, горькая, встала,
Дома не ѣла, съ собоѣ не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утромъ косить я пошла...
"Крѣпче вы ноженьки стойте;
Бѣлыя руки, не нойте!
Надо одной поспѣвать!

"Въ полѣ одной-то надсадно,
Въ полѣ одной неповадно,
Стану я милаго звать!
"Ладно-ли пашню вспахала?
Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сѣно убрала?
Прямо-ли стоги сметала?..
Я на грабляхъ отдыхала
Всѣ сѣнокосные дни!..

"Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разумъ наставить...

XXI.

"Стала скотинушка въ лѣсъ убираться,
Стала рожь-матушка въ колосъ метаться,

Богъ намъ послалъ урожай!
Нынѣче солома по грудь человѣку,
Богъ намъ послалъ урожай,
Да не продлилъ тебѣ вѣку,—
Хочешь-не хочешь, одна поспѣвай!..

"Оводъ жужжитъ и кусаетъ,
Смертная жажда томитъ;
Солнышко серпъ нагрѣваетъ,
Солнышко очи слѣпитъ;
Жжетъ оно голову, плечи,
Изо-ржи, словно изъ печи,
Тоже тепломъ обдаетъ;
Спинушка ноетъ съ натуги,
Руки и ноги болятъ;
Красные, желтые круги
Передъ очами стоятъ...
Жни—дожинай поскорѣе,
Видишь—зерно потекло...

"Вмѣстѣ бы дѣло скорѣе,
Вмѣстѣ поваднѣй бы шло...

XXII.

"Сонъ мой былъ въ руку, родная!
Сонъ передъ Спасовымъ днемъ.
Въ полѣ заснула одна я
Послѣ полудня, съ серпомъ,
Вижу—меня обступаетъ
Сила—несмѣтная рать—
Грозно руками махаетъ,
Грозно очами сверкаетъ...
Думала я убѣжать,
Да не послушались ноги;
Стала просить я помоги,
Стала я громко кричать.

"Слышу, земля задрожала—
Первая мать прибѣжала;
Травушки рвутся, шумятъ—
Дѣтки къ родимой спѣшатъ;
Шибко безъ вѣтру не машетъ
Мельница въ полѣ крыломъ:
Братецъ идетъ, да приляжетъ;
Свекоръ плетется шажкомъ.
Всѣ прибрели, прибѣжали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я кликать его:
"Видишь, меня обступаетъ
"Сила — несмѣтная рать,—
"Грозно руками махаетъ,
"Грозно очами сверкаетъ:
"Что не идешь выручать?.."
Тутъ я кругомъ оглядѣлась—
Господи? что куда дѣлось?
Что это было со мной?..
Рати тутъ нѣтъ никакой!
Это не люди лихіе,
Не бусурманская рать,
Это колосья ржаные,
Спѣлымъ зерномъ налитые,
Вышли со мной воевать!

"Машутъ, шумятъ, наступаютъ,
Руки, лицо щекотятъ,
Сами солому подъ серпъ нагибаютъ—
Больше стоять не хотятъ

"Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупныя зерна—
Словно подъ градомъ стою!

"Вытечетъ, вытечетъ за ночь

Вся наша матушка-рожь..
Гдѣ же ты, Проклъ Севастьянычъ?
Что пособлять не идешь?..

"Сонъ мой былъ въ руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

"Стану безъ милаго жать,
Снопики крѣпко вязать,
Въ снопики слезы ронять!

"Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы Господу нужны,
Чѣмъ ему дороги вы?

XXIII.

"Долги вы, зимнія ноченьки,
Скучно безъ милаго спать;
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

"Много натку я полотенъ,
Тонкихъ, добротныхъ новинъ;
Выростетъ крѣпокъ и плотенъ,
Выростетъ ласковый сынъ.

"Будетъ по нашему мѣсту
Онъ хоть куда женихомъ;
Высватать парню невѣсту
Сватовъ надежныхъ пошлемъ...

"Кудри сама расчесала я Гришѣ,
Кровь съ молокомъ нашъ сынокъ-первенецъ,
Кровь съ молокомъ и невѣста... Иди же!
Благослови молодыхъ подъ вѣнецъ!

"Этого дня мы какъ праздника ждали,
Помнишь, какъ началъ Гришуха ходить,
Цѣлую ноченьку мы толковали,
Какъ его будемъ женить,
Стали на свадьбу копить понемногу....
Вотъ—дождались, слава Богу!

"Чу, бубенцы говорятъ!
Поѣздъ вернулся назадъ,
Выди на-встрѣчу проворно—
Пава-невѣста, соколикъ-женихъ!—
Сыпь на нихъ плѣбныя зерна,
Хмѣлемъ осыпь молодыхъ!.. *)

XXIV.

"Стадо у лѣсу у темнаго бродитъ,
Лыки въ лѣсу пастушонко деретъ,
Изъ лѣсу сѣрый волчище выходитъ, —
Чью онъ овцу унесетъ?

"Черная туча, густая-густая,
Прямо надъ нашей деревней виситъ:
Прыснетъ изъ тучи стрѣла громовая,—
Въ чей она домъ сноровитъ?

"Вѣсти недобрыя ходятъ въ народѣ:
Парнямъ не долго гулять на свободѣ,
Скоро—рекрутскій наборъ!

"Нашъ-то молодчикъ въ семьѣ одиночка,
Всѣхъ у насъ дѣтокъ Гришуха да дочка,
Да голова у насъ воръ—
Скажетъ: мірской приговоръ!

---

*) Хмѣлемъ и хлѣбнымъ зерномъ осыпаютъ молодыхъ въ знакъ прибѣвъ деревенскихъ торгашей.

"Сгибнетъ ни за что, ни про что дѣтина.
Встань, заступись за родимаго сына!

"Нѣтъ! не заступишься ты!..
Бѣлыя руки твои опустились,
Ясныя очи на вѣки закрылись...
Горькія мы сироты!

XXV.

"Я-ль не молила Царицу небесуню?
Я ли лѣнива была?
Ночью одна подъ икону чудесную
Я не сробѣла—пошла.

"Вѣтеръ шумитъ, наметаетъ сугробы,
Мѣсяца нѣтъ—хоть бы лучъ;
На небо лянешь—какіе-то гробы,
Цѣпи да гири выходятъ изъ тучъ...

"Я ли о немъ не старалась?
Я ли жалѣла чего?
Я ему молвить боялась,
Какъ я любила его!

"Звѣздочки будутъ у ночи,
Будетъ ли намъ-то свѣтлѣй?..

"Заяцъ спрыгнулъ изъ-подъ кочи...
Заинька, стой! не посмѣй
Перебѣжать мнѣ дорогу!

"Въ лѣсъ укатилъ, слава Богу...
Къ полночи стало страшнѣй,—

"Слышу, нечистая сила
Залотошила, завыла,
Заголосила въ лѣсу...

"Что мнѣ до силы нечистой?
Чуръ меня! Дѣвѣ Пречистой
Я приношенье несу!

"Слышу я конское ржанье,
Слышу волковъ завыванье,
Слышу погону за мной,—

"Звѣрь на меня не кидайся!
Лихъ человѣкъ не касайся,—
Дорогъ нашъ грошъ трудовой!

"Лѣто онъ жилъ работаючи,
Зиму не видѣлъ дѣтей,
Ночи о немъ помышляючи,
Я не смыкала очей.

Ѣдетъ онъ, зябнетъ... а я-то, печальная,
Изъ волокнистаго льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую нитку тяну.

"Веретено мое прыгаетъ, вертится,
Въ полъ ударяется.
Проклушка пѣшъ идетъ, въ рытвинѣ крестится,
Къ возу на горочкѣ самъ припрягается.

"Лѣто за лѣтомъ, зима за зимой,
Этакъ-то мы раздобылись казной!

"Милостивъ буди къ крестьянину бѣдному,
Господи! все отдаемъ,
Что по копѣйкѣ, по грошику мѣдному
Мы сколотили трудомъ!..

XXVI.

"Вся ты, тропина лѣсная!
Кончился лѣсъ.
Къ утру звѣзда золотая
Съ божьихъ небесъ
Вдругъ сорвалась—и упала:
Дунулъ Господь на нее;
Дрогнуло сердце мое;
Думала я, вспоминала—
Что было въ мысляхъ тогда,
Какъ покатилась звѣзда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь идти, а нейду...
Думала я, что едва-ли
Прокла въ живыхъ я найду...

"Нѣтъ! не допуститъ Царица небесная!
Дастъ исцѣленье икона чудесная!

"Я осѣнилась крестомъ
И побѣжала бѣгомъ..

"Сила-то въ немъ богатырская,
Милостивъ Богъ, не умретъ..
Вотъ и сѣна монастырская!
Тѣнь ужъ моя головой достаетъ
До монастырскихъ воротъ.

"Я поклонилася земнымъ поклономъ,
Стала на ноженьки, глядь—
Воронъ сидитъ на крестѣ золоченномъ...
Дрогнуло сердце опять!

XXVII.

"Долго меня продержали—
Схимницу сестры въ тотъ день погребали.

"Утреня шла,
Тихо по церкви ходили монашены,
Въ черныя рясы наряжены.
Только покойница въ бѣломъ была:
Спитъ—молодая, спокойная,
Знаетъ, что будетъ въ раю.
Поцѣловала и я, недостойная,
Бѣлую ручку твою!
Въ личико долго глядѣла я:
Всѣхъ ты моложе, наряднѣй, милѣй,
Ты межъ сестеръ словно горлинка бѣлая
Промежду сизыхъ, простыхъ голубей.

"Въ ручкахъ чернѣются чотки,
Писанный вѣнчикъ на лбу,
Черный покровъ на гробу—
Этакъ-то ангелы кротки!

"Молви, касатека моя,
Богу святыми устами,
Чтобъ не осталася я
Горькой вдовой съ сиротами!

"Гробъ на рукахъ до могилы снесли,
Съ пѣніемъ и плачемъ ее погребли.

XXVIII.

"Двинулась съ миромъ икона святая,
Сестры запѣли, ее провожая,
Всѣ приложилися къ ней.

"Много Владычицѣ было почету:
Старый и малый бросали работу,
Изъ деревень шли за ней.

"Къ ней выносили больныхъ и убогихъ...
Знаю, Владычица! знаю: у многихъ
Ты осушила слезу...

"Только ты милости къ намъ не явила!
. . . . . .
. . . . . .

"Господи! сколько я дровъ нарубила!
Не увезешь на возу"...

XXIX.

Окончивъ привычное дѣло,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотѣла
Пуститься въ дорогу вдова.

Да вновь раздумалась, стоя,
Топоръ машинально взяла
И тихо, прерывисто воя,
Къ высокой соснѣ подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали—
Невольный и страшный покой!

Стоитъ подъ сосной, чуть живая,
Безъ думы, безъ стона, безъ слезъ...
Въ лѣсу тишина гробовая—
День свѣтелъ, крѣпчаетъ морозъ...

XXX.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи,
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.

Глядитъ—хорошо ли метели
Лѣсныя тропы занесли,

И нѣтъ ли гдѣ трещины, щели
И нѣтъ ли гдѣ голой земли?

Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ?
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ?

Идетъ—по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.

Дорога вездѣ чародѣю.
Чу! ближе подходитъ, сѣдой,
И вдругъ очутился надъ нею,
Надъ самой ея головой!

Забравшись на сосну большую,
По вѣточкамъ палицей бьетъ,
И самъ про себя удалую,
Хвастливую пѣсню поетъ:

XXXI.

"Вглядись, молодица, смѣлѣе,
"Каковъ воевода Морозъ!
"Наврядъ тебѣ парня сильнѣе
"И краше видать привелось?

"Метели, снѣга и туманы
"Покорны морозу всегда;
"Пойду на моря-окіяны—
"Построю дворцы изо-льда.

"Задумаю—рѣки большія
"Надолго упрячу подъ гнетъ,
"Построю мосты ледяные,
"Какихъ не построитъ народъ.

"Гдѣ быстрыя, шумныя воды
"Недавно свободно текли,—
"Сегодня прошли пѣшеходы,
"Обозы съ товаромъ прошли.

"Люблю я въ глубокихъ могилахъ
"Покойниковъ въ иней рядить,
"И кровь вымораживать въ жилахъ,
"И мозгъ въ головѣ леденить.

"На горе недоброму вору,
"На страхъ сѣдоку и коню,
"Люблю я въ вечернюю пору
"Затѣять въ лѣсу трескотню.

"Бабенки, пеняя на лѣшихъ,
"Домой удираютъ скорѣй...
"А пьяныхъ—и конныхъ, и пѣшихъ—
"Дурачить еще веселѣй.

"Безъ мѣлу всю выбѣлю рожу,
"А носъ запылаетъ огнемъ,
"И бороду такъ приморожу
"Къ возжамъ—хоть руби топоромъ!

"Богатъ я, казны не считаю,
"А все не скудѣетъ добро;
"Я царство мое убираю
"Въ алмазы, жемчугъ, серебро.

"Войди въ мое царство со мною
"И будь ты царицею въ немъ!
"Поцарствуемъ славно зимою,
"А лѣтомъ глубоко уснемъ.

"Войди! приголублю, согрѣю,
"Дворецъ отведу голубой"...

И сталъ воевода надъ нею
Махать ледяной булавой.

XXXII.

"Тепло ли тебѣ, молодица"?
Съ высокой сосны ей кричитъ.
— Тепло! отвѣчаетъ вдовица,
Сама холодѣетъ, дрожитъ.

Морозко спустился пониже,
Опять помахалъ булавой
И шепчетъ ей ласковѣй, тише:
"Тепло-ли"?..—Тепло, золотой!—

Тепло—а сама коченѣетъ...
Морозко коснулся ее:
Въ лицо ей дыханіемъ вѣетъ
И иглы колючія сѣетъ
Съ сѣдой бороды на нее.

И вотъ передъ ней опустился,
'Тепло ли?" промолвилъ опять,
И въ Проклушку вдругъ обратился
И сталъ онъ ее цѣловать.

Въ уста ее, въ очи и въ плечи
Сѣдой чародѣй цѣловалъ
И тѣ же ей сладкія рѣчи,
Что милый о свадьбѣ, шепталъ.

И такъ-то ли любо ей было
Внимать его сладкимъ рѣчамъ,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топоръ уронила къ ногамъ,

Улыбка у горькой вдовицы
Играетъ на блѣдныхъ губахъ,

Пушисты и блѣдны рѣсницы,
Морозныя иглы въ бровьяхъ...

XXXIII.

Въ сверкающій иней одѣта,
Стоитъ, холодѣетъ она;
И снится ей жаркое лѣто—
Не вся еще рожь свезена,

Но сжата,—полегче имъ стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.

Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвушка,
Сидѣла съ морковкой въ рукѣ.

Телѣга, скрипя, подъѣзжаетъ—
Савраска глядитъ на своихъ,
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ.

— Богъ помочь! А гдѣ же Гришуха?
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
"Въ горохахъ", сказала старуха.
— Гришуха! отецъ закричалъ,

На небо взглянулъ.—Чай, не рано?
Испить бы... Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напиться кваску подаетъ.

Гришуха межъ тѣмъ отозвался:
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.

— Бѣжитъ!... у!.. бѣжитъ, пострѣленокъ,
Горитъ подъ ногами трава!—
Гришуха черенъ, какъ галченокъ,
Бѣла лишь одна голова.

Крича, подбѣгаетъ въ присядку,
(На шеѣ горохъ хомутомъ),
Попотчивалъ бабушку, матку,
Сестренку—вертится вьюномъ!

Отъ матери молодцу ласка,
Отецъ мальчугана щипнулъ;
Межъ тѣмъ не дремалъ и савраска:
Онъ шею тянулъ да тянулъ,

Добрался,—оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно жуетъ,
И въ мягкія, добрыя губы
Гришухино ухо беретъ...

XXXIV.

Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятька, съ тобой!
Спрыгнаула съ мѣшка и — упала.
Отецъ ее поднялъ. "Не вой!

"Убилась—неважное дѣло!..
Дѣвчонокъ не надобно мнѣ,
Еще вотъ такого пострѣла
Рожай мнѣ, хозяйка, къ веснѣ!

"Смотри же"!.. Жена застыдилась:
— Довольно съ тебя одного!
(А знала, подъ сердцемъ ужъ билось
Дитя)... "Ну, Машукъ, ничего!"

И Проклушка, ставъ на телѣгу,
Машутку съ собой посадилъ.

Вскочилъ и Гришуха съ разбѣгу,
И съ грохотомъ возъ покатилъ.

Воробушковъ стая слетѣла
Съ сноповъ, надъ телѣгой взвилась...
И Дарьюшка долго смотрѣла,
Отъ солнца рукой заслонясь,

Какъ дѣти съ отцомъ приближались
Къ дымящейся ригѣ своей,
И ей изъ сноповъ улыбались
Румяныя лица дѣтей...

Чу, пѣсня! знакомые звуки!
Хорошъ голосокъ у пѣвца...
Послѣдніе признаки муки
У Дарьи исчезли съ лица,

Душой улетая за пѣсней,
Она отдалась ей вполнѣ...
Нѣтъ въ мірѣ той пѣсни прелестнѣй,
Которую слышимъ во снѣ!

О чемъ она—Богъ ее знаетъ!
Я словъ уловить не умѣлъ,
Но сердце она утоляетъ,
Въ ней дольняго счастья предѣлъ.

Въ ней кроткая ласка участья,
Обѣты любви безъ конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходитъ съ лица.

XXXV.

Какой бы цѣной ни досталось
Забвенье крестьянкѣ моей,

Что нужды? Она улыбалась.
Жалѣть мы не будемъ о ней.

Нѣтъ глубже, нѣтъ слаще покоя,
Какой посылаетъ намъ лѣсъ,
Недвижно, безтрепетно стоя
Подъ холодомъ зимнихъ небесъ.

Нигдѣ такъ глубоко и вольно
Не дышетъ усталая грудь,
И ежели жить намъ довольно,
Намъ слаще нигдѣ не уснуть!

XXXVI.

Ни звука! Душа умираетъ
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, какъ покоряетъ
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синій
Сводъ неба, да солнце, да лѣсъ,
Въ серебрянно-матовый иней
Наряженный, полный чудесъ,

Влекущій невѣдомой тайной,
Глубоко-безстрастный... Но вотъ
Послышался шорохъ случайный—
Вершинами бѣлка идетъ.

Комъ снѣгу она уронила
На Дарью, пригнувъ по соснѣ.
А Дарья стояла и стыла
Въ своемъ заколдованномъ снѣ...

Н. А. НЕКРАСОВЪ

Русскія Женщины

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Бабушкины записки.

I.

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ.

(1826).

Часть первая.

Покоенъ, проченъ и легокъ
На-диво слаженный возокъ;

Самъ графъ-отецъ не разъ, не два
Его попробовалъ сперва.

Шесть лошадей въ него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Самъ графъ подушки поправлялъ,
Медвѣжью полость въ ноги стлалъ,

Творя молитву, образокъ
Повѣсилъ въ правый уголокъ

И—зарыдалъ... Княгиня-дочь
Куда-то ѣдетъ въ эту ночь...

I.

"Да рвемъ мы сердце пополамъ
Другъ другу, но, родной,

Скажи, что-жъ больше дѣлать намъ?
Поможешь ли тоской?
Одинъ, кто могъ бы намъ помочь
Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
И съ миромъ отпусти!

II.

"Богъ вѣсть, увидимся ли вновь,
Увы! надежды нѣтъ.
Прости и знай: твою любовь,
Послѣдній твой завѣтъ
Я буду помнить глубоко
Въ далекой сторонѣ...
Не плачу я, но не легко
Съ тобой разстаться мнѣ!

III.

"О, видитъ Богъ!... Но долгъ другой,
И выше, и труднѣй,
Меня зоветъ: прости родной!
Напрасныхъ слезъ не лей!
Далекъ мой путь, тяжелъ мой путь,
Страшна судьба моя;
Но сталью я одѣла грудь...
Гордись—я дочь твоя!

IV.

"Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
"И ты... о городъ роковой,
Гнѣздо всѣхъ бѣдъ... прощай!
Кто видѣлъ Лондонъ и Парижъ,
Венецію и Римъ,
Того ты блескомъ не прельстишь,
Но былъ ты мной любимъ.—

V.

"Счастливо молодость моя
Прошла въ стѣнахъ твоихъ,
Твои балы любила я,
Катанья съ горъ крутыхъ,
Любила плескъ Невы твоей
Въ вечерней тишинѣ,
И эту площадь передъ ней
Съ героемъ на конѣ...

VI.

"Мнѣ не забыть... Потомъ, потомъ
Разскажутъ нашу быль...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

*
* *

Покоенъ, проченъ и легокъ,
Катится городомъ возокъ.

Вся въ черномъ, мертвенно блѣдна,
Княгиня ѣдетъ въ немъ одна;

А секретарь отца—(въ крестахъ,
Чтобъ наводить дорогой страхъ),

Съ присругой скачетъ впереди...
Свища бичомъ, крича: "пади!"

Ямщикъ столицу миновалъ...
Далекъ княгинѣ путь лежалъ.

Была суровая зима...
На каждой станціи сама

Выходитъ путница: "Скорѣй
Перепрягайте лошадей!"

И сыплетъ щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.

Но труденъ путь! Въ двадцатый день
Едва пріѣхали въ Тюмень.

Еще скакали десять дней.
"Увидимъ скоро Енисей",

Сказалъ княгинѣ секретарь:
"Не ѣздитъ такъ и Государь!.."

*
* *

Впередъ! Душа полна тоски,
Дорога все труднѣй,
Но грезы мирны и легки—
Приснилась юность ей.
Богатство, блескъ! Высокій домъ
На берегу Невы,
Обита лѣстница ковромъ,
Передъ подъѣздомъ львы,
Изящно убранъ пышный залъ,
Огнями весь горитъ.
О, радость! нынче дѣтскій балъ,
Чу! музыка гремитъ!
Ей ленты алыя вплели
Въ двѣ русыя косы,

Цвѣты, наряды принесли
Невиданной красы.
Пришелъ папаша,—сѣдъ, румянъ,—
Къ гостямъ ее зоветъ.
"Ну, Катя! чудо сарафанъ!
Онъ всѣхъ съ ума сведетъ!"
Ей любо, любо безъ границъ...
Кружится передъ ней
Цвѣтникъ изъ милыхъ дѣтскихъ лицъ,
Головокъ и кудрей.
Нарядны дѣти, какъ цвѣты,
Наряднѣй старики:
Плюмажи, ленты и кресты,
Со звономъ каблуки...
Танцуетъ, прыгаетъ дитя,
Не мысля ни о чемъ,
И дѣтство рѣзвое шутя
Проносится... Потомъ
Другое время, балъ другой
Ей снится: передъ ней
Стоитъ красавецъ молодой,
Онъ что-то шепчетъ ей...
Потомъ опять балы, балы...
Она—хозяйка ихъ,
У нихъ сановники, послы,
Весь модный свѣтъ у нихъ..
"О, милый! что ты такъ угрюмъ?
Что на сердцѣ твоемъ?"
— Дитя! мнѣ скученъ свѣтскій шумъ,
Уйдемъ скорѣй, уйдемъ!—

И вотъ уѣхала она
Съ избранникомъ своимъ.
Предъ нею чудная страна,
Предъ нею—вѣчный Римъ...
Ахъ! чѣмъ бы жизнь намъ помянуть—
Не будь у насъ тѣхъ дней,

Когда, урвавшись какъ нибудь
Изъ родины своей,
И скучный сѣверъ миновавъ,
Примчимся мы на югъ.
До насъ нужды, надъ нами правъ
Ни у кого... Самъ-другъ
Всегда лишь съ тѣмъ, кто дорогъ намъ,
Живемъ мы, какъ хотимъ;
Сегодня смотримъ древній храмъ,
А завтра посѣтимъ
Дворецъ, развалины, музей...
Какъ весело притомъ
Дѣлиться мыслію своей
Съ любимымъ существомъ!

Подъ обаяньемъ красоты,
Во власти строгихъ думъ,
По Ватикану бродишь ты
Подавленъ и угрюмъ;
Отжившимъ міромъ окруженъ,
Не помнишь о живомъ;
За то, какъ страшно пораженъ
Ты въ первый мигъ потомъ,
Когда, покинувъ Ватиканъ,
Вернешься въ міръ живой,
Гдѣ ржетъ оселъ, шумитъ фонтанъ,
Поетъ мастеровой,
Торговля бойкая кипитъ,
Кричатъ на всѣ лады:
Коралловъ! раковинъ! улитъ!
Мороженой воды!
Танцуетъ, ѣстъ, дерется голь,
Довольная собой,
И косу черную, какъ смоль,
Римлянкѣ молодой
Старуха чешетъ... Жарокъ день,
Несносенъ черни гамъ,

Гдѣ намъ найти покой и тѣнь?
Заходимъ въ первый храмъ.

Не слышенъ здѣсь житейскій шумъ,
Прохлада, тишина
И полусумракъ... Строгихъ думъ
Опять душа полна.
Святыхъ и ангеловъ толпой
Вверху украшенъ храмъ,
Порфиръ и яшма подъ ногой
И мраморъ по стѣнамъ...

Какъ сладко слушать моря шумъ!
Сидишь по часу нѣмъ,
Неугнетенный, бодрый умъ
Работаетъ межъ тѣмъ...
До солнца горною тропой
Взберешься высоко—
Какое утро предъ тобой!
Какъ дышется легко!
Но жарче, жарче южный день,
На зелени долинъ
Росинки нѣтъ... Уйдемъ подъ тѣнь
Зонтообразныхъ пиннъ.

Княгинѣ памятны тѣ дни
Прогулокъ и бесѣдъ,
Въ душѣ оставили они
Неизгладимый слѣдъ.
Но не вернуть ей дней былыхъ,
Тѣхъ дней надеждъ и грезъ,
Какъ не вернуть потомъ о нихъ
Пролитыхъ ею слезъ!..

Исчезли радужные сны,
Предъ нею рядъ картинъ

Забытой Богомъ стороны:
Суровый господинъ
И жалкій труженикъ-мужикъ
Съ понурой головой...
Какъ первый властвовать привыкъ!
Какъ рабствуетъ второй!
Ей снятся группы бѣдняковъ
На нивахъ, на лугахъ,
Ей снятся стоны бурлаковъ
На волжскихъ берегахъ...
Наивнымъ ужасомъ полна,
Она не ѣстъ, не спитъ,
Засыпать спутника она
Вопросами спѣшитъ:
"Скажи, ужель весь край таковъ?
Довольства тѣни нѣтъ?.."
— Ты въ царствѣ нищихъ и рабовъ!
Короткій былъ отвѣтъ...

Она проснулась—въ руку сонъ!
Чу! слышенъ впереди
Печальный звонъ—кандальный звонъ!
— Эй, кучеръ, погоди!
То ссыльныхъ партія идетъ;
Больнѣй заныла грудь.
Княгиня деньги имъ даетъ,—
"Спасибо, добрый путь!"

Ей долго, долго лица ихъ
Мерещатся потомъ,
И не прогнать ей думъ своихъ,
Не позабыться сномъ!
"И та здѣсь партія была...
Да... нѣтъ другихъ путей...
Но слѣдъ ихъ вьюга замела.
Скорѣй, ямщикъ, скорѣй!.."

*
* *

Морозъ сильнѣй, пустыннѣй путь,
Чѣмъ далѣ на востокъ;
На триста верстъ какой нибудь
Убогій городокъ,
За то какъ радостно глядишь
На темный рядъ домовъ!
Но гдѣ же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псовъ.
Подъ кровлю всѣхъ загналъ морозъ,
Чаекъ отъ скуки пьютъ.
Прошелъ солдатъ, проѣхалъ возъ,
Куранты гдѣ-то бьютъ,
Замерзли окна... огонекъ
Въ одномъ чуть-чуть мелькнулъ...
Соборъ... на выѣздѣ острогъ...
Ямщикъ кнутомъ махнулъ:
"Эй, вы!"—и нѣтъ ужъ городка,
Послѣдній домъ исчезъ.
Направо — горы и рѣка,
Налѣво—темный лѣсъ...

Кипитъ больной, усталый умъ,
Безсонный до утра,
Тоскуетъ сердце. Смѣна думъ
Мучительно быстра;
Княгиня видитъ то друзей,
То мрачную тюрьму,
И тутъ же думается ей—
Богъ знаетъ почему,
Что небо звѣздное—пескомъ
Посыпанный листокъ;
А мѣсяцъ—краснымъ сургучемъ
Оттиснутый кружокъ...

Пропали горы; началась
Равнина безъ конца.
Еще мертвѣй! Не встрѣтитъ глазъ
Живого деревца.
"А вотъ и тундра!" говоритъ
Ямщикъ, бурятъ степной.
Княгиня пристально глядитъ
И думаетъ съ тоской:
Сюда-то жадный человѣкъ
За золотомъ идетъ!
Оно лежитъ по русламъ рѣкъ,
Оно на днѣ болотъ.
Трудна добыча на рѣкѣ,
Болота страшны въ зной,
Но хуже, хуже въ рудникѣ,
Глубоко подъ землей!. .
Тамъ гробовая тишина,
Тамъ безразсвѣтный мракъ...
Зачѣмъ, проклятая страна,
Нашелъ тебя Ермакъ?..

*
* *

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелыхъ думъ полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоитъ;
Знакомый городъ передъ ней
Волнуется, шумитъ;
Къ обширной площади бѣгутъ
Несмѣтныя толпы:
Чиновный людъ, торговый людъ,
Разносчики, попы;
Пестрѣютъ шляпки, бархатъ, шелкъ,
Тулупы, армяки...

Стоялъ ужъ тамъ какой-то полкъ,
Пришли еще полки,
Побольше тысячи солдатъ
Сошлось. Они "ура!" кричатъ,
Они чего-то ждутъ...

Народъ галдѣлъ, народъ зѣвалъ,
Едва ли сотый понималъ,
Что дѣлается тутъ...
За то посмѣивался въ усъ,
Лукаво щуря взоръ,
Знакомый съ бурями французъ,
Столичный куаферъ...

Приспѣли новые полки.
"Сдавайтесь!" тѣмъ кричатъ.
Отвѣтъ имъ—пули и штыки,
Сдаваться не хотятъ.
Какой-то бравый генералъ,
Влетѣвъ въ каре, грозиться сталъ—
Съ коня снесли его.
Другой приблизился къ рядамъ:
"Прощенье обѣщаемъ вамъ!"
Убили и того.

Явился самъ митрополитъ
Съ хоругвями, съ крестомъ.
Покайтесь, братія! гласитъ,
Падите ницъ челомъ!
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружнъ былъ отвѣтъ:
"Уйди, старикъ! молись за насъ!
Тебѣ здѣсь дѣла нѣтъ..."
Тогда-то пушки навели,
Раздалось: пер-ва-я! па-ли!
. . . . . .
Княгиня, память потерявъ,
Упала съ высоты стремглавъ.

Предъ нею длинный и сырой
Подземный корридоръ,
У каждой двери часовой,
Всѣ двери на запоръ.
Прибою волнъ подобный плескъ
Снаружи слышенъ ей;
Внутри—бряцанье, ружей блескъ
При свѣтѣ фонарей;
Да отдаленный шумъ шаговъ
И долгій гулъ отъ нихъ,
Да перекрестный бой часовъ,
Да крики часовыхъ...

Съ ключами старый и сѣдой,
Усатый инвалидъ—
"Иди, печальница, за мной!"
Ей тихо говоритъ:
"Я проведу тебя къ нему,
"Онъ живъ и невредимъ...
Она довѣрялась ему,
Она пошла за нимъ...

Шли долго, долго... Наконецъ,
Дверь визгнула,—и вдругъ
Предъ нею онъ... живой мертвецъ...
Предъ нею—бѣдный другъ!
Упавъ на грудь ему, она
Торопится спросить:
"Скажи, что дѣлать?. . .
. . . . . .
Достанетъ мужества въ груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?.."—
. . . . . .

"О милый? что сказалъ ты? Словъ
Не слышу я твоихъ:

То этотъ страшный бой часовъ,
То крики часовыхъ!
Зачѣмъ тутъ третій междунасъ?..
— Наивенъ твой вопросъ.

— 'Пора! пробилъ урочный часъ!"
Тотъ "третій" произнесъ...

*
* *

Княгиня вздрогнула,—глядитъ
Испуганно кругомъ,
Ей ужасъ сердце леденитъ:
Не все тутъ было сномъ!..
Луна плыла среди небесъ
Безъ блеска, безъ лучей,
Налѣво былъ угрюмый лѣсъ,
Направо—Енисей .
Темно! На встрѣчу ни души,
Ямщикъ на козлахъ спалъ,
Голодный волкъ въ лѣсной глуши
Пронзительно стоналъ,
Да вѣтеръ бился и ревѣлъ,
Играя на рѣкѣ,
Да инородецъ гдѣ-то пѣлъ
На странномъ языкѣ.
Суровымъ паѳосомъ звучалъ
Невѣдомый языкъ,
И пуще сердце надрывалъ,
Какъ въ бурю чайки крикъ...
Княгинѣ холодно: въ ту ночь
Морозъ былъ нестерпимъ;
Упали силы; ей не въ мочь
Бороться больше съ нимъ.
Разсудкомъ ужасъ овладѣлъ.
Что не доѣхать ей.

Ямщикъ давно уже не пѣлъ,
Не понукалъ коней,
Передней тройки не слыхать...
"Эй, живъ-ли ты, ямщикъ?
"Что ты замолкъ? не вздумай спать!"
— Не бойтесь, я привыкъ...

Летятъ... Изъ морзлаго окна
Не видно ничего:
Опасный гонитъ сонъ она,
Но не прогнать его!
Онъ волю женщины больной
Мгновенно покорилъ,
И, какъ волшебникъ, въ край родной
Ее переселилъ.
Тотъ край—онъ ей уже знакомъ—
Какъ прежде, нѣги полнъ,
И теплымъ солнечнымъ лучемъ,
И сладкимъ пѣньемъ волнъ
Ее привѣтствовалъ, какъ другъ...
Куда не поглядитъ:
"Да, это—югъ! да,—это югъ!"
Все взору говоритъ...
Ни тучки въ небѣ голубомъ,
Долина вся въ цвѣтахъ,
Все солнцемъ залито,—на всемъ,
Внизу и на горахъ,
Печать могучей красоты,
Ликуетъ все вокругъ;
Ей солнце, море и цвѣты
Поютъ: "да, это—югъ!"

Въ долинѣ, между цѣпью горъ
И моремъ голубымъ,
Она летитъ во весь опоръ
Съ избранникомъ своимъ.
Дорога ихъ—роскошный садъ:
Съ деревьевъ льется ароматъ,

На каждомъ деревѣ горитъ
Румяный, пышный плодъ;
Сквозь вѣтви темныя сквозитъ
Лазурь небесъ и водъ;
По морю рѣютъ корабли,
Мелькаютъ паруса.
А горы, видныя вдали,
Уходятъ въ небеса.
Какъ чудны краски ихъ! За часъ
Рубины рдѣли тамъ,
Теперь заискрился топазъ
По бѣлымъ ихъ хребтамъ...
Вотъ вьюочный мулъ идетъ шажкомъ,
Въ бубенчикахъ, въ цвѣтахъ,
За муломъ—женщина съ вѣнкомъ,
Съ корзинкою въ рукахъ.
Она кричитъ имъ добрый путь!
И, засмѣявшись вдругъ ,
Бросаетъ быстро ей на грудь
Цвѣтокъ... да! это югъ!
Страна античныхъ смуглыхъ дѣвъ
И вѣчныхъ розъ страна...
Чу! мелодическій напѣвъ,
Чу! музыка слышна!

"Да, это югъ! да, это югъ
(Поетъ ей добрый сонъ)
Опять съ тобой любимый другъ,
Опять свободенъ онъ!..."

Часть вторая.

Уже два мѣсяца почти
Безсмѣнно день и ночь въ пути

На-диво сложенный возокъ,
А все конецъ пути далекъ!

Княгининъ спутникъ такъ усталъ,
Что подъ Иркутскомъ захворалъ;

Два дня прождавъ его, она
Помчалась далѣе она...

Ее въ Иркутскѣ встрѣтилъ самъ
Начальникъ городской;
Какъ мощи сухъ, какъ палка прямъ,
Высокій и сѣдой.
Сползла съ плеча его даха,
Подъ ней—кресты, мундиръ,
На шляпѣ—перья пѣтуха.
Почтенный бригадиръ,
Ругнувъ за что-то ямщика,
Поспѣшно подскочилъ
И дверцы прочнаго возка
Княгинѣ отворилъ...

Княгиня входитъ въ станціонный домъ.

Въ Нерчинскъ! закладывать скорѣй!

Губернаторъ.

Пришелъ я—встрѣтить васъ.

Княгиня.

Велите-жъ дать мнѣ лошадей!

Губернаторъ.

Прошу помедлить часъ,
Дорога наша такъ дурна,
Вамъ нужно отдохнуть...

Княгиня.

Благодарю васъ! я сильна...
Ужъ не далекъ мой путь...

Губернаторъ.

Все-жъ будетъ верстъ до восьмисотъ;
А главная бѣда:
Дорога хуже тутъ пойдетъ,
Опасная ѣзда!..
Два слова нужно вамъ сказать
По службѣ, — и притомъ
Имѣлъ я счастье графа знать,
Семь лѣтъ служилъ при немъ.
Отецъ вашъ—рѣдкій человѣкъ
По сердцу, по уму;
Запечатлѣвъ въ душѣ на вѣкъ
Признательность къ нему,
Къ услугамъ дочери его
Готовъ я... весь я вашъ...

Княгиня.

Но мнѣ не нужно ничего!

Отворяя дверь въ сѣни.

Готовъ ли экипажъ?

Губернаторъ.

Покуда я не прикажу,
Его не подадутъ...

Княгиня.

Такъ прикажите-жъ! Я прошу...

Губернаторъ.

Но есть зацѣпка тутъ:

Съ послѣдней почтой прислана
Бумага...

Княгиня.

Что-же въ ней?
Ужъ не вернуться-ль я должна?

Губернаторъ.

Да-съ, было бы вѣрнѣй.

Княгиня.

Да кто-жъ прислалъ вамъ и о чемъ
Бумагу? что-же—тамъ
Шутили, что-ли, надъ отцомъ?
Онъ все устроилъ самъ!

Губернаторъ.

Нѣтъ.. не рѣшусь я утверждать...
Но путь еще далекъ...

Княгиня.

Такъ что же даромъ и болтать!
Готовъ ли мой возокъ?

Губернаторъ.

Нѣтъ.. Я еще не приказалъ...
Княгиня! Здѣсь я царь!
Садитесь! Я уже сказалъ,
Что зналъ я графа встарь,
А графъ... хоть онъ васъ отпустилъ,
По добротѣ своей,
Но вашъ отъѣздъ его убилъ...
Вернитесь поскорѣй.

Княгиня.

Нѣтъ! что однажды рѣшено—
Исполню до конца!
Мнѣ вамъ разсказывать смѣшно,
Какъ я люблю отца,
Какъ любитъ онъ. Но долгъ другой,
И выше, и святѣй,
Меня зоветъ. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

Губернаторъ.

Позвольте-съ. Я согласенъ самъ,
Что дорогъ каждый часъ;
Но хорошо-ль извѣстно вамъ,
Что ожидаетъ васъ?
Безплодна наша сторона,
А та—еще бѣднѣй;
Короче нашей тамъ весна,
Зима—еще длиннѣй.
Да-съ, восемь мѣсяцевъ зима
Тамъ—знаете ли вы?
Тамъ люди рѣдки безъ клейма,
И тѣ душой черствы;
На волѣ рыскаютъ кругомъ
Тамъ только варнаки,
Ужасенъ тамъ тюремный домъ,
Глубоки рудники.
Вамъ не придется съ мужемъ быть
Минуты глазъ-на-глазъ;
Въ казармѣ общей надо жить,
А пища: хлѣбъ да квасъ.
Пять тысячъ каторжниковъ тамъ,
Озлоблены судьбой,
Заводятъ драки по ночамъ,
Убійства и разбой;

Коротокъ имъ и страшенъ судъ,—
Грознѣе нѣтъ суда!
И вы, княгиня, вѣчно тутъ,
Свидѣтельницей... Да!
Повѣрьте, васъ не пощадятъ,
Не сжалится никто!
Пускай вашъ мужъ—онъ виноватъ...
А вамъ перпѣть... за что?

Княгиня.

Ужасна будетъ, знаю я,
Жизнь мужа моего;
Пускай же будетъ и моя
Не радостнѣй его!

Губернаторъ.

Но вы не будете тамъ жить:
Тотъ климатъ васъ убьетъ;
Я васъ обязанъ убѣдить:
Не ѣздите впередъ!
Ахъ! вамъ ли жить въ странѣ такой,
Гдѣ воздухъ у людей
Не паромъ—пылью ледяной
Выходитъ изъ ноздрей?
Гдѣ мракъ и холодъ круглый годъ,
А въ краткіе жары
Непросыхающихъ болотъ
Зловредные пары?
Да... страшный край! Оттуда прочь
Бѣжитъ и звѣрь лѣсной,
Когда сто-суточная ночь
Повиснетъ надъ страной...

Княгиня.

Живутъ же люди въ томъ краю!
Привыкну я, шутя...

Губернаторъ.

Живутъ? но молодость свою
Припомните... дитя!
Здѣсь мать—водицей снѣговой,
Родивъ, омоетъ дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкаетъ всю ночь,
А будитъ дикій звѣрь, рыча
Близь хижины лѣсной,
Да пурга, бѣшено стуча
Въ окно какъ домовой.
Съ глухихъ лѣсовъ, съ пустынныхъ рѣкъ
Сбирая дань свою,
Окрѣпъ туземный человѣкъ
Съ природою въ бою.
А вы?..

Княгиня.

Пусть смерть мнѣ суждена—
Мнѣ нечего жалѣть!..
Я ѣду! ѣду! я должна
Близь мужа умереть.

Губернаторъ.

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ѣздите туда!
Сноснѣе одному,
Уставъ отъ тяжкаго труда,
Придти въ свою тюрьму,
Придти— и лечь на голый полъ
И съ черствымъ сухаремъ

Заснуть... а добрый сонъ пришелъ—
И узникъ сталъ царемъ!
Летя мечтой къ роднымъ, къ друзьямъ,
Увидя васъ самихъ,
Проснется онъ къ дневнымъ трудамъ
И бодръ, и сердцемъ тихъ.
А съ вами?.. съ вами не знавать
Ему счастливыхъ грезъ,
Въ себѣ онъ будетъ сознавать
Причину вашихъ слезъ.

Княгиня.

Ахъ!.. Эти рѣчи поберечь
Вамъ лучше для другихъ.
Всѣмъ вашимъ пыткамъ не извлечь
Слезы изъ глазъ моихъ!
Покинувъ родину, друзей,
Любимаго отца,
Принявъ обѣтъ въ душѣ моей
Исполнить до конца
Мой долгъ,—я слезъ не принесу
Въ проклятую тюрьму—
Я гордость, гордость въ немъ спасу,
Я силы дамъ ему!

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Губернаторъ.

Прекрасныя мечты!
Но ихъ достанетъ на пять дней.
Не вѣкъ же вамъ грустить?
Повѣрьте совѣсти моей,
Захочется вамъ жить.
Здѣсь—черствый хлѣбъ, тюрьма, позоръ,
Нужда и вѣчный гнетъ,

А тамъ—балы, блестящій дворъ,
Свобода и почетъ.
Какъ знать! Быть можетъ, Богъ судилъ...
Понравится другой,
Законъ васъ права не лишилъ...

Княгиня.

Молчите!.. Боже мой!..

Губернаторъ.

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше въ свѣтъ.

Княгиня.

Благодарю, благодарю
За добрый вашъ совѣтъ!

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Нѣтъ, въ этотъ выбруленный лѣсъ
Меня не заманятъ,
Гдѣ были дубы до небесъ,
А нынче пни торчатъ!
Вернуться? жить среди клеветъ,
Пустыхъ и темныхъ дѣлъ?..
Тамъ мѣста нѣтъ, тамъ друга нѣтъ
Тому, кто разъ прозрѣлъ!

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Забыть того, кто насъ любилъ,
Вернуться—все простя?...

Губернаторъ.

Но онъ же васъ не пощадилъ?
Подумайте, дитя:
О комъ тоска, къ кому любовь?

Княгиня.

Молчите, генералъ!

Губернаторъ.

Когда-бъ не доблестная кровь
Текла въ васъ—я-бъ молчалъ.
Но если рветесь вы впередъ,
Не вѣря ничему,
Быть можетъ, гордость васъ спасетъ...
Достались вы ему
Съ богатствомъ, съ именемъ, съ умомъ;
Съ довѣрчивой душой,
А онъ, не думая о томъ,
Что станется съ женой,
Увлекся призракомъ пустымъ,
И—вотъ его судьба!..
И что-жъ?.. бѣжите вы за нимъ,
Какъ жалкая раба!

Княгиня.

Нѣтъ, я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба—
Я буду ей вѣрна!
О, еслибъ онъ меня забылъ
Для женщины другой,
Въ моей душѣ достало-бъ силъ
Не быть его рабой!

Но знаю: къ родинѣ любовь
Соперница моя,
И еслибъ нужно было, вновь
Ему простила-бъ я!..

*
* *

Княгиня кончила... Молчалъ
Упрямый старичекъ.
— Ну, что-жъ? Велите, генералъ,
Готовить мой возокъ?
Не отвѣчая на вопросъ,
Смотрѣлъ онъ долго въ полъ,
Потомъ въ раздумьи произнесъ:
"До завтра"—и ушелъ...

*
* *

На завтра тотъ же разговоръ:
Просилъ и убѣждалъ,
Но получилъ опять отпоръ
Почтенный генералъ.
Всѣ убѣжденья истощивъ
И выбившись изъ силъ,
Онъ долго, важенъ, молчаливъ,
По комнатѣ ходилъ
И, наконецъ, сказалъ: "Быть такъ!
Васъ не спасешь, увы!..
Но знайте, сдѣлавъ этотъ шагъ,
Всего лишитесь вы!"
— Да что же мнѣ еще терять?
"За мужемъ поскакавъ,
Вы отреченье подписать
Должны отъ вашихъ правъ!"

Старикъ эффектно замолчалъ:
Отъ этихъ страшныхъ словъ
Онъ, очевидно, пользы ждалъ;
Но былъ отвѣтъ таковъ:
"У васъ сѣдая голова,
А вы еще дитя!
Вамъ наши кажутся права
Правами—не шутя.
Нѣтъ! ими я не дорожу,
Возьмите ихъ скорѣй!
Гдѣ отреченье? Подпишу!
И живо—лошадей!.."

Губернаторъ.

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Вѣдь это значитъ—нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вамъ дано отцомъ,
Что по наслѣдству перейти
Должно бы къ вамъ потомъ!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нѣтъ! вы подумайте сперва—
Зайду я къ вамъ опять!..

*
* *

Ушелъ и не былъ цѣлый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая, какъ тѣнь,
Пошла къ нему сама.
Ее не принялъ генералъ:
Хвораетъ тяжело...

Пять дней, покуда онъ хворалъ,
Мучительныхъ прошло,
А на шестой пришелъ онъ самъ
И круто молвилъ ей:
"Я отпустить не въ правѣ вамъ,
Княгиня, лошадей!
Васъ по этапу поведутъ
Съ конвоемъ..."

Княгиня.

Боже мой!
Но такъ вѣдь мѣсяцы пройдутъ
Въ дорогѣ!..

Губернаторъ.

Да, весной
Въ Нерчинскъ придете, если васъ
Дорога не убьетъ.
Наврядъ версты четыре въ часъ
Закованный идетъ:
По серединѣ дня—привалъ,
Съ закатомъ дня—ночлегъ,
А ураганъ въ степи засталъ—
Закапывайся въ снѣгъ!
Да-съ, промедленьямъ нѣтъ числа,
Иной упалъ, ослабъ....

Княгиня.

Не хорошо я поняла—
Что значитъ вашъ этапъ?

Губернаторъ.

Подъ карауломъ казаковъ
Съ оружіемъ въ рукахъ,
Этапомъ водимъ мы воровъ
И каторжныхъ въ цѣпяхъ.

Они дорогою шалятъ,
Того гляди—сбѣгутъ,
Такъ ихъ канатомъ прикрутятъ
Другъ къ другу—и ведутъ.
Трудненекъ путь! Да вотъ-съ каковъ:
Отправится пятьсотъ,
А до нерчинскихъ рудниковъ
И трети не дойдетъ!
Они какъ мухи мрутъ въ пути,
Особенно зимой...
И вамъ, княгиня, такъ идти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня.

О, нѣтъ! я этого ждала...
Но вы, но вы... злодѣй!..
Недѣля цѣлая прошла...
Нѣтъ сердца у людей!
Зачѣмъ бы разомъ не сказать?..
Ужъ шла бы я давно...
Велите-жъ партію сбирать—
Иду! мнѣ все равно!..

*
* *

"Нѣтъ! вы поѣдете!.." вскричалъ
Нежданно старый генералъ,
Закрывъ рукой глаза:
"Какъ я васъ мучилъ... Боже мой!.."
(Изъ-подъ руки на усъ сѣдой
Скатилася слеза).
"Простите! да, я мучилъ васъ,
Но мучился и самъ,
Но строгій я имѣлъ приказъ
Преграды ставить вамъ!
И развѣ ихъ не ставилъ я?

Я дѣлалъ все, что могъ,
Передъ судомъ душа моя
Чиста, свидѣтель Богъ!
Острожнымъ жесткимъ сухаремъ
И жизнью взаперти,
Позоромъ, ужасомъ, трудомъ
Этапнаго пути
Я васъ старался напугать:
Не испугались вы!
И хоть бы мнѣ не удержать
На плечахъ головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше васъ...
Я васъ въ три дня туда домчу...

Отворяя дверь, кричитъ:

Эй, запрягать, сейчасъ!..”

II.

КНЯГИНЯ ВОЛКОНСКАЯ.

(1826—27 г.).

I.

Проказники внуки! Сегодня они
Съ прогулки опять воротились:
"Намъ, бабушка, скучно! Въ ненастные дни,
Когда мы въ портретной садились
И ты начинала разсказывать намъ,
Такъ весело было!.. Родная,
Еще что-нибудь разскажи!.." По угламъ
Усѣлись. Но ихъ прогнала я:
"Успѣете слушать; разсказовъ моихъ
Достанетъ на цѣлые томы,
Но вы еще глупы: узнаете ихъ,
Какъ будете съ жизнью знакомы!
Я все разсказала, доступное вамъ
По вашимъ ребяческимъ лѣтамъ:
Идите гулять по полямъ, по лугамъ!
Идите же... пользуйтесь лѣтомъ!"

И вотъ, не желая остаться въ долгу
У внуковъ, пишу я записки;
Для нихъ я портреты людей берегу,
Которые были мнѣ близки,
Я имъ завѣщаю альбомъ—и цвѣты
Съ могилы сестры-Муравьевой,
Коллекцію бабочекъ, флору Читы
И виды страны той суровой;

Я имъ завѣщаю желѣзный браслетъ...
Пускай берегутъ его свято:
Въ подарокъ женѣ, его выковалъ дѣдъ
Изъ собственной цѣпи когда-то...

Родилась я, милые внуки мои,
Подъ Кіевомъ, въ тихой деревнѣ;
Любимая дочь я была у семьи.
Нашъ родъ былъ богатый и древній,
Но пуще отецъ мой возвысилъ его:
Заманчивѣй славы героя,
Дороже отчизны—не зналъ ничего
Боецъ, не любившій покоя.
Творя чудеса, девятнадцати лѣтъ
Онъ былъ полковымъ командиромъ,
Онъ мужествомъ добылъ и лавры побѣдъ,
И почести, чтимыя міромъ.
Воинская слава его началась
Персидскимъ и шведскимъ походомъ,
Но память о немъ нераздѣльно слилась
Съ великимъ двѣнадпатымъ годомъ:
Тутъ жизнь его долгимъ сраженьемъ была.
Походы мы съ нимъ раздѣляли,
И въ мѣсяцъ иной не запомнимъ числа,
Когда-бъ за него не дрожали.
"Заищтникъ Смоленска" всегда впереди
Опаснаго дѣла являлся...
Подъ Лейпцигомъ раненый, съ пулей въ груди,
Онъ вновь черезъ сутки сражался,—
Такъ лѣтопись жизни его говоритъ;
Въ ряду полководцевъ Россіи,
Покуда отечество наше стоитъ,
Онъ памятенъ будетъ! Витіи
Отца моего осыпали хвалой,
Безсмертнымъ его называя;
Жуковскій почтилъ его громкой строфой,
Россійскихъ вождей прославляя:

Подъ Дашковой личнаго мужества жаръ
И жертву отца-патріота
Поэтъ воспѣваетъ. Воинственный даръ
Являя въ сраженьяхъ безъ счета,
Не силой одною враговъ побѣждалъ
Вашъ прадѣдъ въ борьбѣ исполинской:
О немъ говорили, что онъ сочеталъ
Съ отвагою геній воинскій.

Войной озабоченъ, въ семействѣ своемъ
Отецъ ни во что не мѣшался,
Но крутъ былъ порою; почти божествомъ
Онъ матери нашей казался,
И самъ онъ глубоко привязанъ былъ къ ней.
Отца мы любили—въ героѣ.
Окончивъ походы, въ усадьбѣ своей
Онъ медленно гасъ на покоѣ.
Мы жили въ большомъ, подгородномъ дому.
Дѣтей поручивъ англичанкѣ,
Старикъ отдыхалъ. Я училась всему,
Что нужно богатой дворянкѣ,
А послѣ уроковъ бѣжала я въ садъ
И пѣла весь день беззаботно.
Мой голосъ былъ очень хорошъ, говорятъ,
Отецъ его слушалъ охотно;
Записки свои приводилъ онъ къ концу,
Читалъ онъ газеты, журналы,
Пиры задавалъ; наѣзжали къ отцу
Сѣдые, какъ онъ, генералы,
И шли безконечные споры тогда;
Межъ тѣмъ молодежь танцовала.
Сказать ли вамъ правду? была я всегда
Въ то время царицею бала:
Очей моихъ томныхъ огонь голубой
И черная съ синимъ отливомъ
Большая коса, и румянецъ густой
На личикѣ смугломъ, красивомъ,
И ростъ мой высокій, и гибкій мой станъ,

И гордая поступь—плѣняли
Тогдашнихъ красавцевъ: гусаровъ, уланъ,
Что близко съ полками стояли,
Но слушала я неохотно ихъ лесть...
Отецъ за меня постарался;
"Не время ли замужъ? Женихъ уже есть,
Онъ славно подъ Лейпцигомъ дрался,
Его полюбилъ Государь, нашъ отецъ,
И далъ ему чинъ генерала.
Постарше тебя... а собой молодецъ,—
Волконскій! Его ты видала
На царскомъ смотру... и у насъ онъ бывалъ,
По парку съ тобой все шатался!"
— Да, помню! Высокій такой генералъ...
"Онъ самый!" Старикъ засмѣялся...
— Отецъ! онъ такъ мало со мной говорилъ...
Замѣтила я, покраснѣла...
"Ты будешь съ нимъ счастлива!" круто рѣшилъ
Старикъ,—возражать я не смѣла...

Прошло двѣ недѣли и я подъ вѣнцомъ
Съ Сергѣемъ Волконскимъ стояла;
Не много я знала его женихомъ,
Не много и мужемъ узнала:—
Такъ мало мы жили подъ кровлей одной,
Такъ рѣдко другъ друга видали!
По дальнимъ селеньямъ, на зимній постой
Бригаду его разбросали,
Ее объѣзжалъ безпрастанно Сергѣй,
А я, между тѣмъ, расхворалась;
Въ Одессѣ потомъ, по совѣту врачей,
Я цѣлое лѣто купалась;
Зимой онъ пріѣхалъ за мною туда,
Съ недѣлю я съ нимъ отдохнула
При главной квартирѣ... и снова бѣда!
Однажды я крѣпко уснула,
Вдругъ слышу я голосъ Сергѣя (въ ночи,
Почти на разсвѣтѣ то было):

"Вставай! Поскорѣе найди мнѣ ключи!
Каминъ затопи!" Я вскочила...
Взглянула: встревоженъ и блѣденъ онъ былъ...
Каминъ затопила я живо.
Изъ ящиковъ мужъ мой бумаги сносилъ
Къ камину—и жегъ торопливо.
Иныя прочитывалъ бѣгло, спѣша,
Иныя бросалъ, не читая.
И я помогала Сергѣю, дрожа
И глубже въ огонь ихъ толкая...
Потомъ онъ сказалъ: "Мы поѣдемъ сейчасъ",
Волосъ моихъ нѣжно касаясь.
Все скоро уложено было у насъ,
И утромъ, ни съ кѣмъ не прощаясь,
Мы тронулись въ путь. Мы скакали три дня,
Сергѣй былъ угрюмъ, торопился,
Довезъ до отцовской усадьбы меня
И тотчасъ со мною простился.

II.

Уѣхалъ!.. Что значила блѣдность его
И все, что въ ту ночь совершилось?
Зачѣмъ не сказалъ онъ женѣ ничего?
Недоброе что-то случилось!..
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнѣнія душу терзали;
"Уѣхалъ, уѣхалъ! опять я одна!.."
Родные меня утѣшали,
Отецъ торопливость его объяснялъ
Какимъ-нибудь дѣломъ случайнымъ:
"Куда-нибудь самъ императоръ послалъ
Его съ порученіемъ тайнымъ;
Не плачь! Ты походы дѣлила со мной
Превратности жизни военной
Ты знаешь; онъ скоро вернется домой!
Подъ сердцемъ залогъ драгоцѣнный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!

Все кончится ладно, родная:
Жена муженька проводила одна,
А встрѣтитъ, ребенка качая!.."

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидѣться съ бѣдной женою
И съ первенцемъ-сыномъ отцу довелось
Не здѣсь—не подъ кровлей родною!

Какъ дорого стоилъ мнѣ первенецъ мой!
Два мѣсяца я прохворала.
Измучена тѣломъ, убита душой,
Я первую—няню узнала.
Спросила о мужѣ.—Еще не бывалъ!
"Писалъ ли?"—И писемъ нѣтъ даже.
"А гдѣ мой отецъ?"—Въ Петербургъ ускакалъ.
"А братъ мой?"—Уѣхалъ туда же.

"Мой мужъ не пріѣхалъ, нѣтъ даже письма,
И братъ и отецъ ускакали",—
Сказала я матушкѣ:—"ѣду сама!
Довольно, довольно мы ждали"—
И какъ ни старалась упрашивать дочь
Старушка,—я твердо рѣшилась;
Припомнила я ту послѣднюю ночь
И все, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что съ мужемъ моимъ
Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливамъ рѣчнымъ
Пришлось черепахой тащиться.
Доѣхала я чуть живая опять.
"Гдѣ мужъ мой?"—отца я спросила.
— Въ Молдавію мужъ твой ушелъ воевать.
"Не пишетъ онъ?..." Глянулъ уныло
И вышелъ отецъ... Недоволенъ былъ братъ,
Прислуга молчала, вздыхая...
Замѣтила я, что со мною хитрятъ,

Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мнѣ нуженъ покой,
Ко мнѣ никого не пускали,
Меня окружили какой-то стѣной,
Мнѣ даже газетъ не давали!
Я вспомнила: много у мужа родныхъ,
Пишу—отвѣчать умоляю,
Проходятъ недѣли,—ни слова отъ нихъ!
Я плачу, я силы теряю...

Нѣтъ чувства мучительнѣй тайной грозы.
Я клятвой отца увѣряла,
Что я не пролью не единой слезы,—
И онъ, и кругомъ все молчало!
Любя меня мучилъ мой бѣдный отецъ;
Жалѣя удвоивалъ горе...
Узнала, узнала я все наконецъ!..
Прочла я въ самомъ приговорѣ,
Что былъ заговорщикомъ бѣдный Сергѣй:
Стояли они на-сторожѣ,
Готовя несчастье отчизнѣ своей;
Въ вину ему ставилось тоже,
Что онъ... Закружилась моя голова...
Я вѣрить глазамъ не хотѣла...
"Ужели?..." въ умѣ не вязались слова:
Сергѣй—и безчестное дѣло!

Я помню, сто разъ я прочла приговоръ,
Вникая въ слова роковыя:
Къ отцу побѣжала,—съ отцомъ разговоръ
Меня успокоилъ, родные!
Съ души словно камень тяжелый упалъ.
Въ одномъ я Сергѣя винила:
Зачѣмъ онъ женѣ ничего не сказалъ?
Подумавъ, и то я простила:
"Какъ могъ онъ болтать? Я была молода,
Когда-жъ онъ со мной разставался,
Я сына подъ сердцемъ носила тогда:

За мать и дитя онъ боялся!"
Такъ думала я.—"Пусть бѣда велика,
Не все потеряла я въ мірѣ.
Сибирь такъ ужасна, Сибирь далека,
Но люди живутъ и въ Сибири!.."

Всю ночь я горѣла, мечтая о томъ,
Какъ буду лелѣять Сергѣя.
Подъ утро глубокимъ, крѣпительнымъ сномъ
Уснула,—и встала бодрѣе.
Поправилось скоро здоровье мое,
Пріятельницъ я повидала,
Нашла я сестру,—разспросила ее
И горькаго много узнала!
Несчастные люди!... "Все время Сергѣй"
(Сказала сестра) "содержался
Въ тюрьмѣ" не видалъ ни родныхъ, ни друзей...
Вчера только съ нимъ повидался
Отецъ. Повидаться съ нимъ можешь и ты:
Когда приговоръ прочитали,
Одѣли ихъ въ рубище, сняли кресты,
Но право свиданья имъ дали!.."

. . . . . .

Я въ крѣпость поѣхала къ мужу съ сестрой.
Пришли мы сперва къ "генералу",
Потомъ насъ привелъ генералъ пожилой
Въ обширную, мрачную залу.
"Дождитесь, княгиня! мы будемъ сейчасъ!"
Раскланившись вѣжливо съ нами,
Онъ вышелъ. Съ дверей не спускала я глазъ,
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,
За ними я мыслью летѣла,
Мнѣ чудилось: связку ключей принесли
И ржавая дверь заскрипѣла,
Въ угрюмой каморкѣ съ желѣзнымъ окномъ
Измученный узникъ томился.

— Жена къ вамъ пріѣхала!.. Блѣдный лицомъ,
Онъ весь задрожалъ, оживился:
— Жена!.. корридоромъ онъ быстро бѣжалъ,
Довѣриться слуху не смѣя...
— Вотъ онъ! громогласно сказалъ генералъ,—
И я увидала Сергѣя...
Недаромъ надъ нимъ пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно блѣдно, глаза
Не такъ уже ярко свѣтились,
Но больше въ нихъ было, чѣмъ въ прежніе дни,
Той тихой, знакомой печали;
Съ минуту пытливо смотрѣли они,
И радостью вдругъ заблистали:
Казалось онъ въ душу мою заглянулъ...
Я горько, припавъ къ его груди,
Рыдала... Онъ обнялъ меня и шепнулъ:
"Здѣсь есть посторонніе люди".
Потомъ онъ сказалъ, что полезно ему
Узнать добродѣтель смиренья,
Что, впрочемъ, легко переносить тюрьму,
И нѣсколько словъ одобренья
Прибавилъ... По комнатѣ важно шагалъ
Свидѣтель: намъ было неловко...
Сергѣй на одежду свою показалъ;
"Поздравь меня, Маша, съ обновкой"
И тихо прибавилъ: "пойми и прости"—
Глаза засверкали слезою...
Но тутъ соглядатай успѣлъ подойти,
Онъ низко поникъ головою.
Я громко сказала: "Да, я не ждала
Найти тебя въ этой одеждѣ"
И тихо шепнула: я все поняла,
Люблю тебя больше, чѣмъ прежде...
"Что дѣлать? И въ каторгѣ буду я жить"
(Покуда мнѣ жить не наскучитъ).
— Ты живъ, ты здоровъ, такъ о чемъ же тужить?
(Вѣдь каторга насъ не разлучитъ?)

"Такъ вотъ ты какая!" Сергѣй говорилъ,
Лицо его весело было...
Онъ вынулъ платокъ, на окно положилъ,
И рядомъ я свой положила,
Потомъ, разставаясь, Сергѣевъ платокъ
Взяла я—мой мужу остался....
Намъ, послѣ годичной разлуки, часокъ
Свиданья коротокъ казался,
Но что-жъ дѣлать! Нашъ срокъ миновалъ—
Пришлось бы другимъ дожидаться...
Въ карету меня подсадилъ генералъ,
Счастливо желалъ оставаться...

Великую радость нашла я въ платкѣ:
Цѣлуя его, увидала
Я нѣсколько словъ на одномъ уголкѣ:
Вотъ что я, дрожа, прочитала:
"Мой другъ, ты свободна. Пойми—не пеняй!
"Душевно я бодръ и—желаю
"Жену мою видѣть такой же. Прощай!
"Малюткѣ поклонъ посылаю..."

Была въ Петербургѣ большая родня
У мужа; все знать—да какая!
Я ѣздила къ нимъ, волновалась три дня,
Сергѣя спасти умоляя.
Но сдѣлать они ничего не могли...
Я съ мужемъ еще повидалась,
И время приспѣло: его увезли!..
Какъ только одна я осталась,
Я тотчасъ послышала въ сердцѣ моемъ,
Что надо и мнѣ торопиться:
Мнѣ душенъ казался родительскій домъ,
И стала я къ мужу проситься.

Теперь разскажу вамъ подробно, друзья,
Мою роковую побѣду.
Вся дружно и грозно возстала семья,

Когда я сказала: "я ѣду!"
Не знаю, какъ мнѣ удалось устоять.
Чего натерпѣлась я... Боже!..
Была изъ-подъ Кіева вызвана мать,
И братья пріѣхали тоже:
Отецъ "образумить" меня приказалъ,
Они убѣждали, просили,
Но волю самъ Господь подкрѣплялъ,
Ихъ рѣчи ея не сломили!
А много и горько поплакать пришлось...
Когда собрались мы къ обѣду,
Отецъ мимоходомъ мнѣ бросилъ вопросъ:
"На что ты рѣшилась?"—Я ѣду!
Отецъ промолчалъ, промолчала семья...
Я вечеромъ горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я...
Вдругъ входитъ отецъ,—я вздрогнула!..
Ждала я грозы; но, печаленъ и тихъ,
Сказалъ онъ сердечно и кротко:
"За что обижаешь ты кровныхъ родныхъ?
Что будетъ съ несчастнымъ сироткой?
Что будетъ съ тобою, голубка моя?
Тамъ нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты тамъ только могилу!"
И ждалъ онъ отвѣта, и взглядъ мой ловилъ,
Лаская меня и цѣлуя...
"Я самъ виноватъ! Я тебя погубилъ!"
Воскликнулъ онъ вдругъ, негодуя:
"Гдѣ былъ мой разсудокъ? Гдѣ были глаза?
Ужъ знала вся армія наша..."
И рвалъ онъ сѣдые свои волоса:
"Прости! не казни меня, Маша!
Останься!.." И снова молилъ горячо...
Богъ знаетъ, какъ я устояла!
Припавъ головою къ нему на плечо,
— "Поѣду!" я тихо сказала...
"Посмотримъ!.." И вдругъ распрямился старикъ,

Глаза его гнѣвомъ сверкали:
"Одно повторяетъ твой глупый языкъ:
Поѣду! Сказать не пора ли,
Куда и зачѣмъ? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умѣетъ-ли думать твоя голова?
Врагами ты, что-ли, считаешь
И мать, и отца? Или глупы они,
Что споришь ты съ ними, какъ съ ровней?
Поглубже ты въ сердце свое загляни,
Впередъ посмотри хладнокровнѣй,
Подумай!.. Я завтра увижусь съ тобой..."

Ушелъ онъ, грозящій и гнѣвный,
А я, чуть жива, предъ иконой святой
Упала—въ истомѣ душевной...

III.

"Подумай!.." Я цѣлую ночь не спала,
Молилась и плакала много;
Я Божію Матерь на помощь звала,
Совѣта просила у Бога,
Я думать училась: отецъ приказалъ
Подумать... нелегкое дѣло!
Давно-ли онъ думалъ за насъ—и рѣшалъ,
И жизнь наша мирно летѣла?
Училась я много; на трехъ языкахъ
Читала. Замѣтна была я
Въ парадныхъ гостиныхъ, на свѣтскихъ балахъ,
Искусно танцуя, играя,
Могла говорить я почти обо всемъ,
Я музыку знала, я пѣла,
Я даже отлично скакала верхомъ,
Но думать совсѣмъ не умѣла.
Я только въ послѣдній, двадцатый мой годъ
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да въ дѣтствѣ, бывало, сердечко вздрогнетъ,

Какъ грянетъ нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отецъ
Со мной не говаривалъ строго;
Осьмнадцати лѣтъ я пошла подъ вѣнецъ
И тоже не думала много...

Въ послѣднее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвѣстность томила сперва;
Когда же бѣду я узнала,
Безсмѣнно стоялъ предо мною Сергѣй,
Тюрьмою измученный, блѣдный,
И много невѣдомыхъ прежде страстей,
Посѣялъ въ душѣ моей бѣдной.

Я все испытала, а больше всего—
Жестокое чувство безсилья.
Я небо и сильныхъ людей за него
Молила—напрасны усилья!
И гнѣвъ мою душу больную палилъ,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала... но не было силъ,
Ни времени думать спокойно.

Теперь непремѣнно я думать должна—
Отцу моему такъ угодно.
Пусть воля моя неизмѣнно одна,
Пусть всякая дума безплодна,
Я честно исполнить отцовскій приказъ
Рѣшилась, мои дорогіе.
Старикъ говорилъ: "Ты подумай о насъ,
Мы люди тебѣ не чужіе:
И мать, и отца, и дитя, наконецъ,—
Ты всѣхъ безразсудно бросаешь,
За что же?"—Я долгъ исполняю, отецъ!
— "За что ты себя обрекаешь
На муку?"—Не буду я мучиться тамъ!

Здѣсь ждетъ меня страшная мука.
Да, если останусь, послушная вамъ,—
Меня истерзаетъ разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днемъ,
Рыдая надъ бѣднымъ сироткой,
Все буду я думать о мужѣ моемъ,
Да слышать упрекъ его кроткій.
Куда ни пойду я,—на лицахъ людей
Я свой приговоръ прочитаю:
Въ ихъ шопотѣ—повѣсть измѣны моей,
Въ улыбкѣ—укоръ угадаю:
Что мѣсто мое не на пышномъ балу,
А въ дальней пустынѣ угрюмой,
Гдѣ узникъ усталый въ тюремномъ углу
Терзается лютою думой
Одинъ... безъ опоры... Скорѣе къ нему!
Тамъ только вздохну я свободно!
Дѣлила съ нимъ радость, дѣлить и тюрьму
Должна я... Такъ небу угодно!...

Простите, родные! Мнѣ сердце давно
Мое подсказало рѣшенье
И вѣрю я твердо: отъ Бога оно!
А въ васъ говоритъ—сожалѣнье.
Да, ежели выборъ рѣшить я должна
Межъ мужемъ и сыномъ—не болѣ,
Иду я туда, гдѣ я больше нужна,
Иду я къ тому, кто въ неволѣ!
Я сына оставлю въ семействѣ родномъ,
Онъ скоро меня позабудетъ.
Пусть дѣдушка будетъ малюткѣ отцомъ,
Сестра ему матерью будетъ.
Онъ такъ еще малъ! А когда подростетъ
И страшную тайну узнаетъ,
Я вѣрю: онъ матери чувство пойметъ
И въ сердцѣ ее оправдаетъ!

Но если останусь я съ нимъ... и потомъ

Онъ тайну узнаетъ и спроситъ:
"Зачѣмъ не пошла ты за бѣднымъ отцомъ?"
И слово укора мнѣ броситъ?
О, лучше въ могилу мнѣ заживо лечь,
Чѣмъ мужа лишить утѣшенья
И въ будущемъ сына презрѣнье навлечь...
Нѣтъ, нѣтъ! не хочу я презрѣнья!..

А можетъ случиться—подумать боюсь!—
Я перваго мужа забуду,
Условіямъ новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачихой лютой?.. Горю со стыда...
Прости меня, бѣдный изгнанникъ!
Тебя позабыть? Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранникъ...

Отецъ! ты не знаешь, какъ дорогъ онъ мнѣ!
Его ты не знаешь! Сначала,
Въ блестящемъ нарядѣ, на гордомъ конѣ,
Его предъ полкомъ я видала;
О подвигахъ жизни его боевой
Разсказы товарищей боя
Я слушала жадно—и всею душой
Я въ немъ полюбила героя...

Позднѣе, я въ немъ полюбила отца
Малютки, рожденнаго мною.
Разлука тянулась межъ тѣмъ безъ конца.
Онъ твердо стоялъ подъ грозою...
Вы знаете, гдѣ мы увидѣлись вновь—
Судьба свою волю творила!—
Послѣднюю, лучшую сердца любовь
Въ тюрьмѣ я ему подарила!

Напрасно чернила его клевета,—
Онъ былъ безупречнѣй, чѣмъ прежде,
И я полюбила его, какъ Христа...

Въ своей арестантской одеждѣ
Теперь онъ безсмѣнно стоитъ предо мной,
Величіемъ кроткимъ сіяя;
Терновый вѣнецъ надъ его головой,
Во взорѣ—любовь неземная...
Отецъ мой! должна я увидѣть его...
Умру я, тоскуя по мужѣ...
Ты, долгу служа, не щадилъ ничего,
И насъ научилъ ты тому же...
Герой, выводившій своихъ сыновей
Туда, гдѣ смертельнѣй сраженье,—
Не вѣрю, чтобъ дочери бѣдной своей
Ты самъ не одобрилъ рѣшенье!

Вотъ что я продумала въ долгую ночь,
И такъ я съ отцомъ говорила...
Онъ тихо сказалъ: "Сумасшедшая дочь!"
И вышелъ; молчали уныло
И братья, и мать... Я ушла наконецъ...
Тяжелые дни потянулись:
Какъ туча ходилъ недовольный отецъ,
Другіе домашніе дулись,
Никто не хотѣлъ ни совѣтомъ помочь,
Ни дѣломъ; но я не дремала,
Опять провела я безсонную ночь,—
Письмо къ Государю писала.
(Въ то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
Съ дороги велѣлъ Государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слухъ былъ невѣренъ). Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова...
Самъ Царь отвѣчалъ мнѣ... Спасибо, нашла
Въ отвѣтѣ я доброе слово!
Онъ былъ элегантенъ и милъ (Николай
Писалъ по-французски). Сначала
Сказалъ Государь, какъ ужасенъ тотъ край,
Куда я поѣхать желала,

Какъ грубы тамъ люди, какъ жизнь тяжела,
Какъ возрастъ мой хрупокъ и нѣженъ;
Потомъ намекнулъ (я не вдругъ поняла)
На то, что возвратъ безнадеженъ;
А дальше—изволилъ хвалою почтить
Рѣшимость мою, сожалѣя,
Что, долгу покорный, не могъ пощадить
Преступнаго мужа... Не смѣя
Противиться чувствамъ высокимъ такимъ,
Давалъ онъ свое позволенье;
Но лучше желалъ бы, чтобъ съ сыномъ моимъ
Осталась я дома...

Волненье
Меня охватило. "Я ѣду!" Давно
Такъ радостно сердце не билось!..
"Я ѣду! я ѣду! Теперь рѣшено!.."
Я плакала, жарко молилась...

Въ три дня я въ далекій мой путь собралась,
Все цѣнное я заложила,
Надежною шубой, бѣльемъ запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрѣли на сборы мои,
Загадочно какъ-то вздыхая;
Отъѣзду не вѣрилъ никто изъ семьи...
Послѣднюю ночь провела я
Съ ребенкомъ. Нагнувшись надъ сыномъ моимъ,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я съ нимъ
Печатью письма рокового,
Играла и думала: "бѣдный мой сынъ!
Не знаешь ты, чѣмъ ты играешь!
Здѣсь участь твоя: ты проснешься одинъ,
Несчастный! Ты мать потеряешь!"
И, въ горѣ упавъ на рученки его
Лицомъ, я шептала, рыдая:
"Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бѣдный, покинуть должна я..."

А онъ улыбался; не думалъ онъ спать,
Любуясь красивымъ пакетомъ;
Большая и красная эта печать
Его забавляла...

Съ разсвѣтомъ
Спокойно и крѣпко заснуло дитя,
И щечки его заалѣли.
Съ любимаго личика глазъ не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встрѣтила утро...

Я въ мигъ собралась.
Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну... Сестра поклялась...
Кибитка была ужъ готова.
Сурово молчали родные мои,
Прощаніе было нѣмое.
Я думала: "умерла для семьи,
Все милое, все дорогое
Теряю... нѣтъ счета печальныхъ потерь!.."
Мать какъ-то спокойно сидѣла,
Казалось, не вѣря еще и теперь,
Чтобъ дочка уѣхать посмѣла,
И каждый съ вопросомъ смотрѣлъ на отца.
Сидѣлъ онъ поодаль понуро,
Не молвилъ словечка, не поднялъ лица,—
Оно было блѣдно и хмуро.
Послѣднія вещи въ кибитку снесли,
Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли...
Сестру наконецъ обняла я
И мать обняла. "Ну, Господь васъ храни!"
Сказала я, братьевъ цѣлуя.
Отцу подражая, молчали они...
Старикъ поднялся, негодуя,
По сжатымъ губамъ, по морщинамъ чела
Ходили зловѣщія тѣни...

Я молча ему образокъ подала
И стала предъ нимъ на колѣни:
"Я ѣду! хоть слово, хоть слово отецъ!
Прости свою дочь, ради Бога!..."
Старикъ на меня поглядѣлъ наконецъ
Задумчиво, пристально, строго—
И, руки съ угрозой поднявъ надо мной,
Чуть слышно сказалъ (я дрожала):
"Смотри! черезъ годъ возвращайся домой.
Не то прокляну!.."
Я упала...

IV.

"Довольно, довольно объятій и слезъ!"
Я сѣла—и тройка помчалась.
"Прощайте, родные!" Въ декабрьскій морозъ
Я съ домомъ отцовскимъ разсталась,
И мчалась безъ отдыху слишкомъ три дня;
Меня быстрота увелекала,
Она была лучшимъ врачемъ для меня...
Я скоро въ Москву прискакала,
Къ сестрѣ Зинаидѣ. Мила и умна
Была молодая княгиня;
Какъ музыку знала! Какъ пѣла она!
Искусство ей было святыня,
Она намъ оставила книгу новеллъ,
Исполненныхъ граціи нѣжной;
Поэтъ Веневитиновъ стансы ей пѣлъ,
Влюбленный въ нее безнадежно;
Въ Италіи годъ Зинаида жила
И къ намъ—по сказанью поэта—
"Цвѣтъ южнаго неба въ очахъ принесла".
Царица московскаго свѣта,
Она не чуждалась артистовъ,—житье
Имъ было у Зины въ гостиной;
Они уважали, любили ее
И Сѣверной звали Коринной...

Поплакали мы. По душѣ ей была
Рѣшимость моя роковая:
"Крѣпись, моя бѣдная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чѣмъ мнѣ эти темныя тучи прогнать?
Какъ мы распростимся съ тобою?
А вотъ что! ложись ты до вечера спать,
А вечеромъ пиръ я устрою.
Не бойся! все будетъ во вкусѣ твоемъ,
Друзья у меня не повѣсы,
Любимыя пѣсни твои мы споемъ,
Сыграемъ любимыя пьесы"...
И вечеромъ вѣсть, что пріѣхала я,
Въ Москвѣ уже многіе знали.
Въ то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали:
Едва огласилось рѣшенье суда,—
Всѣмъ было неловко и жутко;
Въ салонахъ Москвы повторялась тогда
Одна Растопчинская шутка:
"Въ Европѣ—сапожникъ, чтобъ бариномъ стать,
Бунтуетъ,—понятное дѣло!
У насъ революцію сдѣлала знать:
Въ сапожники, что-ль, захотѣла?..."

И сдѣлалась я „героинею дня".
Не только артисты, поэты—
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадныя, цугомъ, кареты
Гремѣли; напудривъ свои парики,
Потемкину ровня по лѣтамъ,
Явились былые тузы-старики
Съ отмѣнно-учтивымъ привѣтомъ;
Сжарушки, статсъ-дамы былаго двора,
Въ объятья меня заключали:
"Какое геройство!.. Какая пора!.."
И въ тактъ головами качали.
Ну, словомъ, что было въ Москвѣ повиднѣй,

Что въ ней мимоѣздомъ гостило,
Все вечеромъ съѣхалось къ Зинѣ моей.
Артистовъ тутъ множество было,
Пѣвцовъ-итальянцевъ тутъ слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тутъ были, печалью убиты,
Тутъ были родные ушедшихъ туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимыхъ тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тутъ былъ и Одоевскій, Вяземскій; былъ
Поэтъ вдохновенный и милый,
Поклонникъ кузины, что рано почилъ,
Безвременно взятый могилой...

И Пушкинъ тутъ былъ... Я узнала его...
Онъ другомъ былъ нашего дѣтства,
Въ Юрзуфѣ онъ жилъ у отца моего.
Въ ту пору проказъ и кокетства
Смѣялись, болтали мы, бѣгали съ нимъ,
Бросали другъ въ друга цвѣтами.
Все наше семейство поѣхало въ Крымъ
И Пушкинъ отправился съ нами.
Мы ѣхали весело. Вотъ, наконецъ,
И горы, и Черное море!
Велѣлъ постоять экипажамъ отецъ,
Гуляли мы тутъ на просторѣ.
Тогда уже былъ мнѣ шестнадцатый годъ.
Гибка, высока не по лѣтамъ,
Покинувъ семью, я стрѣлою впередъ
Умчалась съ курчавымъ поэтомъ;
Безъ шляпки, съ распущенной длинной косой,
Полуденнымъ солнцемъ палима,
Я къ морю летѣла,—и былъ предо мной
Видъ южнаго берега Крыма!
Я радостнымъ взоромъ глядѣла кругомъ,
Я прыгала, съ моремъ играла;

Когда удалялся приливъ, я бѣгомъ
До самой воды добѣгала,
Когда же приливъ возвращался опять
И волны грядой подступали,
От нихъ я спѣшила назадъ убѣжать,
А волны меня настигали!..

И Пушкинъ смотрѣлъ... и смѣялся, что я
Ботинки мои промочила:
"Молчите! идетъ гувернантка моя!"
Сказала я строго... (Я скрыла,
Что ноги промокли)... Потомъ я прочла
Въ „Онѣгинѣ" чудныя строки.
Я вспыхнула вся—я довольна была...
Теперь я стара, такъ далеки
Тѣ красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкинъ въ то время казался
Влюбленнымъ въ меня... но, по правдѣ сказать,
Въ кого онъ тогда не влюблялся!
Но, думаю, онъ не любилъ никого
Тогда, кромѣ Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ея и печали...

Юрзуфъ живописенъ: въ роскошныхъ садахъ
Долины его потонули,
У ногъ его море, вдали Аюдагъ...
Татарскія хижины льнули
Къ подножію скалъ; виноградъ выбѣгалъ
На кручу лозой отягченный,
И тополь мѣстами недвижно стоялъ
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли домъ подъ нависшей скалой,
Поэтъ наверху пріютился;
Онъ намъ говорилъ, что доволенъ судьбой,
Что въ море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по днямъ
И были всегда одиноки;

Онъ у моря часто бродилъ по ночамъ,
По-англійски бралъ онъ уроки
У Лены, сестры моей; Байронъ тогда
Его занималъ чрезвычайно.
Случалось сестрѣ перевесть иногда
Изъ Байрона что-нибудь—тайно;
Она мнѣ читала попытки свои,
А послѣ рвала и бросала.
Но Пушкину кто-то сказалъ изъ семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэтъ подобралъ лоскутки подъ окномъ
И вывелъ все дѣло на сцену.
Хваля переводы, онъ долго потомъ
Конфузилъ несчастную Лену...
Окончивъ занятья, спускался онъ внизъ
И съ нами дѣлился досугомъ;
У самой террасы стоялъ кипарисъ:
Поэтъ называлъ его другомъ,
Подъ нимъ заставалъ его часто разсвѣтъ,
Онъ съ нимъ, уѣзжая, прощался...
И мнѣ говорили, что Пушкина слѣдъ
Въ туземной легендѣ остался:
"Къ поэту леталъ соловей по ночамъ,
Какъ въ небо луна выплывала,
И вмѣстѣ съ поэтомъ онъ пѣлъ—и, пѣвцамъ
Внимая, природа смолкала!
Потомъ соловей—повѣствуетъ народъ—
Леталъ сюда каждое лѣто:
И свищетъ, и плачетъ, и словно зоветъ
Къ забытому другу поэта!
Но умеръ поэтъ—прилетать пересталъ
Пернатый пѣвецъ... Полный горя,
Съ тѣхъ поръ кипарисъ сиротою стоялъ,
Внимая лишь ропоту моря..."
Но Пушкинъ надолго прославилъ его:
Туристы его навѣщаютъ,
Садятся подъ нимъ и на память съ него
Душистыя вѣтки срываютъ...

Печальна была наша встрѣча. Поэтъ
Подавленъ былъ истиннымъ горемъ.
Припомнилъ онъ игры ребяческихъ лѣтъ
Въ делокмъ Юрзуфѣ, надъ моремъ.
Покинувъ привычный насмѣшливый тонъ,
Съ любовью, съ тоской безконечной,
Съ участіемъ брата напутствовалъ онъ
Подругу той жизни безпечной!
Со мной онъ по комнатѣ долго ходилъ,
Судьбой озабоченъ моею,
Я помню, родные, что онъ говорилъ,
Да такъ передать не сумѣю:
"Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смѣлымъ терпѣньемъ богаты;
Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
Пусть васъ не смущаютъ утраты!
Повѣрьте, душевной такой чистоты
Не стоитъ сей свѣтъ ненавистный!
Блаженъ, кто мѣняетъ его суеты
На подвигъ любви безкорыстной!
Что свѣтъ? опостылѣвшій всѣмъ маскарадъ!
Въ немъ сердце черствѣетъ и дремлетъ,
Въ немъ царствуетъ вѣчный, разсчитанный кладъ
И пылкую правду объемлетъ...

"Вражда умирится вліяньемъ годовъ,
Предъ временемъ рухнетъ преграда
И вамъ возвратятся пенаты отцовъ
И сѣни домашняго сада!
Цѣлебно вольется въ усталую грудь
Долины наслѣдственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.

"Да, вѣрю! не долго вамъ горе терѣпѣть,
Гнѣвъ царскій не будетъ же вѣчнымъ...
Но если придется въ степи умереть,
Помянутъ васъ словомъ сердечнымъ:

Плѣненъ образъ отважной жены,
Явившей душевную силу,
И въ снѣжныхъ пустыняхъ суровой страны
Сокрывшейся рано въ могилу!
"Умрете, но вашихъ страданій разсказъ
Поймется живыми сердцами,
И за-полночь правнуки ваши о васъ
Бесѣды не кончатъ съ друзьями.
Они имъ покажутъ, вздохнувъ отъ души,
Черты незабвенныя ваши,
И въ память прабабки, погибшей въ глуши,
Осушатся полныя чаши!..
. . . . . .
"Но что я?.. Дай Богъ вамъ здоровья и силъ!
А тамъ и увидѣться можно:
Мнѣ Царь "Пугачева" писать поручилъ,
Пугачъ меня мучитъ безбожно,
Расправиться съ нимъ я на славу хочу,
Мнѣ быть на Уралѣ пирдется..
Поѣду весной, поскорѣй захвачу
Что путнаго тамъ соберется,
Да къ вамъ и махну, переѣхавъ Уралъ..."

Поэтъ написалъ "Пугачева",
Но въ дальніе наши снѣга не попалъ:
Какъ могъ онъ сдержать это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пѣнію жадно внимала;
Сама я не пѣла,—была я больна,
Я только другихъ умоляла:
"Подумайте: я уѣзжаю съ зарей...
О, пойте же, пойте! играйте!..
Ни музыки я не услышу такой,
Ни пѣсни... Наслушаться дайте!.."
И чудные звуки лились безъ конца
Торжественной пѣсней прощальной...

Окончился вечеръ—не помню лица
Безъ грусти, безъ думы печальной!
Черты неподвижныхъ, суровыхъ старухъ
Утратили холодъ надменный,
И взоръ, что, казалось, на вѣки потухъ,
Свѣтился слезой умиленной...
Артисты старались себя превзойти:
Не знаю я пѣсни прелестнѣй
Той пѣсни-молитвы о добромъ пути,
Той благословляющей пѣсни...
О, какъ вдохновенно играли они!
Какъ пѣли!.. и плакали сами...
И каждый сказалъ мнѣ: "Господь васъ храни!"
Прощаясь со мной со слезами...

V.

Морозно. Дорога бѣла и гладка,
Ни тучи на всемъ небосклонѣ...
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожитъ онъ въ своемъ балахонѣ.
Спина его, плечи и шапка въ снѣгу,
Хрипитъ онъ, коней понукая,
И кашляютъ кони его на бѣгу,
Глубоко и трудно вздыхая...
Обычные виды: былая краса
Пустыннаго русскаго края,
Угрюмо шумятъ строевые лѣса,
Гигантскія тѣни бросая;
Равнины покрыты алмазнымъ ковромъ,
Деревни въ снѣгу потонули,
Мелькнулъ на пригоркѣ помѣщичій домъ,
Церковныя главы блеснули...

Обычныя встрѣчи: обозъ безъ конца,
Толпа богомолокъ старушекъ,
Гремящая почта, фигура купца
На грудѣ перинъ и подушекъ;

Казенная фура, съ десятокъ подводъ:
Навалены ружья и ранцы.
Солдатики! жидкій, безусый народъ,
Должно быть, еще новобранцы;
Сынковъ провожаютъ отцы-мужики,
Да матери, сестры и жены.
"Уводятъ сердечныхъ въ полки!"
Доносятся горькіе стоны...

Поднявъ кулаки надъ спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь.
На самой дорогѣ догнавъ русака,
Усатый помѣщичій егерь
Махнулъ черезъ ровъ на проворномъ конѣ,
Добычу у псовъ отбиваетъ.
Со всей своей свитой стоитъ въ сторонѣ
Помѣщикъ — борзыхъ подзываетъ...

Обычныя сцены: на станціяхъ адъ—
Ругаются, спорятъ, толкутся:
"Ну, трогай!" Изъ оконъ ребята глядятъ,
Продрогшія куры дерутся;
У кузницы бьется лошадка въ станкѣ,
Выходитъ весь сажей покрытый
Кузнецъ съ раскаленной подковой въ рукѣ:
"Эй, парень, держи ей копыты!.."

Въ Казани я сдѣлала первый привалъ,
На жесткомъ диванѣ уснула;
Изъ оконъ гостинницы видѣла балъ
И, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: часъ или два съ небольшимъ
Осталось до новаго года.
"Счастливые люди! какъ весело имъ!
У нихъ и покой, и свобода,
Танцуютъ, смѣются... а мнѣ не знавать
Веселья... я ѣду на муки!..
Не надо бы мыслей такихъ допускать,

Да молодость, молодость, внуки!
Здѣсь снова пугали меня Трубецкой,
Что дальше то хуже дорога,
"Но я не боюсь—позволенье со мной!"
Часы уже десять пробили,
Пора! я одѣлась—Готовъ ли ямщикъ?
"Княгиня, вамъ лучше дождаться
Разсвѣта",—замѣтилъ смотритель старикъ:
"Метель начала подниматься!"
— Ахъ? то-ли придется еще испытать!
Поѣду. Скорѣй, ради Бога!..

Звенитъ колокольчикъ, ни зги не видать,
Что дальше то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно въ бока.
Какими-то ѣдемъ грядами,
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугорь намело между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.
Ямщикъ мой заохалъ: "Докладывалъ я:
Пождать бы! дорога пропала!.."

Послала дорогу искать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: вѣрно ужъ полночь близка,
Пружинку часовъ подавила:
Двѣнадцать ударило! Кончился годъ,
И новый успѣлъ народиться!
Откинувъ цыновку, гляжу я впередъ—
По прежнему вьюга крутится.
Какое ей дѣло до нашихъ скорбей,
До нашего новаго года?
И я равнодушна къ тревогѣ твоей
И къ стонамъ твоимъ, непогода!
Своя у меня роковая тоска
И съ ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
"Зимовка тутъ есть недалеко",
Сказалъ онъ: "разсвѣта дождемся мы въ ней!"
Подъѣхали мы, разбудили
Какихъ-то убогихъ лѣсныхъ сторожей,
Ихъ дымную печь затопили.
Разсказывалъ ужасы житель лѣсной,
Да я его сказки забыла...
Согрѣлись мы чаемъ. Пора на покой!
Метель все ужаснѣе выла.
Лѣсникъ покрестился, ночникъ погасилъ
И съ помощью пасынка Ѳеди
Огромныхъ два камня къ дверямъ привалилъ.
— Зачѣмъ? "Одолѣли медвѣди!"

Потомъ онъ улегся на голомъ полу,
Все скоро уснуло въ сторожкѣ.
Я думала, думала .. лежа въ углу,
На мерзлой и жесткой рогожкѣ...
Сначала веселыя были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цвѣты,
Подарки, заздравныя чаши,
И шумныя рѣчи, и ласки... кругомъ
Все милое, все дорогое—
Но гдѣ-же Сергѣй!.. И, подумавъ о немъ,
Забыла я все остальное!

Я живо вскочила, какъ только ямщикъ
Продрогшій въ окно постучался.
Чуть свѣтъ на дорогу насъ вывелъ лѣсникъ,
Но деньги принять отказался.
"Не надо, родная! Богъ васъ защити,
Дороги-то дальше опасны!"
Крѣпчали морозы, по мѣрѣ пути,
И сдѣлались скоро ужасны.
Совсѣмъ я закрыла кибитку мою,
И темно, и страшная скука,

Что дѣлать? Стихи вспоминаю, пою,
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдаетъ, пусть вѣтеръ реветъ
И путь мой заносятъ метели,
А все-таки я подвигаюсь впередъ!
Такъ ѣхала я три недѣли...
Однажды, заслышавъ какой-то содомъ,
Цыновку мою я открыла,
Взглянула; мы ѣдемъ обширнымъ селомъ,
Мнѣ сразу глаза ослѣпило:
Пылали костры по дорогѣ моей...
Тутъ были крестьяне, крестьянки,
Солдаты и—цѣлый табунъ лошадей...
"Здѣсь станція: ждутъ серебрнки" *)
Сказалъ мой ямщикъ: "мы увидимъ ее,
Она, чай, идетъ недалече..."
Сибирь высылала богатство свое,
Я рада была этой встрѣчѣ;
"Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О мужѣ, о нашихъ узнаю.
При ней офицеръ, изъ Нерчинска ихъ путь..."
Въ харчевнѣ сижу, поджидаю...
Вошелъ молодой офицеръ; онъ курилъ,
Онъ мнѣ не кивнулъ головою,
Онъ какъ-то надменно глядѣлъ и ходилъ.
И вотъ я сказала съ тоскою:
"Вы видѣли вѣрно... извѣстны ли вамъ
Тѣ... жертвы декабрьскаго дѣла...
Здоровы они? Каково-то имъ тамъ?
О мужѣ я знать бы хотѣла..."
Нахально ко мнѣ повернулъ онъ лицо,—
Черты были злы и суровы,—
И, выпустивъ изо-рту дыму кольцо,
Сказалъ: "несомнѣнно здоровы,
Но я ихъ не знаю—и знать не хочу,
Я мало ли каторжныхъ видѣлъ!.."

---

*) Обозъ съ серебромъ.

Какъ больно мнѣ было, родные! Молчу...
Несчастный! меня же обидѣлъ!
Я бросила только презрительный взглядъ,
Съ достоинствомъ юноша вышелъ...
У печки тутъ грѣлся какой-то солдатъ,
Проклятье мое онъ услышалъ,
И доброе слово—не варварскій смѣхъ—
Нашелъ въ своемъ сердцѣ солдатскомъ:
"Здоровы!" сказалъ онъ: "я видѣлъ ихъ всѣхъ:
Живутъ въ рудникѣ Благодатскомъ!.."
Но тутъ возвратился надменный герой,
Поспѣшно ушла я въ кибитку.
Спасибо, солдатикъ! спасибо, родной!
Не даромъ я вынесла пытку!
Поутру на бѣлыя степи гляжу,
Послышался звонъ колокольный,
Тихонько въ убогую церковь вхожу,
Смѣшалась съ толпой богомольной.
Отслушавъ обѣдню, къ попу подошла,
Молебенъ служить попросила...
Все было спокойно—толпа не ушла...
Совсѣмъ меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христосъ?
За что поруганьемъ покрыты?..
И рѣки давно накопившихся слезъ
Упали на жестскія плиты!
Казалось, народъ мою грусть раздѣлялъ,
Молясь молчаливо и строго,
И голосъ священника скорбью звучалъ,
Прося объ изгнанникахъ Бога...
Убогій, въ пустынѣ затерянный храмъ!
Въ немъ плакать мнѣ было не стыдно,
Участье страдальцевъ, молящихся тамъ,
Убитой душѣ не обидно...
(Отецъ Іоаннъ, что молебенъ служилъ
И такъ непритворно молился,
Потомъ въ казематѣ священникомъ былъ
И съ нами душой породнился).

А ночью ямщикъ не сдержалъ лошадей—
Гора была страшно крутая—
И я полетѣла съ кибиткой моей
Съ высокой вершины Алтая!

Въ Иркутскѣ продѣлали тоже со мной
Чѣмъ тамъ Трубецкую терзали...

Байкалъ. Переправа—и холодъ такой,
Что слезы въ глазахъ замерзали.
Потомъ я разсталась съ кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мнѣ жаль ее было: я плакала въ ней
Я думала, думала много!
Дорога безъ сѣнгу—въ телѣгѣ! Сперва
Телѣга меня занимала,
Но вскорѣ потомъ, ни жива, ни мертва,
Я прелесть телѣги узнала.
Узнала и голодъ на этомъ пути:
Къ несчастію, мнѣ не сказали,
Что тутъ ничего невозможно найти...
Тутъ почту буряты держали;
Говядину валятъ на солнцѣ они,
Да грѣются чаемъ кирпичнымъ,
И тотъ еще съ саломъ! Господь сохрани
Попробовать вамъ, непривычнымъ!
За то подъ Нерчинскомъ мнѣ задали балъ:
Какой-то купецъ тороватый
Въ Иркутскѣ замѣтилъ меня, обогналъ
И въ честь мою праздникъ богатый
Устроилъ... Спасибо! я рада была
И вкуснымъ пельменямъ, и банѣ...
А праздникъ, какъ мертвая, весь проспала
Въ гостинной его на диванѣ...
Не знала я, что впереди меня ждетъ!
Я утромъ въ Нерчинскъ прискакала,
Не вѣрю глазамъ,—Трубецкая идетъ,
"Догнала тебя я, догнала!"

— Они въ Благодатскѣ!—Я бросилась къ ней,
Счастливыя слезы роняя.
Въ двѣнадцати только верстахъ мой Сергѣй,
И Катя со мной Трубецкая!

VI.

Кто зналъ одиночество въ дальнемъ пути,
Чьи спутники—горе да вьюга,
Кому Провидѣньемъ дано обрѣсти
Въ пустынѣ негаданно друга,
Тотъ нашу взаимную радость пойметъ...
— Устала, устала я, Маша!
"Не плачь, моя бѣдная Катя! Спасетъ
Насъ дружба и молодость наша!
Насъ жребій одинъ неразрывно связалъ,
Судьба насъ равно обманула,
И тотъ же потокъ твое счастье умчалъ,
Въ которомъ мое потонуло.
Пойдемъ же мы объ-руку труднымъ путемъ,
Какъ шли зеленѣющимъ лугомъ,
И обѣ достойно свой крестъ понесемъ
И будемъ мы сильны другъ другомъ.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Не много!
Теперь передъ нами дорога добра,
Дорога избранниковъ Бога!
Найдемъ мы униженныхъ, скорбныхъ мужей,
Но будемъ мы имъ утѣшеньемъ,
Мы кротостью нашей смягчимъ палачей,
Страданье осилимъ терпѣньемъ.
Опорою гибнущимъ, слабымъ, больнымъ
Мы будемъ въ тюрьмѣ ненавистной,
И рукъ не положимъ, пока не свершимъ
Обѣта любви безкорыстной!..
Чиста наша жертва,—мы все отдаемъ
Избранникамъ нашимъ и Богу,

И вѣрю я: мы невредимо пройдемъ
Всю трудную нашу дорогу..."

Природа устала съ собой воевать—
День ясный, морозный и тихій.
Снѣга подъ Нерчинскомъ явились опять
Въ саняхъ покатили мы лихо...
О ссыльныхъ разсказывалъ русскій ямщикъ
(Онъ зналъ ихъ фамиліи даже):
"На этихъ коняхъ я возилъ ихъ въ рудникъ,
Да только въ другомъ экипажѣ...
Должно быть, дорога легка имъ была:
Шутили, смѣшили другъ дружку;
На завтракъ ватрушку мнѣ мать испекла,
Такъ я подарилъ имъ ватрушку,
Двугривенный дали—я брать не хотѣлъ:
— "Возьми, паренекъ, пригодится..."
Болтая, онъ живо въ село прилетѣлъ.
"Ну, барыни! гдѣ становиться?"
— Вези насъ къ начальнику прямо въ острогъ.
"Эй, други, не дайте въ обиду!"

Начальникъ былъ тученъ и, кажется, строгъ;
Спросилъ:—по какому мы виду?
"Въ Иркутскѣ читали инструкцію намъ
И выслать въ Нерчинскъ обѣщали..."
— Застряла, застряла, голубушки, тамъ!
"Вотъ копія, намъ ее дали..."
— Что копія? съ ней попадешься въ просакъ!
"Вотъ царское вамъ позволенье!"
Не зналъ по-французски упрямый чудакъ,
Не вѣрилъ намъ,—смѣхъ и мученье!
— "Вы видите подпись царя: Николай?"
До подписи нѣтъ ему дѣла,—
Ему изъ Нерчинска бумагу подай!
Поѣхать за ней я хотѣла,
Но онъ объявилъ, что отправится самъ
И къ утру бумагу добудетъ.

— Да точно-ли?.. "Честное слово! А вамъ
Полезнѣе выспаться будетъ!.."
И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнемъ утрѣ мечтая;
Съ оконцемъ изъ слюды, низка, безъ трубы,
Была наша хата такая,
Что я головою касалась стѣны,
А въ дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти намъ были смѣшны:
Не то ужъ случалося съ нами.
Мы вмѣстѣ! теперь бы легко я снесла
И самыя трудныя муки...
Проснулась я рано, а Катя спала;
Пошла по деревнѣ отъ скуки:
Избушки такія-жъ, какъ наша, числомъ
До сотни въ оврагѣ торчали;
А вотъ и кирпичный съ рѣшетками домъ!
При немъ часовые стояли.
— Не здѣсь ли преступники? "Здѣсь, да ушли".
— Куда?—"На работу, вѣстимо!"
Какія-то дѣти меня повели...
Бѣжали мы всѣ—нестерпимо
Хотѣлось мнѣ мужа увидѣть скорѣй;
Онъ близко! Онъ шелъ тутъ недавно!
— Вы видите ихъ? я спросила дѣтей.
"Да, видимъ!—Поютъ они славно!
Вонъ дверца... гляди же! Пойдемъ мы теперь,
Грощай!.." Убѣжали ребята...

И словно подъ землю ведущую дверь
Увидѣла я—и солдата.
Сурово смотрѣлъ часовой,—на-голо
Въ рукѣ его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здѣсь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть можетъ, вамъ хочется дальше читать,
Да просится слово изъ груди!
Помедлимъ немного. Хочу я сказать

Спасибо вамъ, русскіе люди!
Въ дорогѣ, въ изгнаньѣ, гдѣ я ни была,
Все трудное каторги время—
Народъ! я бодрѣе съ тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебѣ пало на часть,—
Ты дѣлишь чужія печали,
И гдѣ мои слезы готовы упасть,
Твои ужъ давно тамъ упали!..
Ты любишь несчастнаго, русскій народъ!
Страданія насъ породнили...
"Васъ въ каторгѣ самый законъ не спасетъ!"
На родинѣ мнѣ говорили;
Но добрыхъ людей я встрѣчала и тамъ,
На крайней ступени паденья;
Умѣли по-своему выразить намъ
Преступники дань уваженья;
Меня съ неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встрѣчали!
"Вы—ангелы наши!" За нашихъ мужей
Уроки они исполняли.
Не разъ мнѣ украдкой давалъ изъ полы
Картофель колодникъ клейменый:
"Покушай! горячій, сейчасъ изъ золы!"
Хорошъ былъ картофель печеный,
Но грудь и теперь занываетъ съ тоски,
Когда я о немъ вспоминаю...
Примите мой низкій поклонъ, бѣдняки!
Спасибо вамъ всѣмъ посылаю!
Спасибо!.. Считали свой трудъ ни во что
Для насъ эти люди простые,
Но горечи въ чашу не подлилъ никто,
Никто—изъ народа, родные!..

Рыданьямъ моимъ часовой уступилъ,
Какъ Бога его я просила!—
Свѣтильникъ (родъ факела) онъ засвѣтилъ,
Въ какой-то подвалъ я вступила,

И долго спускалась все ниже; потомъ
Пошла я глухимъ корридоромъ;
Уступами шелъ онъ; темно было въ немъ
И душно; удѣ плѣсень узоромъ
Лежала, гдѣ тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.
Я слышала шорохъ: земля иногда
Комками со стѣнъ упадала;
Я видѣла страшныя ямы въ стѣнахъ:
Казалось, такія-жъ дороги.
Отъ нихъ начинались. Забыла я страхъ,
Проворно несли меня ноги!
И вдругъ я услышала крики: "Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамамъ туда!
Вернитесь скорѣй! Погодите!"
Бѣда моя! видно, дежурный пришелъ
(Его часовой такъ боялся):
Кричалъ онъ такъ грозно, такъ голосъ былъ золъ,
Шумъ скорыхъ шаговъ приближался ..
Что дѣлать? Я факелъ задула. Нпередъ
Въ потьмахъ наугадъ побѣжала...
Господь коли хочетъ, вездѣ проведетъ!
Не знаю, какъ я не упала,
Какъ голову я не оставила тамъ!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасныхъ разсѣлинъ, проваловъ и ямъ
Богъ вывелъ меня невредимо:
Я скоро увидѣла свѣтъ впереди,
Тамъ звѣздочка словно свѣтилась...
И вылетѣлъ радостный крикъ изъ груди:
"Огонь!" Я крестомъ осѣнилась...
Я бросила шубу... Бѣгу на огонь,
Какъ Богъ уберегъ во мнѣ душу!
Попавшій въ трясину, испуганный конь
Такъ рвется, завидѣвши сушу...

И стало, родные, свѣтлѣй и свѣтлѣй!
Увидѣла я возвышенье:
Какая-то площадь... и тѣни на ней...
Чу... молотъ! работа, движенье...
Тамъ люди! Увидятъ ли только они?
Фигуры отчетливѣй стали!...
Вотъ ближе! сильнѣй замелькали огни...
Должно быть, меня увидали...
И кто-то, стоявшій на самомъ краю,
Воскликнулъ: "Не ангелъ ли Божій?
Смотрите, смотрите!"—Вѣдь мы не въ раю:
Проклятая шахта похожѣй
На адъ!—говорили другіе, смѣясь,
И быстро на край выбѣгали,
И я приближалась поспѣшно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

— Волконская! вдругъ закричалъ Трубецкой
(Узнала я голосъ). Спустили
Мнѣ лѣстницу; я поднялася стрѣлой!
Все люди знакомые были:
Сергѣй Трубецкой, Артамонъ Муравьевъ,
Борисовы, князь Оболенскій...
Потокомъ сердечныхъ, восторженныхъ словъ,
Похвалъ моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицамъ ихъ, полнымъ участья...
Но гдѣ же Сергѣй мой? "За нимъ ужъ пошли,
Не умеръ бы только отъ счастья!
Кончаетъ урокъ: по три пуда руды
Мы въ день достаемъ для Россіи,
Какъ видите, насъ не убили труды!"
Веселые были такіе,
Шутили, но я подъ веселостью ихъ
Печальную повѣсть читала
(Мнѣ новостью были оковы на нихъ,
Что ихъ закуютъ—я не знала)...
Извѣстьемъ о Катѣ, о милой женѣ,

Утѣшила я Трубецкого;
Всѣ письма, по счастію, были при мнѣ,
Съ привѣтомъ изъ края родного;
Спѣшила я ихъ передать. Между тѣмъ
Внизу офицеръ горячился:
"Кто лѣстницу принялъ! Куда и зачѣмъ
Смотритель работъ отлучился!
Сударыня! Вспомните слово мое,
Убьетесь!.. Эй, лѣстницу, черти!
Живѣй!.." (Но никто не подставилъ ее)...
"Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что-жъ вы?.." Но мы
Все въ глубь уходили... Отвсюду
Бѣжали къ намъ мрачныя дѣти тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мнѣ путь впереди,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземныхъ работъ на пути,
Провалы, бугры мы встрѣчали.
Работа кипѣла подъ звуки оковъ,
Подъ пѣсни—работа надъ бездной!
Случались въ упругую грудь рудниковъ
И заступъ, и молотъ желѣзный.
Тамъ съ ношею узникъ шагалъ по бревну,
Невольно кричала я: „тише!"
Тамъ новую мину вели въ глубину,
Тамъ люди карабкались выше
По шаткимъ подпоркамъ... Какіе труды!
Какая отвага!.. Сверкали
Мѣстами добытыя глыбы руды
И щедрую дань обѣщали...

Вдругъ кто-то воскликнулъ: "идетъ онъ! идетъ!"
Окинувъ пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись впередъ—
Канава была передъ нами.
"Потише, потише! Ужели затѣмъ

Вы тысячи верстъ пролетѣли,—
Сказалъ Трубецкой,—чтобъ на горе намъ всѣмъ
Въ канавѣ погибнуть—у цѣли?"
И за руку крѣпко меня онъ держалъ:
"Что-бъ было, когда-бъ вы упали?"
Сергѣй торопился, но тихо шагалъ;
Оковы уныло звучали.
Предъ нимъ разступались, молчанье храня,
Рабочіе люди и стража...
И вотъ, онъ увидѣлъ, увидѣлъ меня,
И руки простеръ ко мнѣ: "Маша!"
И сталъ, обезсиленный словно, вдали...
Два ссыльныхъ его поддержали.
По блѣднымъ щекамъ его слезы текли,
Престертыя руки дрожали...
Душѣ моей милаго голоса звукъ
Мгновенно послалъ обновленье,
Отраду, надежду, забвеніе мукъ,
Отцовской угрозы забвенье!
И съ крикомъ: "иду!" я бѣжала бѣгомъ,
Рванувъ неожиданно руку,
По узкой доскѣ надъ зіяющемъ рвомъ
На-встрѣчу призывному звуку...
"Иду!.." Посылало мнѣ ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я подбѣжала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
И только теперь, въ рудникѣ роковомъ,
Услышавъ ужасные звуки,
Увидѣвъ оковы на мужѣ моемъ,
Вполнѣ поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!..
Невольно предъ нимъ я склонила
Колѣни,—и прежде чѣмъ мужа обнять,
Оковы къ губамъ приложила!..

И тихаго ангела Богъ ниспослалъ
Въ подземныя копи,—въ мгновенье

И говоръ, и грохотъ работъ замолчалъ,
И замерло словно движенье.
Чужіе, свои—со слезами въ глазахъ,
Взволнованы, блѣдны, суровы
Стояли кругомъ. На недвижныхъ ногахъ
Не издали звука оковы,
И въ воздухѣ поднятый молотъ застылъ...
Все тихо—ни пѣсни, ни рѣчи...
Казалось, что каждый здѣсь съ нами дѣлилъ
И горечь, и счастіе встрѣчи!
Святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна...
"Да гдѣ же вы всѣ запропали!"
Вдругъ снизу донесся неистовый крикъ:
Сморитель работъ появился.
"Уйдите!" сказалъ со слезами старикъ:
"Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранятъ!
Начальники—люди крутые...
И словно изъ рая спустилась я въ адъ...
И только... И только, родные!
По-русски меня офицеръ обругалъ
Внизу, ожидавшій въ тревогѣ.
А сверху мнѣ мужъ по-французски сказалъ:
"Увидимся,, Маша,—въ острогѣ!.."

459365
LR
N4189
1919
Nekrasov, Nikolai Alekseyevich
Полное собраніе стихотвореній. Т.1.
[Title translitterated: Polnoe sobranie stikhotvoreny]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET